

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

2020 Том 28 № 4

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4
<http://journals.rudn.ru/economics>

Научный журнал
Издается с 1993 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61177 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Давыдов В.М., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор кафедры Иberoамериканских исследований экономического факультета РУДН, директор Института Латинской Америки РАН, член научного совета при Совете безопасности РФ и научного совета при Министре иностранных дел РФ (Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Решетникова М.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования экономического факультета РУДН (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Коновалова Ю.А., кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН (Москва, Россия)

Члены редакционной коллегии

Бруно С. – доктор наук, профессор Университета Мессины (Мессина, Италия), Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, США)

Гишар Ж.П. – доктор наук, профессор факультета права и политических наук Университета Ниццы София Антиполис (Ницца, Франция)

Гусаков Н.П. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений экономического факультета РУДН (Москва, Россия)

Дантас А.Т. – доктор наук, профессор департамента экономического развития экономического факультета, председатель Центра исследования Америки Университета штата Рио-де-Жанейро (Рио-де-Жанейро, Бразилия)

Зиядуллаев Н.С. – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Узбекистана, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН, заслуженный деятель науки РФ (Москва, Россия)

Кенан К. – доктор наук, профессор Университета Париж III Новая Сорбонна (Париж, Франция)

Кузнецов А.В. – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, врио директора ИНИОН РАН (Москва, Россия)

Кулаков М.В. – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению социально-экономических проблем развивающихся стран экономического факультета МГУ (Москва, Россия)

Лавров С.Н. – доктор экономических наук, профессор, исполнительный директор бюро экономического анализа, заведующий кафедрой международного бизнеса факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

Мадиярова Д.М. – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Евразийского университета имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Мосейкин Ю.Н. – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета РУДН (Москва, Россия)

Реджепаджич С. – профессор экономики, Университет Лазурного Берега (Ницца, Франция)

Рекорд С.И. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений экономического факультета СПбГЭУ (Санкт-Петербург, Россия)

Стрыжакевич Т. – профессор, директор Института социально-экономической географии и пространственного менеджмента Университета имени Адама Мицкевича в Познани (Познань, Польша)

Ткаченко М.Ф. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой международных экономических отношений Российской таможенной академии (Москва, Россия)

Турель И.Д. – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по науке Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Турина Н. – доктор наук, профессор, директор Института администрации предприятий Университета Ниццы София Антиполис (Ницца, Франция)

Школяр Н.А. – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (Москва, Россия)

Ярыгина И.З. – доктор экономических наук, профессор, заведующая базовой кафедрой Газпромбанка «Экономика и банковский бизнес» МГИМО (Москва, Россия)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством; 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит; 08.00.14 – Мировая экономика.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley, EBSCOhost.

Цели и тематика

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика – это научный журнал общезакономерного содержания, где публикуются статьи теоретической и практической направленности. Целями журнала являются публикация статей российских и зарубежных исследователей по актуальным проблемам развития российской и мировой экономики, формирование научного сообщества экономистов, повышение научной активности сложившихся и молодых ученых РУДН и других вузов.

В журнале публикуются статьи, которые направлены на достижение следующих целей: проведение экономического анализа по современным вопросам макро- и микроэкономики, осмысление опыта решения важнейших социально-экономических вопросов в различных регионах и странах мира, поощрение дискуссий и обмена мнениями в области современной экономической науки.

Основные рубрики журнала:

- вопросы экономической теории;
- аспекты продвижения экономических реформ в России и других странах СНГ;
- проблемы экономической интеграции и глобализации;
- задачи экономик развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- аспекты экономики отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры и прикладные исследования;
- рецензии и др.

Основная аудитория журнала – профессиональные экономисты, преподаватели, аспиранты вузов, руководители федеральных и региональных органов власти, представители бизнеса.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/economics>

Электронный адрес: econj@rudn.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Экономика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econj@rudn.ru

Подписано в печать 23.11.2020. Выход в свет 30.11.2020. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 20,65. Тираж 500 экз. Заказ № 1053. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

2020 VOLUME 28 NUMBER 4

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4

<http://journals.rudn.ru/economics>

Founded in 1993

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Davydov V.M., corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Full Professor, Head of Ibero-American Studies Department, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Head of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, Member of the Scientific Committee under the Security Council of the Russian Federation and Scientific Council under the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

DEPUTY OF THE EDITOR-IN-CHIEF

Reshetnikova M.S., PhD (Economics), Associate Professor, Department of Economic and Mathematic Modeling, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY

Konovalova Yu.A., PhD (Economics), Senior Lecturer, Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Bruno Sergio – Doctor of Economics, Full Professor of Political Economy, University of Messina (Messina, Italy), Researcher of Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University (Cambridge, USA)

Dantas Aléxis Toribio – Doctor of Economics, Full Professor of the Department of Economic Evolution, the Economic Science Faculty, Coordinator of NUCLEAS (Núcleo de Estudos das Américas), State University of Rio de Janeiro (Rio de Janeiro, Brazil)

Goussakov N.P. – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the International Economic Relations Department, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia)

Guichard Jean-Paul – Full Professor of Economics, Department of Law and Political Sciences, University of Nice Sophia Antipolis (Nice, France)

Kulakov M.V. – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Laboratory for the Study of Socio-Economic Problems of Emerging Countries, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Kuznetsov A.V. – Doctor of Economics, corresponding member of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (Moscow, Russia)

Lavrov S.N. – Doctor of Economics, Full Professor, Executive Director of the Bureau of Economic Analysis, Head of the Department of International Business, Faculty of International Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

Madiyarova D.M. – Doctor of Economics, Full Professor, Department of Economics, Eurasian National University named after L.N. Gumilev (Astana, Kazakhstan)

Moseikin Y.N. – Doctor of Economics, Full Professor, Dean of the Economic Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia)

Quenan Carlos – Doctor of Economics, Full Professor, The New Sorbonne University (Paris, France)

Redžepagić Srdjan – Research Professor, Professor of Economics, University Côte d'Azur (Nice, France)

Rekord S.I. – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Global Economy and International Economic Relations Department, Faculty of Economics, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

Shkolyar N.A. – Doctor of Economics, Full Professor, Leading Researcher, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Stryjakiewicz Tadeusz – Doctor of Economics, Full Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Geography and Spatial Management, Adam Mickiewicz University in Poznań (Poznan, Poland)

Thachenko M.F. – Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Department of International Economic Relations, Russian Customs Academy (Moscow, Russia)

Tournois Nadine – Doctor of Economics, Full Professor, Director of the Institute of Business Administration, University of Nice Sophia Antipolis (Nice, France)

Turgel I.D. – Doctor of Economics, Full Professor, Deputy Director for Research, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Yarygina I.Z. – Doctor of Economics, Full Professor, Head of Economy and Banking Department, MGIMO University (Moscow, Russia)

Ziyadullaev Nabi – Doctor of Economics, Full Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Chief Researcher of Market Economy Institute (MIE RAS), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Economics is a general-interest economic journal, which publishes papers of theoretical, empirical and practical issues.

The goals of the journal are publication of papers of Russian and foreign authors on topical questions of national and world economic development, as well as building-up of academic economic society, increasing of scientific activity of senior and young researchers from Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) and other higher institutions.

The journal aims to publish articles that will serve several goals: to provide economic analysis in the field of macro- and microeconomics and finance; to integrate lessons learned from different regions and countries experience in tackling socio-economic problems; to encourage cross-fertilization of ideas among the fields of economic thinking.

Main subject fields of the journal include:

- questions of economic theory;
- economic reforms in Russia and Commonwealth countries;
- economic integration and globalization;
- developed and developing countries economy;
- monetary and financial questions;
- industrial organization markets;
- questions of management and marketing;
- interdisciplinary research;
- methodology of teaching economic subjects;
- economic reviews and applied research;
- books' reviews, etc.

Main audience of the journal – professional economists, high school teachers, postgraduate students, representatives of federal and municipal government bodies as well as business leaders.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/economics>

E-mail: econj@rudn.ru

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Economics:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Богомолова Е.С.** Оценка влияния факторов макроокружения на стратегическое планирование развития рекреационного туризма Крыма 647
- Григорьев В.Н.** Банковская система Индии 661
- Shille P.N., Enow P.** Differentiation as a business competitiveness strategy in the brewery industry in Cameroon: an analysis of Les Brasseries du Cameroun Bamenda (Дифференциация как фактор конкурентоспособности бизнеса в пивоваренной отрасли Камеруна: анализ Les Brasseries du Cameroun Bamenda) 668

ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

- Павлов П.В., Защитина Е.К.** Университет мирового уровня в эпоху цифровизации 681
- Романов В.А., Хубулова В.В.** Индустрия финтех: основные технологии и направления развития финансовой цифровизации 700
- Жупарова А.С., Исатаева Г.Б., Нусюпаева А.А.** Научоемкая экономика: аналитический обзор литературы 713

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Маслакова-Клауберг Н.И.** Международные правовые, экономические и социальные последствия пандемии коронавируса в мире 728
- Пуло Очоа Я.** Анализ национальной системы здравоохранения Кубы 737
- Тихомирова В.А.** Реализация доктрины продовольственной безопасности России: оценка и перспективы 751
- Komissarova Zh.N.** Micro-business in France: specificity, role in the national economy, system of state support (Микробизнес во Франции: специфика, роль в национальной экономике, система государственной поддержки) 765
- Rakhmonov A.Kh., Manshin R.V.** Impact of labor migrants from Tajikistan on the economic security of the Russian Federation (Влияние трудовых мигрантов из Таджикистана на экономическую безопасность РФ) 778

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

- Дмитриев А.С.** Структурные особенности западного и российского рынка страхования жизни 787
- Матвиенко А.И.** Моделирование оптимизационных процессов инвестиционной деятельности профессиональной спортивной организации 797
- Черников С.Ю., Ахметова З.Б.** Перспективы рынков товаров двойного назначения ОДКБ в области грузовых автомобилей 807

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Андропова И.В., Дюжева Н.В., Андронов К.А.** Внешнеторговые отношения Республики Корея и США в условиях развития интеграционных процессов 826
- Федякина Л.Н., Тинькова А.А.** Внешнеторговая политика США как инструмент защиты национальных интересов 842

РЕЦЕНЗИИ

- Iqbal V.A.** Рецензия на монографию: Barai, M.K. (Ed.). (2020). Bangladesh's Economic and Social Progress: From a Basket Case to a Development Model. London, Palgrave Macmillan (Springer Nature Singapore) 858

CONTENTS

REGIONAL ECONOMY

- Bogomolova E.S.** Evaluation of the influence of the machine environment factors on the strategic planning of development of recreational tourism of Crimea 647
- Grigoriev V.N.** The banking system of India 661
- Shille P.N., Enow P.** Differentiation as a business competitiveness strategy in the brewery industry in Cameroon: an analysis of Les Brasseries du Cameroun Bamenda 668

INNOVATIONS IN THE MODERN ECONOMY

- Pavlov V.P., Zashchitina E.K.** World-class university in the era of digitalization 681
- Romanov V.A., Khubulova V.V.** The fintech industry: key technologies and directions of development of the financial digitization 700
- Zhuparova A.S., Isatayeva G.B., Nussyupayeva A.A.** Knowledge-based economy: an analytical review of the literature 713

ECONOMIC GROWTH AND SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT

- Maslakova-Klauberg N.I.** International legal, economic and social consequences of the coronavirus pandemic in the world 728
- Pupo Ochoa Y.** Analysis of the national health system of Cuba 737
- Tikhomirova V.A.** Implementation of the doctrine of food security in Russia: assessment and prospects 751
- Komissarova Zh.N.** Micro-business in France: specificity, role in the national economy, system of state support 765
- Rakhmonov A.Kh., Manshin R.V.** Impact of labor migrants from Tajikistan on the economic security of the Russian Federation 778

INDUSTRIAL ORGANIZATION MARKETS

- Dmitriev A.S.** Structural features of life insurance markets in Russia and the West 787
- Matviyenka A.I.** Modeling of optimization processes of investment activity of a professional sports organization 797
- Chernikov S.Yu., Akhmetova Z.B.** Prospects of the CSTO dual-use goods markets in the field of freight trucks 807

INTERNATIONAL TRADE IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

- Andronova I.V., Dyuzheva N.V., Andronov K.A.** Foreign trade relations between the Republic of Korea and the United States in the context of the development of integration processes 826
- Fedyakina L.N., Tinkova A.A.** US foreign trade policy as a tool for protecting national interests 842

REVIEWS

- Iqbal B.A.** Review of the monograph: Barai, M.K. (Ed.). (2020). Bangladesh's Economic and Social Progress: From a Basket Case to a Development Model. London, Palgrave Macmillan (Springer Nature Singapore) 858

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-647-660

УДК 338

Научная статья

Оценка влияния факторов макроокружения на стратегическое планирование развития рекреационного туризма Крыма

Е.С. Богомолова

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Аннотация. Основной целью является рассмотрение центральных положений стратегического планирования развития рекреационного туризма Крыма, опираясь на оценки влияния факторов макроокружения, что позволяет разработать укрупненные показатели на среднесрочный период для повышения конкурентной позиции рекреационного бизнеса республики, усиления роли рынка рекреационных и оздоровительных услуг, улучшения качественных параметров предоставляемых рекреационных услуг. В ходе исследования изучаются ключевые позиции STEEP-анализа внешней макросреды развития рекреационного туризма Крыма, имеющие высокую вероятность реализации. Оценено соотношение организованного и самостоятельного рекреационного туризма, влияющего на уровень загрузки номерного фонда коллективных средств размещения, изменение их доходности на основе индикаторов Государственной программы развития курортов и туризма Республики Крым в 2015–2022 гг. В качестве одного из подходов стратегического планирования рассматривается применение количественного метода сценарного прогнозирования, позволившего определить динамику таких прогнозных показателей, как потенциальный объем предоставляемых рекреационных услуг, количество прибывших и размещенных туристов и рекреантов, объем доходов рекреационного туризма, выводимого из теневого оборота, и рассчитать прирост объема рекреационных услуг Республики Крым в размере 409,3 млн руб. на период 2020–2026 гг.

Ключевые слова: рекреационный туризм, рекреационные услуги, факторы макроокружения, STEEP-анализ, стратегическое планирование, прогнозные показатели

Введение

Конъюнктура рынка рекреационных услуг как открытая система формируется под воздействием факторов макроокружения, позволяющих рассматривать влияние экономической политики государства (Bolognese, Nachrat, 2019), социального статуса и платежеспособности потребителей, а также технологических возможностей и ресурсов поставщиков рекреационных услуг. Данные составляющие макроокружения (внешней среды) оказывают наибольшее воздействие на состояние рынка рекреационных услуг, который

в свою очередь определяет тенденции развития рекреационного туризма (Мишурова, Воловик, 2016). В связи с этим возникает настоятельная необходимость анализировать факторы макроокружения с точки зрения как потенциальных, перспективных возможностей, так и существенных, реальных угроз или рисков макроокружения.

Перспективные возможности связаны с положительным влиянием факторов макроокружения и заключаются в увеличении объема привлекаемых инвестиций, субсидий, уменьшении налогового прессинга, льготное кредитование, расширении современных природоохранных технологий и состояния экосистем (Чатырко, Ильина, Бурмистров, 2015), что приводит к росту объема продаж рекреационных услуг, прибыли и увеличению доли рекреационного туризма в валовом региональном продукте. Риски факторов макроокружения связаны с негативным влиянием ухудшения политической и экономической стабильности, изменением платежеспособности потребителей, инвестиционной активности, высокими темпами инфляции и другими отрицательными факторами, которые замедляют развитие рекреационного туризма (Чебаненко, Столяренко, 2016).

Следовательно, состояние и тенденции развития рекреационного туризма Республики Крым во многом зависят от влияния факторов макроокружения и определяют главные направления стратегического планирования развития рекреационного туризма Крыма, одной из задач которого является разработка стратегического плана развития рекреационного туризма для того, чтобы использовать возможность выбора более адаптивного варианта (проекта) использования факторов внешней среды, влияющих на рыночную конъюнктуру сферы рекреационных услуг.

Обзор литературы

Вопросы анализа логики и взаимосвязи положений стратегического планирования развития туристско-рекреационной сферы, а также компоненты целевого сценария социально-экономического развития региона на долгосрочную перспективу рассматривались в работах В.М. Ходачека, М.Ю. Елсукова (Ходачек, Елсуков, 2017), В.Д. Марковой, С.А. Кузнецовой (Маркова, Кузнецова, 2015). Проблематика стратегического планирования на макроэкономическом уровне, а также вопросы преобразования внешней макросреды исследовалась в работах Б.С. Жихаревича (Жихаревич, 2018), Е.Н. Бандуриной, М.Г. Быченко (Бандурина, Быченко 2013), Е.В. Чмышенко (Чмышенко, 2010), С.В. Жеуровой (Жеурова, 2010), К. Фляйшера, Б. Бенсуссана (Фляйшер, Бенсуссан, 2009) и др.

Стратегическому анализу функциональных возможностей внешней, в том числе институциональной, среды посвящены работы зарубежных авторов – А. Ланфранки (Lanfranchi, 2020), П. де Резенде Мело (De Resende Melo, 2020), Ш. Кеничи (Kenichi, 2016), Е. Чирмаз (Csirmaz, 2015). Обсуждение основных внешних воздействий, поведения и опыта взаимодействующих сторон в сфере экономики туризма и регионального развития проводится в работах М. Сигала (Sigala, 2020), Т.Ю. Синюк (Синюк, 2013), А.А. Селезнева (Селезнев, 2010), но при этом остаются не изученными результаты ключевых

позиций STEEP-анализа внешней макросреды, влияющие на динамику основных показателей стратегического плана развития регионального рекреационного туризма.

Методология исследования STEEP-анализ: факторы макроокружения

Целью стратегического планирования является достижение долгосрочного развития рекреационного туризма Крыма по основным укрупненным показателям с учетом влияния факторов макроокружения стратегического значения. Данные факторы включают политико-правовые, экономические, технологические, социально-культурные, демографические аспекты состояния окружающей среды. Для проведения стратегического планирования развития рекреационного туризма важно знать происходящие изменения в демографической структуре населения, что позволит определить перспективную потребность отдельных групп потребителей в восстановлении и реабилитации (Мишурова, Воловик, 2016).

Учет факторов социально-культурного характера имеет важное стратегическое значение и заключается в определении среднего уровня дохода на потребительскую группу, а также системы ценностей, предпочтений, потребностей и культурных интересов рекреантов (Елсуков и др., 2017). Мероприятия и показатели стратегического планирования, учитывая влияние стратегических факторов макроокружения, рассматривают перспективу развития рекреационного туризма на 5–7 лет (среднесрочный период) и 8–15 лет (долгосрочный период).

Укрупненные показатели стратегического планирования регионально-го развития рекреационного туризма коррелируют со значимыми факторами макросреды и отражаются как индикаторы выполнения цели и главных задач стратегического развития рекреационного туризма Крыма, среди которых следует выделить повышение конкурентной позиции рекреационного бизнеса республики, расширение рынка рекреационных, оздоровительных услуг, повышение качественных параметров предоставляемых рекреационных услуг, применение современных технологий обслуживания и возможностей выхода на международный рынок рекреационных услуг. Таким образом, при определении стратегической цели и задач изучается влияние факторов макросреды для устранения негативного влияния угроз и рисков развития профильных организаций, компаний рекреационного бизнеса в рамках долгосрочного периода.

Стратегические цели и задачи комплексного развития рекреационного туризма Крыма обозначены в рамках целевой федеральной программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2022 г.», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 г. № 790¹, и Стратегии развития туризма в Россий-

¹ Постановление Правительства РФ от 11.08.2014 г. № 790 (ред. от 12.12.2019) «Об утверждении федеральной целевой программы “Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года”». URL: <https://bazanpa.ru/pravitelstvo-rf-postanovlenie-n790-ot11082014-h2345375/> (дата обращения: 12.07.2020).

ской Федерации на период до 2035 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р². Данная Федеральная целевая программа (ФЦП) выступает средством государственного прогнозирования и регулирования, способствующему соблюдению общегосударственных интересов в области рекреационного туризма. Формирование современного конкурентоспособного туристско-рекреационного комплекса, что является главной целью ФЦП развития рекреационного туризма Крыма, будет способствовать созданию дополнительных рабочих мест, развитию социокультурной среды, повышению качественного уровня жизни населения, увеличения доходной части бюджетной системы Республики Крым и Российской Федерации.

Рис. Компоненты стратегического планирования регионального развития рекреационного туризма Республики Крым
[Figure. Components of strategic planning for regional development of recreational tourism in the Republic of Crimea]

Источник: составлено автором.

Программные мероприятия ФЦП финансируются из государственного и республиканского бюджетов с учетом их приоритетного статуса, а используемый программно-целевой подход позволяет определить достаточные финансовые ресурсы для реализации четко намеченных задач федеральной программы. При этом выполнение программы должно осуществляться под руководством исполнительного органа государственной власти, имеющего полномочия перераспределения ресурсов между мероприятиями и внесения

² Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/> (дата обращения: 12.07.2020).

коррективов, связанных с изменением порядка финансирования, софинансирования и других условий, учитываемых в программе (Чмышенко, 2010).

Взаимообусловленное действие компонентов стратегического планирования регионального развития рекреационного туризма Республики Крым представлено на рисунке. Оценка результатов стратегического плана имеет корректирующее влияние на цели и задачи стратегического планирования регионального развития рекреационного туризма Крыма. Рассмотрение внешней среды развития рекреационного туризма можно провести на основе STEEP-анализа, который оценивает реализацию факторов макроокружения, имеющих высокую степень вероятности влияния.

По мнению К. Фляйшера и Б. Бенсуссана данный «метод требует глубокого понимания и изучения широкого спектра количественных и качественных элементов, которые часто взаимодействуют друг с другом. Большая часть информации может быть получена из вторичных источников. Направленность метода на тенденции, движущие силы и их эволюционное развитие подтверждает, что анализ является предупреждающим методом» (Фляйшер, Бенсуссан, 2009).

Таблица 1

STEER-анализ: факторы макроокружения рекреационного туризма Крыма

	Факторы	Влияние
Политика	Государственная поддержка предпринимательства, содействие малому бизнесу (субсидирование, займы гранты, льготное налогообложение и др.)	Значительное
	Политическая стабильность	Значительное
Экономика	Неравномерная дифференциация доходов (коэффициент Джини): 2017 г. – 0,363, 2018г. – 0,366*	Низкое
	Бюджетообразующая роль туризма: 2018 г. – 7,2 %*	Среднее
Социум	Уровень безработицы: 2017 г. – 6,1 %, 2018г. – 6,0 %. Численность рабочей силы – 893,7 тыс. чел. Уровень занятости населения – 52,9 %*	Значительное
	Снижение платежеспособности населения. Рост инфляции: в 2018 г. – 104,3 %. Рост цен на услуги и товары: 2018 г. – 103,9 %*	Среднее
Технологии	Тенденции использования новых технологий (природных, материальных, коммуникационных) в рекреационной сфере Крыма	Значительное
	Применение прогрессивных технологических процессов обслуживания. Технологическая цепочка «цель – процесс – услуга – качество»	Среднее
Экология	Использование современных природоохранных систем, регулирование состояния экосистем под влиянием антропогенного воздействия	Значительное
	Проблемы антропогенного загрязнения атмосферного воздуха, поверхностных и подземных вод и почвы	Среднее
Законодательство	Налоговое законодательство: повышение ставки НДС, введение курортного сбора в 2019 г. (Крым и Севастополь), продление единого налога на вмененный доход (ЕНВД) до 2022 г.**	Значительное
	Антимонопольное регулирование, контроллинг и финансовый мониторинг	Среднее

Примечания. * – рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата) по состоянию на 2017–2018 гг. ** – Министерство курортов и туризма Республики Крым // Официальный портал правительства Республики Крым. URL: <http://mtur.rk.gov.ru/> (дата обращения: 20.06.2020).

Источник: собственные расчеты.

Table 1

STEEP-analysis: factors of macroenvironment of recreational tourism in Crimea

	Factors	Influence
Policy	State support for entrepreneurship; assistance to small business (subsidies, loans, grants, preferential taxation, etc.)	Significant
	Political stability	Significant
Economy	Uneven income differentiation (Gini coefficient): Y2017– 0,363m, Y2018 – 0,366*	Low
	Budgetary role of tourism: Y2018 – 7,2%*	Medium
Society	Unemployment rate: Y2017 – 6,1%; Y2018 – 6,0%. Labor force – 893,7 thousand people. Employment rate – 52,9%*	Significant
	Decrease in the population's solvency. Inflation rate: Y2018 – 104,3%. Rising prices for services and goods: Y2018 – 103,9%*	Medium
Technology	Trends in the use of new technologies (natural, material, communication) in the recreational sphere of Crimea	Significant
	Application of progressive technological processes of service. Technological chain "goal – process – service – quality"	Medium
Ecology	Use of modern nature conservation systems, regulation of the state of ecosystems under the influence of anthropogenic impact	Significant
	Problems of anthropogenic pollution of atmospheric air, surface and ground waters and soil	Medium
Legislation	Tax legislation: an increase in the VAT rate, the introduction of a resort tax in 2019 (Crimea and Sevastopol), an extension of the unified imputed income tax (UTII) until 2022**	Significant
	Antimonopoly regulation, controlling and financial monitoring	Medium

Notes. * – calculated according to the Federal State Statistics Service (Rosstat) as of 2017–2018. ** – Ministry of Resorts and Tourism of the Republic of Crimea // Official portal of the Government of the Republic of Crimea. Retrieved June 20, 2020, from <http://mtur.rk.gov.ru/>

Source: own calculations.

Основные секторы STEEP-анализа (политический, экономический, социальный, технологический, экологический, юридический) могут рассматривать наиболее значимые факторы макроокружения регионального развития рекреационного туризма Крыма. Наиболее значимые факторы макроокружения сферы рекреационного туризма Крыма в период 2017–2019 гг. приведены в табл. 1.

Приведенные факторы макроокружения STEEP-анализа рекреационного туризма Крыма обуславливают характер тенденций изменения макроэкономических явлений (уровень безработицы, снижение платежеспособности населения, конъюнктурные изменения рынка, налоговое законодательство и т.д.), определяющих содержательное наполнение стратегического планирования. Повышение среднего дохода на одного жителя республики в 2018 г. на 21,8 % значительно не отразилось на повышении платежеспособности населения, которая понизилась в связи с ростом инфляции (104,3 %) и ростом цен на услуги и группу потребительских товаров (103,9 %).

С учетом этого стратегическое планирование может рассматривать многовариантную схему разработки стратегического плана развития рекреационного туризма для того, чтобы была потенциальная возможность выбора более адаптационного варианта (проекта) использования факторов внешней среды, влияющих на рыночную конъюнктуру сферы рекреационных услуг (Чебаненко, Столяренко, 2016). Принятый стратегический план развития представляет систему мероприятий, которая призвана реализовать миссию и

цель стратегии развития рекреационного туризма, согласованных с утвержденной федеральной целевой программой развития рекреационного туризма по ресурсам, источникам финансирования, исполнителям и срокам. Высокая степень ответственности реализации показателей стратегического плана возлагается на рекреационные предприятия Республики Крым. Работа по реализации стратегического плана первоначально относится к сфере администрирования, включая следующие основные вопросы:

- определение «точек роста», развитие которых принесет наибольший эффект при стратегическом планировании;
- регулирование бюджета для оптимального использования ресурсной базы;
- концентрирование инвестиционных ресурсов на приоритетных направлениях развития (Селезнев, 2010);
- усиление компетенции и полномочий региональных органов власти и управления (Жихаревич, 2018);
- осуществление системы региональных контрактов по использованию выделенных ресурсов региону.

Приоритетное действие реализации стратегического плана заключается в определении оценки уровня соответствия между факторами макроокружения и возможными результатами развития, что позволяет оценить эффективность выполнения стратегического плана с учетом намеченных цели и задач (Ходачек, Елсуков, 2017).

Количественный метод сценарного прогнозирования

В соответствии с Государственной программой развития курортов и туризма в Республике Крым на 2015–2022 гг.³ рассмотрим базовые показатели (индикаторы) стратегического плана развития рекреационного туризма республики (табл. 2).

Прогнозное соотношение числа лиц, размещенных в коллективных средствах размещения (КСР), и количества прибывших в республику достаточно низкое в 2020 г. и составляет 0,24, в 2022 г. это соотношение планируется на уровне 0,23, что характеризует слабое воздействие организационных мер по расширению сферы организованного туризма и сокращению самодеятельного туризма. При этом среднее число коллективных средств размещения по прогнозу будет увеличиваться на 0,4 %. Проблема соотношения организованного и самодеятельного туризма будет отражаться на низкой загрузке номерного фонда коллективных средств размещения, снижении их доходности (Богомолова, Персиянов, 2019). В соответствии с Государственной программой развития курортов и туризма Республики Крым прогнозные налоговые поступления от рекреационного и туристского комплекса должны ежегодно возрастать в среднем на 9,1 %, что невозможно при запланированном уровне организованного туризма. Данные прогнозные показатели свидетельствуют о снижающемся плановом уровне организованного туризма, который тем не

³ Постановление Совета министров Республики Крым от 29 декабря 2016 г. № 650 «Об утверждении Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым» (с изменениями на 28 апреля 2020 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/413918569> (дата обращения: 20.06.2020).

менее должен обеспечить прирост налоговых поступлений в республиканский бюджет. Данное несоответствие может быть устранено на основе выбора метода сценарного прогнозирования, учитывающего качественную структуру потребительских предпочтений, платежеспособность рекреантов, государственную поддержку предпринимательства и другие факторы, что будет способствовать наиболее вероятностному значению прогнозных показателей данной программы.

Осуществление предметных задач концептуальных положений стратегии развития может происходить на основе составления стратегического плана развития рекреационного туризма республики путем использования количественного метода сценарного прогнозирования на среднесрочный период до 7 лет с 2020 по 2026 г. Количественный метод сценарного прогнозирования предполагает применение средних темпов роста (или экспертных баллов) динамики развития выбираемых показателей, характеризующих тенденции их изменения в среднесрочной перспективе с учетом проведенной оценки влияния факторов макроокружения (табл. 3). Отбор сценария осуществлялся с учетом реальных возможностей республики по принципу реальной достижимости и максимального приближения к поставленной цели (Белецкая, 2011).

Таблица 2

Показатели (индикаторы) Государственной программы развития курортов и туризма Республики Крым в 2015–2022 гг.

Показатели	Годы								Средний темп роста, %*
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
Численность прибывших, млн чел.	4,6	5,5	5,5	6,7	7,0	7,35	7,75	8,15	110,3
Количество лиц, размещенных в коллективных средствах размещения (КСР), тыс. чел.	956,9	1251	1261,6	1540	1640	1760	1850	1945	110,4
Количество коллективных средств размещения, в том числе круглогодичных, ед.	770	767	770	898	903	908	913	918	100,4
	298	298	298	343	353	358	363	368	102,6
Количество мест в круглогодичных КСР, тыс. ед.	63,5	63,5	63,5	66,8	67,6	68,0	68,4	68,8	104,2
Налоговые поступления от деятельности рекреационного и туристского комплекса, млн руб.	2055,1	2362,9	2538,4	3080	3220	3380	3560	3750	109,1
Частное финансирование (инвестиции), млн руб.	–	–	341,0	3275	3684,0	7007,4	5934,1	11723,8	193,0

Примечание. * – средний темп роста определяется по средней геометрической из темпов роста, исчисленных с переменной базой сравнения, исходя из данных динамического ряда.

Источник: собственные расчеты.

Table 2

Indicators of the State Program for the Development of Resorts and Tourism of the Republic of Crimea in 2015–2022

Indicators	Period								Average growth rate, %*
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
Number of arrivals, million people	4,6	5,5	5,5	6,7	7,0	7,35	7,75	8,15	110,3
Number of persons accommodated in collective accommodation facilities (CAF), thousand people	956,9	1251	1261,6	1540	1640	1760	1850	945	110,4
Number of collective accommodation facilities, including year-round ones, units	770	767	770	898	903	908	913	918	100,4
Number of places in year-round CAF, thousand units	298	298	298	343	353	358	363	368	102,6
Tax receipts from the activities of the recreational and tourist complex, mln rubles	63,5	63,5	63,5	66,8	67,6	68,0	68,4	68,8	104,2
Private financing (investments), mln rubles	2055,1	2362,9	2538,4	3080	3220	3380	3560	3750	109,1
	–	–	341,0	3275	3684,0	7007,4	5934,1	11723,8	193,0

Note. * – the average growth rate is determined by the geometric mean of the growth rates calculated with a variable comparison base, based on the data of the time series.

Source: own calculations.

Динамика таких прогнозных показателей, как потенциальный объем предоставляемых рекреационных услуг, количество прибывших и размещенных туристов и рекреантов, объем доходов рекреационного туризма, выводимого из теневого оборота, позволит получить к 2026 г. прирост объема рекреационных услуг до 409,3 млн руб. (в ценах 2020 г.). Темп прироста количества прибывших и размещенных рекреантов, туристов необходимо рассчитывать, учитывая средний темп роста показателей Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым в 2015–2022 гг.

Таблица 3

Прогнозные показатели развития рекреационного туризма Республики Крым*

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2026 г.
Прогнозный объем рекреационных услуг, млн руб.	487,1	539,2	596,9	667,0	731,5	809,7	896,4
Численность организованных рекреантов, тыс. чел.	2380	2633	2906	3209	3542	3910	4490
Количество прибывших туристов, тыс. чел.	5233	5798	6424	7118	7886	8738	9650
Удельный вес теневого оборота, %	54,4	50,5	46,3	42,8	38,2	33,5	28,7

Примечание. * – средний темп роста определяется по средней геометрической из темпов роста, исчисленных с переменной базой сравнения, исходя из данных динамического ряда.

Источник: собственные расчеты.

Table 3

Forecast indicators of the development of recreational tourism in the Republic of Crimea*

Indicators	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026
Forecasted volume of recreational services, mln. rub.	487,1	539,2	596,9	667,0	731,5	809,7	896,4
Number of organized recreants, thous.	2380	2633	2906	3209	3542	3910	4490
Number of tourists arriving, thous.	5233	5798	6424	7118	7886	8738	9650
Share of shadow turn-over, %	54,4	50,5	46,3	42,8	38,2	33,5	28,7

Note. * – the average growth rate is determined by the geometric mean of the growth rates calculated with a variable comparison base, based on the data of the time series.

Source: own calculations.

Заклучение

Оценка влияния факторов макроокружения в ходе составления стратегического плана развития рекреационного туризма Республики Крым путем использования количественного метода сценарного прогнозирования позволяет определять динамику прогнозных показателей с учетом внешних факторов, в том числе социально-экономических. Соотношение количества размещенных туристов и прибывших туристов, рекреантов в комплексных средствах размещения, согласно данному стратегическому плану развития, составит 0,46 в 2026 г., что отражает повышение уровня организованного туризма и существенный рост данного показателя по отношению к его значению в рамках государственной программы.

Величина теневого оборота должна снижаться по мере изменения соотношения между размещенными и прибывшими рекреантами, туристами, а также возрастания налоговых поступлений в республиканский бюджет от рекреационного туризма. Прогнозируемый рост объема рекреационных услуг должен основываться на таких предпочтительных индикаторах, как прирост численности потенциальных потребителей, динамики расширения доли рекреационного рынка с учетом его географического расположения, степени совершенствования рекреационных услуг и их технологий, неблагоприятных факторов риска для роста объема услуг.

Признание и оценка влияния факторов макроокружения на стратегическое планирование развития рекреационного туризма Крыма позволяет разработать укрупненные показатели на среднесрочный период с целью повышения конкурентной позиции рекреационного бизнеса республики, усиления роли рынка рекреационных, оздоровительных услуг, прогнозирования усиления роли качественных параметров предоставляемых рекреационных услуг и определить прогнозный прирост объема рекреационных услуг Республики Крым в объеме 409,3 млн руб. на период 2020–2026 гг.

Список литературы

Бандурина Е.Н., Быченко М.Г. Векторы и инструменты достижения стратегических приоритетов развития туризма на региональном рынке туристических услуг Ростовской

- области // Инновационные стратегии и механизмы управления экономикой: сборник материалов конференции. Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2013. С. 163–169.
- Белецкая И.Ю.* Методика сценарного прогнозирования при принятии решений о стратегии развития региона // Региональная и муниципальная экономика. 2011. № 1 (96). Вып. 17/1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-stsenarnogo-prognozirovaniya-rgi-prinyatii> (дата обращения: 12.06.2020).
- Богомолова Е.С., Персиянов П.А.* Оценка состояния и тенденций развития рекреационного туризма Крыма // Вестник Национальной академии туризма. 2019. № 2 (50). С. 57–59.
- Елсуков М.Ю., Запорожан А.Я., Ходачек В.М.* Стратегическое планирование социально-экономического развития в регионах туристско-рекреационной специализации // Управленческое консультирование. 2017. № 8. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-8-55-70>
- Жеурова С.В.* Управление туристско-рекреационной деятельностью по результатам как основа формирования стратегического планирования предпринимательства по целям. Владивосток: Интеграл, 2010.
- Жихаревич Б.С.* О результативности стратегического планирования // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 1 (19) С. 16–22. URL: http://re.volsu.ru/2_Ghigarevich.pmd.pdf (дата обращения: 12.06.2020).
- Маркова В.Д., Кузнецова С.А.* Формирование стратегии в условиях новых вызовов внешней среды // Стратегическое планирование и развитие предприятий: Шестнадцатый Всерос. Симпозиум (Москва, 14–15 апреля 2015 г.). Секция 1. Теоретические проблемы стратегического планирования на микроэкономическом уровне: материалы симпозиума / под ред. Г.Б. Клейнера; Центр. экон.-матем. ин-т РАН. М.: ЦЭМИ РАН, 2015. С. 94–96.
- Мишурова И.В., Воловик М.Е.* Оценка влияния макроокружения на развитие индустрии гостеприимства в регионе // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 22. С. 3149–3158. <https://doi.org/10.18334/rp.17.22.37068>
- Селезнев А.А.* Факторы внешней среды, оказываемые прямое влияние на деятельность предприятия сферы услуг // Российское предпринимательство. 2010. № 12–2. С. 146–150.
- Синюк Т.Ю.* Обоснование выбора конфигураций диагностики социально-экономического развития региона // Экономика и предпринимательство. 2013. № 9. С. 168–171.
- Фляйшер К., Бенсуссан Б.* Стратегический и конкурентный анализ. Методы и средства конкурентного анализа в бизнесе. М.: Бином. Лабораторий знаний, 2009. С. 323–339.
- Ходачек В.М., Елсуков М.Ю.* Туристско-рекреационная сфера в системе стратегического планирования и прогнозирования социально-экономического развития Российской Федерации. <http://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-9-29-41>
- Чатырко Е.В., Ильина О.Ю., Бурмистров А.Н.* Сравнительная характеристика моделей оценки внешней среды, используемых в стратегическом планировании // Неделя науки СПбПУ: сборник материалов конференции. СПб.: СПбПУ, 2015. С. 356–358.
- Чебаненко А.С., Столяренко А.В.* Воздействие факторов макросреды на эффективное функционирование предприятия туристско-рекреационной сферы // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 4. URL: <http://ekonomika.spbpu.ru/2016/04/11258> (дата обращения: 12.06.2020).
- Чмышенко Е.В.* Стратегическое планирование как фактор регионального развития // Вестник ОГУ. 2010. № 1 (107). С. 77–81.
- Bolognese T., Nachrat S.* The dynamics of environmental management: some micro-foundations of macro disruptions // Ecological Economics. 2019. Vol. 170. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106555>
- Csirtmaz E.* International Trends in Recreational and Wellness Tourism // Procedia Economics and Finance. 2015. Vol. 32. Pp. 755–762. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)01458-6](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)01458-6)

- Kenichi Shimamoto*. The Factors that Influence the Boundary Between the Markets of Competing Tourist Destinations // *Tourism and Hospitality Management*. 2018. Vol. 24. No. 1. Pp. 1–12. <https://doi.org/10.20867/thm.24.1.9>
- Lanfranchi A., Melo P.L.d.R., Borini F.M., Telles R.* Institutional environment and internationalization of franchise chains: a regional and global analysis // *International Journal of Emerging Markets*. 2020. <https://doi.org/10.1108/IJOEM-03-2019-0188>
- Sigala M.* Tourism and COVID-19: Impacts and implications for advancing and resetting industry and research // *Journal of Business Research*. 2020. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.06.015>

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12 июля 2020 г.

Дата проверки: 10 августа 2020 г.

Дата принятия к печати: 31 августа 2020 г.

Для цитирования:

Богомолова Е.С. Оценка влияния факторов макроокружения на стратегическое планирование развития рекреационного туризма Крыма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2020. Т. 28. № 4. С. 647–660. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-647-660>

Сведения об авторе:

Богомолова Елена Сергеевна, доктор экономических наук, профессор кафедры туризма и гостиничного дела Института гостиничного бизнеса и туризма Российского университета дружбы народов. E-mail: bogomolova-es@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-647-660

Research article

Evaluation of the influence of the machine environment factors on the strategic planning of development of recreational tourism of Crimea

Elena S. Bogomolova

Peoples Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The main goal is to consider the main provisions of strategic planning for the development of recreational tourism in Crimea based on an assessment of the influence of macroenvironmental factors, which makes it possible to develop aggregated indicators for the medium term to increase the competitive position of the republic's recreational business, enhance the role of the market for recreational and health services, and improve the quality parameters of provided recreational services. The study examines the key positions of the STEEP-analysis of the external macroenvironment for the development of recreational tourism in Crimea, which have a high probability of implementation. The ratio of organized and amateur recreational tourism, which affects the level of occupancy of the room fund of collective accommodation facilities, changes in their profitability based on the indicators of the State Program for the Development of Resorts and Tourism of the Republic of Crimea in 2015–2022, has been estimated. As one of the approaches to strategic planning, the application of the quantitative method of scenario forecasting is considered, which made it possible

to determine the dynamics of such forecast indicators as the potential volume of provided recreational services, the number of arrivals and accommodated tourists and recreants, the volume of income of recreational tourism taken out of the shadow turnover and calculate the increase in the volume of recreational services of the Republic of Crimea in the amount of 409.3 million rubles for the period 2020–2026.

Keywords: recreational tourism, recreational services, macroenvironment factors, STEEP-analysis, strategic planning, forecast indicators

References

- Bandurina, E.N., & Bychenko, M.G. (2013). Vektory i instrumenty dostizheniya strategicheskikh prioritetov razvitiya turizma na regional'nom rynke turistichekikh uslug Rostovskoj oblasti [Vectors and tools for achieving strategic priorities for tourism development in the regional market of tourism services in the Rostov region]. *Innovacionnye strategii i mekhanizmy upravleniya ekonomikoj [Innovative strategies and mechanisms of economic management]: Conference proceedings* (pp. 163–169). Rostov-on-Don, RGEU RINH Publ. (In Russ.)
- Beleckaya, I.Yu. (2011). Metodika scenarnogo prognozirovaniya pri prinyatii reshenij o strategii razvitiya regiona [Scenario forecasting technique when making decisions on the regional development strategy]. *Regional economy and management*, 1(96), 17/1. Retrieved June 12, 2020, from <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-stsenarnogo-prognozirovaniya-pri-prinyatii> (In Russ.)
- Bogomolova, E.S., & Persyanov, P.A. (2019). Ocenka sostoyaniya i tendencij razvitiya rekreacionnogo turizma Kryma [Assessment of the state and development trends of recreational tourism in Crimea]. *Vestnik of National Tourism Academy*, 2(50), 57–59 (In Russ.)
- Bolognese, T., & Nachrat, S. (2019). The Dynamics of Environmental Management: Some Micro-Foundations of Macro Disruptions. *Ecological Economics* 170. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106555>
- Chatyrko, E.V., Ilina, O.Yu., & Burmistrov, A.N. (2015). Sravnitel'naya harakteristika modelej ocenki vneshej sredy, ispol'zuemyh v strategicheskom planirovanii [Comparative characteristics of the models for assessing the external environment used in strategic planning]. *Week of Science SPbPU: Conference Proceedings* (pp. 356–358). Saint Petersburg, SPbPU Publ. (In Russ.)
- Chebanenko, A.S., & Stolyarenko, A.V. (2016). Vozdejstvie faktorov makrosredy na effektivnoe funkcionirovanie predpriyatiya turistsko-rekreacionnoj sfery [The impact of macro-environmental factors on the effective functioning of a tourist and recreational enterprise]. *Economics and innovations management*, (4). (In Russ.) Retrieved June 12, 2020, from <http://ekonomika.snauka.ru/2016/04/11258>.
- Chmyshenko, E.V. (2010). Strategicheskoe planirovanie kak faktor regional'nogo razvitiya [Strategic planning as a factor of regional development]. *Vestnik of the Orenburg State University*, 1(107), 77–81. (In Russ.)
- Csirmaz, E. (2015). International Trends in Recreational and Wellness Tourism. *Procedia Economics and Finance* 32, 755–762. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)01458-6](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)01458-6)
- Elsukov, M.Yu., Zaporozhan, A.Ya., & Hodachek, V.M. (2017). Strategicheskoe planirovanie social'no-ekonomicheskogo razvitiya v regionah turistsko-rekreacionnoj specializacii [Strategic planning of socio-economic development in the regions of tourism and recreation specialization]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, (8). (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-8-55-70>
- Flyajsher, K., & Bensussan, B. (2009). *Strategicheskij i konkurentnyj analiz. Metody i sredstva konkurentnogo analiza v biznese [Strategic and competitive analysis. Methods and tools of competitive analysis in business]* (pp. 323–339). Moscow, Binom. Laboratorij znanij Publ. (In Russ.)
- Hodachek, V.M., & Elsukov, M.Yu. (2017). *Turistsko-rekreacionnaya sfera v sisteme strategicheskogo planirovaniya i prognozirovaniya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Ros-*

- sijskoj Federacii [Tourism and recreation in the system of strategic planning and forecasting of socio-economic development of the Russian Federation]. (In Russ.)* <http://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-9-29-41>
- Kenichi, Shimamoto (2018). The Factors that Influence the Boundary Between the Markets of Competing Tourist Destinations. *Tourism and Hospitality Management*, 24(1), 1–12. <https://doi.org/10.20867/thm.24.1.9>
- Lanfranchi, A., Melo, P.L.d.R., Borini, F.M., & Telles, R. (2020). Institutional environment and internationalization of franchise chains: A regional and global analysis. *International Journal of Emerging Markets*. <https://doi.org/10.1108/IJOEM-03-2019-0188>
- Markova, V.D., & Kuznecova, S.A. (2015). Formirovanie strategii v usloviyah novykh vyzovov vneshnej sredy [Formation of a strategy in the face of new challenges of the external environment]. *Strategic planning and company development. Panel 1. Theoretical problems of strategic planning on micro-level: Proceedings of 16th All-Russian Symposium (Moscow, April 14–15, 2015)* (pp. 94–96). Moscow, CEMI RAN Publ. (In Russ.)
- Mishurova, I.V., & Volovik, M.E. (2016) Ocenka vliyaniya makrookruzeniya na razvitie industrii gostepriimstva v regione [Assessment of the impact of the macroenvironment on the development of the hospitality industry in the region]. *Russian Journal of Entrepreneurship*, 17(22), 3149–3158. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/rp.17.22.37068>
- Seleznev, A.A. (2010). Faktory vneshnej sredy, okazyvaemye pryamoe vliyanie na deyatel'nost' predpriyatiya sfery uslug [Environmental factors that have a direct impact on the activities of a service sector enterprise]. *Russian Journal of Entrepreneurship*, (12–2), 146–150. (In Russ.)
- Sigala, M. (2020). Tourism and COVID-19: Impacts and implications for advancing and re-setting industry and research. *Journal of Business Research*. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.06.015>
- Sinyuk, T.Yu. (2013). Obosnovanie vybora konfiguracij diagnostiki social'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona [Justification of the choice of configurations for diagnostics of the socio-economic development of the region]. *Economy and entrepreneurship*, (9), 168–171. (In Russ.)
- Zheurova, S.V. (2010). *Upravlenie turistsko-rekreacionnoj deyatel'nost'yu po rezul'tatam kak osnova formirovaniya strategicheskogo planirovaniya predprinimatel'stva po celyam [Management of tourist and recreational activities by results as the basis for the formation of strategic planning of entrepreneurship by goals]*. Vladivostok, Integral Publ. (In Russ.)
- Zhiharevich, B.S. (2018). O rezul'tativnosti strategicheskogo planirovaniya [On the effectiveness of strategic planning]. *Regional economy. South of Russia*, 1(19), 16–22. (In Russ.) Retrieved June 12, 2020, from http://re.volsu.ru/2_Ghiharevich.pmd.pdf

Article history:

Received: 12 July 2020

Revised: 10 August 2020

Accepted: 31 August 2020

For citation:

Bogomolova, E.S. (2020). Evaluation of the influence of the machine environment factors on the strategic planning of development of recreational tourism of Crimea. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 647–660. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-647-660>

Bio note:

Elena S. Bogomolova, Doctor of Economics, Professor of the Department of Tourism and Hotel Business of the Institute of Hotel Business and Tourism of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: bogomolova-es@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-661-667

УДК 336:338

Научная статья

Банковская система Индии

В.Н. Григорьев

Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт)
Российская Федерация, 109147, Москва, ул. Марксистская, д. 34, корп. 7

Аннотация. Статья посвящена банковской системе Индии. В работе рассмотрена и проанализирована ее структура, история формирования, роль в экономике страны, ключевые особенности и основные тенденции развития. Выделены специфические особенности, отличающие банковскую систему Индии от банковских систем других стран. Изучены функции разных типов банков в обслуживании бизнеса и населения, а также роль государства в функционировании банковской системы. Дан прогноз изменений банковской системы в свете разворачивающегося мирового экономического кризиса.

Ключевые слова: банки, Резервный Банк Индии, роль государства, активы и пассивы, электронные платежи и расчеты, валютные операции, депозиты, кредиты, инвестиции, страхование депозитов

Индия – одна из крупнейших стран, одна из крупнейших экономик современного мира, и один из ключевых экономических партнеров нашей страны на протяжении нескольких десятилетий.

С июня 2006 года Индия и Россия являются сооснователями БРИКС (до июня 2009 г. – БРИК), сотрудничество в рамках которой привело к созданию первой после распада СССР международной финансовой организации без участия западных стран – Нового банка развития, который иногда называют «банком БРИКС».

Среди ключевых направлений деятельности Нового банка развития – кредитование и проведение расчетов в национальных валютах стран-учредителей, что должно способствовать интернационализации последних и их полноправному включению в мировую финансовую систему, где по-прежнему доминируют доллар США и с большим отрывом от него евро.

Важным шагом реализации этой стратегии стал подписанный в конце 2018 года российско-индийский контракт на поставку в Индию зенитно-ракетных систем С-400, расчеты по которому будут вестись в национальных валютах стран, заключивших контракт: индийская рупия и российский рубль.

Все вышесказанное вызывает естественный интерес к банковской системе нашего партнера: как она организована, какими обладает особенностями,

каковы основные источники фондирования и направления кредитования и многое другое.

Банковская система Индии отличается сложной и многоступенчатой структурой, существенно отличающейся от российской.

Центральным банком страны является Резервный банк Индии (Reserve Bank of India, далее – РБИ), основанный в 1934 году¹. Его функции заключаются в эмиссии национальной валюты, проведении денежно-кредитной политики, осуществлении регулирования банковской системы, управлении государственным долгом страны и штатов.

Все остальные банковские учреждения страны можно разделить на три группы: коммерческие банки, региональные сельские банки, кооперативные банки и обычно называемые новейшими или нишевыми – банки малых финансов (small finance banks) и платежные банки (payment banks)².

Коммерческие банки делятся в свою очередь на банки публичного сектора (18 банков), банки частного сектора (22 индийских банка, 46 иностранных банков) и региональные сельские банки (53 банка). Банки публичного сектора представляют собой банки с участием государства в капитале. Банки частного сектора – это частные банки, как с индийским, так и с иностранным капиталом.

Региональные сельские банки были основаны в 1975 году вследствие того, что имеющиеся к этому времени коммерческие банки оказались не в состоянии кредитовать сельское хозяйство. Их соучредителями являются центральное правительство и правительства штатов, важную роль в фондировании играют так называемые банки-спонсоры, в роли которых выступают банки публичного сектора (Коновалова, 2017).

Самой большой группой являются кооперативные банки, включающие в себя 1542 городских кооперативных банка и 94 384 сельских кооперативных банка.

Именно эта группа банков, точнее их количество, представляет собой необычное явление в современном мире (Романенко, 2016). Огромное количество кооперативных банков, прежде всего сельских, определяется следующими особенностями Индии:

- более 2/3 огромного населения живет в сельской местности;
- менталитет, традиции, экономический уклад, социальная структура и многие другие ключевые особенности населения штатов и союзных территорий существенно различаются.

Оба вышеуказанных фактора сделали невозможным даже для крупнейших банков полное покрытие всей территории страны сетью своих отделений, не говоря уже о стоимости создания такой сети (Mohar, Ray, 2016).

Банки малых финансов были учреждены как отдельный тип банковской организации в 2013 году. Их лицензия позволяет им проводить все виды банковских операций, но с ограниченным кругом клиентов: микробизнес и малый бизнес. Именно для этих категорий банковских клиентов, не охваченных или недостаточно охваченных услугами крупных банков, и были со-

¹ Reserve Bank of India. URL: www.rbi.org.in (accessed: 18.06.2020).

² Ibid.; Indian's Banks Association. URL: www.iba.org.in (accessed: 18.06.2020).

зданы банки малых финансов, отличающиеся высокой технологичностью и низкой себестоимостью своих операций. В настоящее время их насчитывается 10.

Последней группой банков являются платежные банки, учрежденные также в 2013 году. Цель их учреждения – оказание комплексных финансовых услуг малому бизнесу и домохозяйствам с низким уровнем дохода. Лицензия платежных банков ограничивает их операции приемом депозитов (кроме депозитов нерезидентов) на сумму не выше 100 000 рупий³, выпуском дебетовых карт, интернет-банкингом и продажей продуктов страховых компаний, взаимных и пенсионных фондов. В настоящее время насчитывается 6 платежных банков⁴.

Для индийской банковской системы характерно доминирование банков с участием государства. В настоящее время их доля в совокупных активах достигает 70 %. При этом Индию отличает достаточно низкий уровень кредитования – 51 % от ВВП. Для сравнения: аналогичный показатель для Бразилии составляет 70 %, для Малайзии – 136 %. И это несмотря на то, что объем сбережений в Индии находится на уровне примерно 30 % от ВВП, что сопоставимо с вышеуказанными странами (Malpass, 2019; Галищева, 2003, 2015).

Важным показателем состояния банковской системы является размер неработающих активов. В Индии он в настоящее время составляет почти 25 % от всех активов банковской системы, и большая часть этого показателя приходится на банки с участием государства (Галищева, 2003; Коновалова, 2017). Причина очень проста – государственные банки в равной степени присутствуют как в сельской местности, так и в городах. В то время как частные банки преимущественно работают в городах.

Доля городского населения Индии составляет всего 34 % (для сравнения: в России – 74 %, в Китае – 59,2 %). Естественно, что основная сфера деятельности сельского населения Индии – сельское хозяйство. Все риски, связанные с его ведением, в значительной степени ложатся на банки-кредиторы. При этом доходы сельского населения в целом невысоки и существенно уступают доходам городского населения, что также не дает банкам возможности построить прибыльный бизнес в сегменте обслуживания физических лиц. В свете вышесказанного совет Президента Всемирного банка Дэвида Малпасса (Malpass, 2019) повышать уровень конкуренции в банковской системе, снижая долю государства, выглядит для этой сферы кабинетной идеей, бесконечно оторванной от индийской реальности. Частные банки просто не будут заниматься ни кредитованием индийского сельского хозяйства, ни обслуживанием сельского населения, так как риски этой деятельности существенно превышают доходы от нее.

Депозитная база индийских банков весьма стабильна. Только чуть больше 12 % от общего объема депозитов приходится на вклады до востребования, все остальные – срочные вклады. При этом, 48 % от всей суммы депозитов (55 % от срочных депозитов) приходится на долгосрочные вкла-

³ Эквивалент примерно 1 300 долларов США.

⁴ Все данные по количеству банков приведены по состоянию на 31.12.2019 г. Reserve Bank of India. URL: www.rbi.org.in (accessed: 18.06.2020).

ды. Заимствования за рубежом носят незначительный характер и составляют менее 1 % от общего объема привлеченных средств.

В общем объеме кредитов и инвестиций⁵ индийских банков (около 2,2 трлн долл. США)⁶ значительную часть занимают кредиты центральному правительству и правительствам штатам – 24,71 %. Остальные активы распределены следующим образом: 66,55 % – коммерческие кредиты и 8,74 % – инвестиции в ценные бумаги. При этом вложения в государственные векселя и облигации едва превышают 0,1 %⁷.

Следует отметить, что годы бурного экономического роста в Индии были отмечены и ростом активов и пассивов. Так, за 2019 год прирост депозитов составил 7,5 %, кредитов – 9,77 %⁸.

В Индии существует система страхования депозитов. Эти функции осуществляет Корпорация по страхованию депозитов и кредитным гарантиям (Deposit Insurance and Credit Guarantee Corporation), являющаяся дочерней структурой РБИ. Система страхования распространяется на все банковские вклады без исключения. Лимит страхового покрытия равен 500 000 рупий⁹.

Индийская система платежей и расчетов включает в себя Национальную систему электронных переводов (National Electronic Funds Transfer), Систему моментальных платежей (Immediate Payment Service), Объединенный платежный интерфейс (Unified Payments Interface). Первая система разработана РБИ, вторая и третья – Национальной платежной корпорацией Индии (National Payment Corporation of India), учрежденной Резервным банком Индии и Ассоциацией индийских банков. Функции и принципы работы всех трех систем аналогичны, за исключением Системы моментальных платежей, использующей для перевода номера мобильных телефонов. Регулирование всех платежных систем осуществляет РБИ. Рост электронных транзакций через указанные системы носит впечатляющий характер: 50,4 % за 2017–2018 годы, 58,8 % за 2018–2019 годы¹⁰.

Таким образом, в качестве основных особенностей и тенденций последних лет в индийской банковской системе следует отметить значительный рост активов и пассивов банков, создание новых типов банковских учреждений для повышения доступности банковских услуг для населения, стремительный рост электронных транзакций, очень большую роль государства.

⁵ Кредиты и инвестиции согласно методологии РБИ объединены в одну статью «Внутренние кредиты» (Domestic Credit).

⁶ По состоянию на 31.03.2020 г. Reserve Bank of India. URL: www.rbi.org.in (accessed: 18.06.2020).

⁷ Данные приведены в соответствии со статистикой Резервного банка Индии по состоянию на май 2020 г. Разумеется, они не носят постоянного характера, но, как показывает анализ структуры активов и пассивов индийских банков, они весьма стабильны. Reserve Bank of India. URL: www.rbi.org.in (accessed: 18.06.2020).

⁸ Ibid.; Indian's Banks Association. URL: www.iba.org.in (accessed: 18.06.2020).

⁹ Эквивалент примерно 6 500 долларов США (на момент публикации статьи). Deposit Insurance and Credit Guarantee Corporation. URL: <https://www.dicgc.org.in/#> (accessed: 18.06.2020).

¹⁰ Финансовый год в Индии длится с 1 апреля по 31 марта. Reserve Bank of India. URL: www.rbi.org.in (accessed: 18.06.2020); Indian's Banks Association. URL: www.iba.org.in (accessed: 18.06.2020).

Начиная с середины 2010-х годов, индийская экономика отличалась высокой динамикой роста – в среднем 7%-ный рост ВВП ежегодно. И тенденции развития банковской системы соответствовали тенденциям развития экономики в целом. Однако начиная с 2018 года рост замедлился. Рост внутреннего потребления (59 % ВВП по итогам 2018 года) практически остановился по причине как исчерпания эффекта низкой базы, так и преимущественно низких доходов населения (Мигунов, 2020; Брагина, 2018)

Очевидно, что пандемия коронавируса только усугубит рецессию в индийской экономике. С высокой долей вероятности можно прогнозировать, что динамика положительных тенденций в индийской банковской системе не просто прекратится – скорее всего, мы увидим ухудшение ключевых показателей по итогам 2020 года. А также еще более возросшую роль государства (Брагина, 2020).

Пожалуй, единственной возможностью остановить рецессию и вернуться к росту является попытка индийских властей и бизнеса занять место Китая в мировой экономике. Насколько Индия окажется способна выполнить эту задачу и насколько Китай позволит ей это сделать – покажет время. От этого напрямую зависит и будущее банковской системы Индии.

Список литературы

- Брагина Е.А.* Банки БРИКС – фактор влияния // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник. М., 2018. С. 188–189.
- Брагина Е.А.* Экономический спад в Индии // Запад – Восток – Россия. 2020. С. 66–69.
- Галищева Н.В.* Банковская система Индии // Банковское дело. 2003. № 6. С. 39–43.
- Галищева Н.В.* Валютная политика в системе государственного регулирования экономики Индии // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 1 (40). С. 165–175.
- Коновалова Ю.А.* Россия – Индия: сотрудничество в XXI веке: монография. М.: Экон-Информ, 2017. 251 с.
- Мигунов Д.* Не у Дели: почему Индия погрузилась в экономический кризис // Известия. 2020. URL: <https://iz.ru/967832/dmitrii-migunov/ne-u-deli-pochemu-india-pogruzilas-v-ekonomicheskii-krizis> (дата обращения: 18.06.2020).
- Романенко Ю.А.* Центральные банки БРИКС // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2016. № 4. С. 129–134.
- Deposit Insurance and Credit Guarantee Corporation. URL: www.dicgc.org.in (accessed: 18.06.2020).
- Indian's Banks Association. URL: www.iba.org.in (accessed: 18.06.2020).
- Malpass D.* A stronger financial sector for a stronger India. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/speech/2019/10/26/a-strong-financial-sector-for-a-stronger-india> (accessed: 18.06.2020).
- Mohan R., Ray P.* Indian Financial Sector: Structure, Trends and Turns. Stanford Center for International Development. URL: https://siepr.stanford.edu/sites/default/files/publications/580wp_0_1.pdf (accessed: 18.06.2020).
- Reserve bank of India. URL: <https://www.rbi.org.in/Scripts/AboutusDisplay.aspx> (accessed: 18.06.2020).
- The New Reality of the Indian Banking System. URL: <https://indianmoney.com/articles/the-new-realities-of-the-indian-banking-system> (accessed: 18.06.2020).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 июня 2020 г.

Дата проверки: 20 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 Августа 2020 г.

Для цитирования:

Григорьев В.Н. Банковская система Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 661–667. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-661-667>

Сведения об авторе:

Григорьев Владимир Николаевич, кандидат экономических наук, доцент Института повышения квалификации Московской международной высшей школы бизнеса «МИРБИС» (Института). E-mail: pluton67@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-661-667

Research article

The banking system of India

Vladimir N. Grigoriev

Moscow International Higher Business School MIRBIS (Institute)
34 Marksistskaya St, bldg 7, Moscow, 109147, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the banking system of India. The paper considers and analyzes the structure of the banking system, the history of its formation, its role in the country's economy, key features and main development trends. The specific features that distinguish the banking system of India from the banking systems of other countries are highlighted. The functions of different types of banks in servicing business and the population are considered. The role of the state in the functioning of the banking system is analyzed. The forecast of changes in the banking system in the light of the unfolding global economic crisis is given.

Keywords: banks, Reserve Bank of India, state role, assets and liabilities, electronic payments and settlements, currency operations, deposits, loans, investments, deposit insurance

References

- Bragina, E.A. (2018). Banki BRIKS – faktor vlijanija [BRICS' banks – factor of influence]. *Great Eurasia: Development, Safety, Cooperation* (pp. 188–189). (In Russ.)
- Bragina, E.A. (2020). Jekonomicheskij spad v Indii [Economic recession in India]. *West – East – Russia* (pp. 66–69). (In Russ.)
- Galistcheva, N.V. (2003). Bankovskaja sistema Indii [Banking system in India]. *Banking Activity*, (6), 39–43. (In Russ.)
- Galistcheva, N.V. (2015). Valjutnaja politika v sisteme gosudarstvennogo regulirovanija jekonomiki Indii [The monetary policy in the state of regulation of the Indian economy]. *MGIMO Review of International Relations*, 1(40), 165–175. (In Russ.)
- Konovalova, Yu.A. (2017). *Rossija – Indija: Sotrudnichestvo v XXI veke [Russia – India: Cooperation in the 21 century]* (p. 251). Moscow, Econ-Inform Publ. (In Russ.)

- Migunov, D. (2020). Ne u Deli: Pochemu Indija pogruzilas' v jekonomicheskij krizis [Not Delhi: Why India is in the crisis]. *Izvestia*. (In Russ.) Retrieved June 18, 2020, from <https://iz.ru/967832/dmitrii-migunov/ne-u-deli-pochemu-indiia-pogruzilas-v-ekonomicheskii-krizis>
- Romanenko, Ju.A. (2016). Central'nye banki BRIKS [BRICS' central banks]. *Corporate Governance and Innovative Development of the Economy of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Governance and Venture Investments of Syktyvkar State University*, (4), 129–134. (In Russ.)
- Deposit Insurance and Credit Guarantee Corporation. Retrieved June 18, 2020, from www.dicgc.org.in
- Indian's Banks Association. Retrieved June 18, 2020, from www.iba.org.in
- Malpass, D. (n.d.). *A stronger financial sector for a stronger India*. Retrieved June 18, 2020, from <https://www.worldbank.org/en/news/speech/2019/10/26/a-strong-financial-sector-for-a-stronger-india>
- Mohan, R., & Ray, P. (n.d.). *Indian Financial Sector: Structure, Trends and Turns*. Stanford Center for International Development. Retrieved June 18, 2020, from https://siepr.stanford.edu/sites/default/files/publications/580wp_0_1.pdf
- Reserve Bank of India. Retrieved June 18, 2020, from <https://www.rbi.org.in/Scripts/AboutusDisplay.aspx>
- IndianMoney. (2020). *The New Reality of the Indian Banking System*. Retrieved June 18, 2020, from <https://indianmoney.com/articles/the-new-realities-of-the-indian-banking-system>

Article history:

Received: 20 June 2020

Revised: 20 July 2020

Accepted: 15 August 2020

For citation:

Grigoriev, V.N. (2020). The banking system of India. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 661–667. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-661-667>

Bio note:

Vladimir N. Grigoriev, PhD, Docent of the Institute for Advanced Studies of the Moscow International Higher Business School MIRBIS (Institute). E-mail: pluton67@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-668-680

UDC 339

Research article

Differentiation as a business competitiveness strategy in the brewery industry in Cameroon: an analysis of Les Brasseries du Cameroun Bamenda

Peter N. Shille, Peter Enow

The University of Bamenda
P.O. Box 39, Bambili, Northwest region, Republic of Cameroon

Abstract. This study examines differentiation as a business competitiveness strategy for improving business performance in the brewery industry the case of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda. The case study design was employed using both qualitative and quantitative techniques to assess the hypothetical relationships stated. Questionnaire and interviews were used for data collection administered to a purposefully selected sample of 130 participants comprising of management staff at Les Brasseries Du Cameroun Bamenda as well as managers and staff at retail outlets/bars in Bamenda. Using Pearson's correlation coefficient as analytical technique, results showed that there is a strong positive relationship between product differentiation, and business performance ($PCC = .804^{**}$, $p < 0.01$), moderate positive relationship between service differentiation and business performance ($PCC = .575^{**}$, $p < 0.01$), and a weak positive relationship between physical differentiation and business performance ($PCC = .264^{**}$, $p < 0.01$). The study thus provides practical advice that management should continue to maintain and uphold product differentiation variable factors like quality and assortment while at the same step-up service differentiation activities.

Keywords: product differentiation, service differentiation, physical differentiation, business performance, brewery industry

Introduction

Technological advances in the 21st century have resulted in global market places with high degree of competition and to survive the growing competition, enterprises are adopting competitive strategies notably differentiation (Makadok, Ross, 2013). As highlighted by (Porter, 1985) an enterprises' profitability and hence performance is determined by five forces: threat of new entrants, bargaining power of suppliers, bargaining power of buyers, rivalry among competitors and threat of new substitutes. With globalization and its challenges, these five forces are visible in the brewery market in Bamenda and thus enterprises are employing competitive strategies notably differentiation to survive and stay in the market.

In the view point of Thompson and Strickland, (2007) a business competitive strategy is basically a management plan aimed at doing something different from

competitors with the objective of delivering unique value to customers. The brewery market in Bamenda is becoming more competitive with national drinks competing with drinks imported mostly from Nigeria. With the construction of the Bamenda – Mamfe – Ekok road, business between Bamenda and Nigeria has grown rapidly. This has resulted in many Nigerian drinks being sold in Bamenda and thus competing with local production.

With growing saturation of the brewery market with varied products from different enterprises, differentiation apparently may be the key success factor. For this reason and coupled with the fact that there is no evidence of previous studies in Cameroon in this same aspect as concerns differentiation that this study was deemed necessary to focus on how differentiation is being employed as a business competitiveness tool in the brewery industry making reference to Les Brasseries Du Cameroun Bamenda.

Les Brasseries du Cameroun is one of the brewery companies in Cameroon competing in the Bamenda market with other national breweries (Source du Pays, Union Camerounaise de Brasseries and Guinness Cameroun) as well as non-Cameroonian breweries. All these companies are employing different strategies to show their strength in terms of quality, pricing, cost focus and differentiation focus with the sole objective of creating and ensuring customer loyalty and retention, necessary to guarantee profitability and sustenance in the market.

Les Brasseries Du Cameroun has six units/factories for the production of beers and soft drinks (with a production capacity of 3 850 000 hecto litre (HL) for beer and 1 980 000 HL for soft drinks). These factories are located in Douala (two factories for beer and soft drinks), Yaoundé (two factories for soft drinks), Bafoussam (one factory for beer and soft drinks) and Garoua (one factory for soft drinks).

Given that Les Brasseries Du Cameroun is the oldest brewery firm in Cameroon, the fact that there are other firms competing with it as well as products from non-national breweries competing in Bamenda market, this study isolates differentiation and examines whether it has an effect on the performance of Les Brasseries Du Cameroun in the Bamenda market. The study excludes price base competition and thus dwells on product differentiation, service differentiation and physical differentiation as the basis for analysis.

Literature review and hypotheses development of product differentiation

Product differentiation is all about creating product value be it actual or imaginary with the aim of positioning a particular product as superior in a given market. Porter (1985) upholds this view point arguing that product differentiation is all about providing a unique product valued by customers. Similarly, Chamberlin (1965) posit that product differentiation assist an enterprise to create a quasi-monopoly, as such providing the enterprise more freedom to compete and gain more market share.

Pearce and Robinson, Grant, Carpenter and Marguerite, Baraza, Thiane argue that through unique product features, higher quality products and assortment, firms are able to provide superior value to customers (Pearce, Robinson, 2005; Grant, 2010; Carpenter, Marguerite, 2006; Baraza, 2017; Thiane, 2018). By so doing,

such firms are able to compete better and win more market share. Further, Thiane, Grant, Obitz and King assert that consumer purchase behaviour is affected by product variety, with high product variety having high potential to satisfy a wide range of heterogeneous customers and hence helping an enterprise with high product variety to secure market share (Thiane, 2018; Grant, 2010; Obitz, 2009; King, 2005).

The more interesting issue about product differentiation is the fact that it focuses on *the* customers with the sole objective of leading to a preference (Harris, Ogbona, 2001; Pearce, Robinson, 2005; Grant, 2010; Carpenter, Marguerite, 2006; Baraza, 2017; Thiane, 2018).

Research upholds that in homogenous product markets, market niches are created primarily through product differentiation. This study builds on this idea and thus excluded pricing strategy in its analysis. The study thus argues that through employing product different as a competitive business strategy in the brewery industry, the performance of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda can be affected. With this study argument and based on the literal works reviewed, the hypothetical relationship was stated as follows:

Hypothesis 1. Product differentiation will have no significant effect on the business performance of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda.

Service differentiation. Service differentiation is a linking factor through which a differentiated product can easily be conveyed to customers in a market. As noted by King (2005), Schneider and Bowen (1995) service excellence is key to meeting customer needs. Basically, service quality factors necessary in a highly competitive market like the brewery market in Bamenda may include timeliness and convenience, personal attention, reliability and dependability, as well as the degree of responsiveness to customer complaints.

Apparently, service quality contributes to overall business performance. As competition becomes intense, service quality upgrades are becoming a common phenomenon. According to Thompson and Martin (2005), service differentiation brings about high customer responsiveness which brings value to customers and hence helping an enterprise to gain competitive advantage.

Therefore, service differentiation should be focused on offering value added to customers. As Sigler (2010) studying, value-added implies that services offered have additional value to the users when compared to the services of others. Apparently, value added services are provided through institutional arrangements as well as through alliances.

This study thus examines how through service differentiation as a competitive business strategy in the brewery industry, the performance of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda has been affected. Thus the following hypothesis is developed.

Hypothesis 2. Employing service differentiation as a business competitive tool will have no significant effect on the business performance of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda.

Physical differentiation. Physical differentiation brings about strategic benefits that help an enterprise win competitive advantage and hence improving business performance. According to Makadok and Ross (2013), differentiation notably physical differentiation helps in positioning choices independently or collabo-

ratively so as to maximize profits. Apparently, the strategic implication of physical differentiation attained through location, convenience and layout may significantly play on business performance as it influences customer preferences.

As noted by Lilien and Kotler (1983) physical differentiation is a key component of the positioning strategy as they argued that positioning points out a target market and the ways of gaining the segment. This is visible in the brewery industry in Bamenda as distribution outlets are strategically located to fully serve the market. Similarly, Galliers (2006) argues that physical differentiation notably through location positioning is a key business performance factor utilized by enterprises in highly competitive markets. This implies that, understanding the contributions of physical differentiation to business performance is critical for business growth and sustenance especially with growing competition and saturation of markets.

Building on these viewpoints, this study investigates how through physical differentiation as a competitive business strategy in the brewery industry, the performance of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda has been affected. The hypothesis is thus developed as follows.

Hypothesis 3. Employing physical differentiation as a business competitive tool will have no significant effect on the business performance of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda.

Research gap. From existing literature, much has been done as concerns competition and business performance. However, much of the existing literal works (Kiama, Kagiri, 2016; Carol et al., 2015; Gültekin et al., 2014) have adopted Porter five forces and grounded theory in their analysis. This study while recognizing Porters five forces, focuses on non-price differentiation business competitive strategies namely product differentiation, service differentiation and physical differentiation. Further, most literal works studying business competitiveness strategies have been foreign, thus by conducting this study in the brewery sector in Cameroon, this study fills an existing gap.

Study conceptual framework. Based on the reviewed literal works, this study developed a conceptual framework illustrating the dependent and independent variables (see Figure). The dependent variable is business performance. The independent variables included: (1) product differentiation viewed from the angles of product quality, product assortment and products position; (2) service differentiation captured through transport service provided, advisement and promotion, rapidity in handling complaints/inquiries and (3) physical differentiation proxied by location, customer convenience and layout.

Eliminating price based differentiation and considering the high saturation of the Bamenda market with brewery products from different firms, this study avers that product differentiation, service differentiation and physical differentiation influences business performance of Les Brasseries Du Cameroun, Bamenda. Thus while acknowledging the likely interplay between the independent variables, this study seeks to determine separately the effects each of the independent variables on business performance. Actual/perceived cumulative value judgment by customer is integrated as the mediating factor in the relationship between the independent variables and the dependent variable business performance.

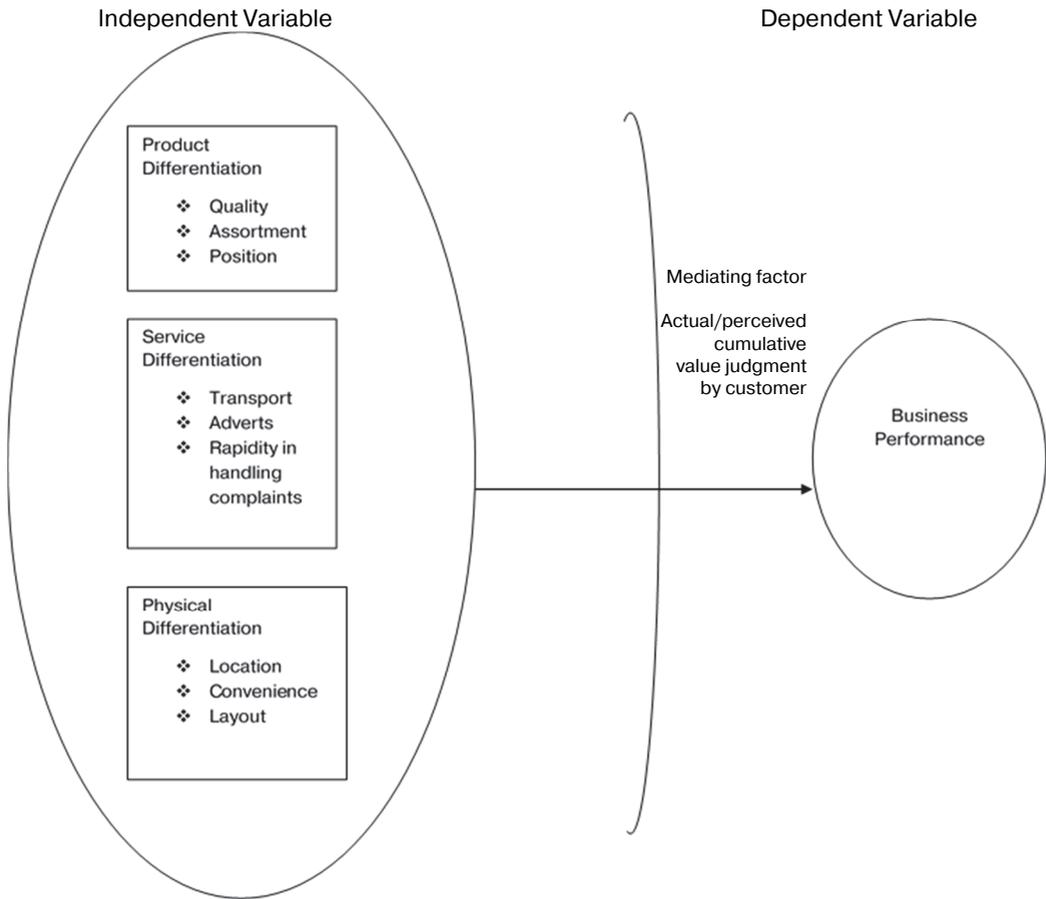

Figure. Conceptual framework of the study

Source: authors' conceptualization.

Methodology

As aim, this study examines differentiation as a business competitiveness strategy to improve business performance in Les Brasseries Du Cameroun Bamenda. In this respect, the case study research design employing both qualitative and quantitative techniques was adopted to assess the hypothetical relationships stated. From a list of registered business operators dealing in Les Brasseries Du Cameroun products as well as other brewery products, a purposive sample of 200 participants was identified and utilized in this study. Criteria used in selecting the study participants included readiness to participate, their bars must have had sufficient drinking space, they must have fulfilled requirements of operating bars notably availability of rest rooms as well as must have been operational for at least 5 years. Out of the 200 purposefully selected sample population to which questionnaires were given, 130 participants completely filled their questionnaires as well as participated in interviews making the retained and utilized study sample to be 130 participants. With the use of a questionnaire developed with respect to (Likert, 1932) sufficient quantitative data was collected. Through interviews, qualitative data was collected through capturing the opinions of management staff at Les Brasseries Du Cameroun Bamenda as well as managers and staff at retail outlets/bars.

Through pre-testing of the questionnaire on a sample of 20, the summation of squared difference was 16; that is $\sum d^2 = 16$. The reliability coefficient of the questionnaire was then estimated as follows:

$$\text{Reliability Coefficient (RC)} = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)},$$

$$\text{RC} = 1 - \frac{6(16)}{20(130 - 1)},$$

$$\text{RC} = 0.963.$$

Given that the RC value was between 0.5 and 0.99, the data collection questionnaire was judged reliable. Again, by employing member checking and the test-retest method, data validity and reliability were further ascertained.

Data collection paid attention to the main study variables with the dependent variable business competitiveness and performance captured through market share. The independent variable differentiation was non price differentiation variables captured through product differentiation (proxied by product quality, product assortment and products position), Physical differentiation (proxied by location, customer convenience and layout) and service differentiation (transport service, advisement and promotion, rapidity in handling complaints/inquiries).

The Pearson's correlation coefficient was the test statistical technique employed to investigate the stated hypothetical relationships that guided the operationalization of the study. It is worth mentioning that Pearson's correlation coefficient provides a measure of strength and direction of the existing relationship varying from -1 to $+1$. Positive values indicate that variables are positive correlated and negative values indicate that variables are negatively correlated.

Results

Products of Les Brasseries Du Cameroun. Data collected from the field revealed that the image of Les Brasseries Du Cameroun is reflected by their products. According to staff at Les Brasseries Du Cameroun, the company has design its products to meet the needs of its customers. In this light, the study uncovered that Les Brasseries is the leading brewery company in Cameroon, with its products grouped into three categories: beer, soft drinks, sirops and alcohol mix.

Further, through document review and observations, the study uncovered that Les Brasseries Du Cameroun produces 19 different drinks namely: beer products – Castel Milk, Castle Beer, “33” Export, Mutzig Beaufort, Beaufort Light; soft drinks – Soda water, Top Orange, Top Anana, Top Grenadine, Top Pamplemousse, Top Tonic, Top Citron, Coca Cola, Djino Cocktail; alcoholic beverages – Booster Gin Tonic, Booster Cider, Booster Whisky Cola and Beaufort Tango. This high assortment was observed to be significantly affecting positively on performance and competitiveness of Les Brasseries Du Cameroon as it helps the company meet the needs of a high variety of customers.

It is worth mentioning that Les Brasseries Du Cameroun has two other product categories which it does not produce, thus operating mainly as a distribution partner. These products are mineral water (Source Tangui) and wine namely Vin de Table, Vin Rouge, Vin Rose, Vin de la Vallee du Rhone, Vin de Beaujoaise and Vin de Bordeaux.

Hypothesis testing – correlation analysis. The hypothetical relationship guiding the operationalization of this study examined differentiation as the independent variable and dependent variable business performance captured through market share. To ensure a detail investigation, the independent variable was segmented and treated separately resulting in the development of three hypotheses tested in this study as seen below.

Hypothesis 1. Product differentiation has no significant effect on the business performance of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda.

Production differentiation was one of the isolated differentiation aspects studied to ascertain the nature of the relationship existing between it and business performance at Les Brasseries Du Cameroun, Bamenda. To this respect, product differentiation was viewed in terms of product quality, product assortment and products position. Correlation analysis performed resulted in the Table 1.

Table 1

Correlation analysis – product differentiation

		Product differentiation	Business performance
Product differentiation	Pearson correlation	1	.804*
	Sig. (2-tailed)	–	0.01
	N	130	130
Business performance	Pearson correlation	.804*	1
	Sig. (2-tailed)	0.01	–
	N	130	130

Note. * – correlation significance is measured at 0.01 level (2-tailed).

Source: based on authors' calculations.

The results showed that there is a strong positive relationship between product differentiation and business performance ($PCC = .804^{**}$, $p < 0.01$), significant at 1 % level. The results imply that the high assortment coupled with quality, have significantly contributed to the high business performance being recorded by Les Brasseries Du Cameroun in Bamenda. This is true for high product assortment, the needs of a large variety of customers are met. Hence through satisfying customer needs business performance is guaranteed. Given the results, it can thus be argued that if Les Brasseries Du Cameroun should continuously maintain and improve on product differentiation, high business performance will always be achieved. On the basis of the correlation results, the null hypothesis which states that product differentiation has no effect on the business performance of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda is rejected in favour of the hypothesis which states that product differentiation has a significant effect on the business performance of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda.

Hypothesis 2. Service differentiation has a significant effect on the business performance of Les Brasseries Du Cameroun.

Service differentiation was also isolated and examined as an individual variable influencing either positively or negatively on business performance at Les Brasseries Du Cameroun Bamenda. Service differentiation was captured by asking questions in aspects of transport service provided, advisement and promotion, rapidity

in handling complaints/inquiries. Data generated was tested using the correlation analysis and presented as seen in Table 2.

Table 2

Correlation analysis – service differentiation			
		Service differentiation	Business performance
Service differentiation	Pearson correlation	1	.575*
	Sig. (2-tailed)	–	0.01
	N	130	130
Business performance	Pearson correlation	.575*	1
	Sig. (2-tailed)	0.01	–
	N	130	130

Note. * – correlation significance is measured at 0.01 level (2-tailed).

Source: based on authors' calculations.

The results showed that there is a moderate positive relationship between service differentiation and business performance with a coefficient of (PCC = .575, $p < 0.01$) at an alpha level of 1%, implying that business performance can also be influenced by the way businesses differentiate their services. Since results suggest the existence of a positive and significant relationship, the hypothesis is accepted that Service differentiation has a significant effect on business performance of Les Brasseries Du Cameroun, Bamenda. Validly, through providing distribution services in town, attaining to complaints/inquiries, more quality assorted drinks are available in the market at the right place and at the right time, thus ensuring that customer needs are satisfied as at when needed, as such translating to better business performance for the enterprise.

Hypothesis 3. Physical differentiation has no significant effect on the business performance of Les Brasseries Du Cameroun.

Table 3

Correlation analysis – physical differentiation			
		Physical differentiation	Business performance
Physical differentiation	Pearson Correlation	1	.264*
	Sig. (2-tailed)	–	0.01
	N	130	130
Business performance	Pearson Correlation	.264	1
	Sig. (2-tailed)	0.01	–
	N	130	130

Note. * – correlation significance is measured at 0.01 level (2-tailed).

Source: based on authors' calculations.

To test hypothesis 3, physical differentiation was captured through the use of proxies namely location, customer convenience and layout. With the use of the Pearson correlation analysis, the collected data was revealed the nature of the existing relationship as seen in Table 3.

From results in the table above, there is an indication of a weak positive relationship between physical differentiation and business performance with a Pear-

son correlation coefficient of (PCC = .264, $p < 0.01$). By implication, it can thus be argued that physical differentiation has a positive effect which is not very significant on the business performance of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda hence accepting the stated hypothesis that: physical differentiation has no significant effect on the business performance of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda. Apparently, this finding can be attributed to the fact that in Bamenda breweries products including those of Les Brasseries Du Cameroun are available at very close proximity to customers. Even in residential areas, bars are available to satisfy customer needs at short notice. Further, drinks are also sold in provision shops. Thus because the high competition in the brewery industry in Bamenda has made bars to be located everywhere, the variable physical differentiation seems not to be a key influencing factor given the local reality.

Discussion

The study established that Les Brasseries Du Cameroun is a leading player in the brewery industry in Cameroun. Through employing differentiation as a business competitive strategy, business performance was observed to be significantly impacted. The study uncovered that product differentiation strategy has created more value and significantly affected positively on Les Brasseries Du Cameroun Bamenda. Thus even with the high competition and the growing saturation of the Bamenda Market with brewery products from neighbouring Nigeria as well as other national breweries, Les Brasseries continue to enjoy market dominance thanks to its high product assortment and quality level. These findings are similar to those of Pearce and Robinson (2005), Grant (2010), Carpenter and Marguerite (2006), Baraza (2017) and Thiane (2018) who argued that through unique product features, higher quality products and assortment, firms are able to provide superior value to customers. Further, as observed, the high product assortment increased the customer base, satisfying a wide range of heterogeneous customers and thus gaining market share. Scholarly works uphold similar finding (Baraza, 2017; Thiane, 2018). It is worth mentioning here that study participants indicated that the quality of brewery products from neighbouring Nigeria was poor when compared with Les Brasseries Du Cameroun Products.

Further, findings suggested that service differentiation through transport service provided, advisement and promotion, rapidity in handling complaints/inquiries resulted in high reliability and satisfaction on licensed wholesalers and retailers. This apparently is responsibility for the observed nature of high availability of all Les Brasseries Du Cameroun products in all retail and wholesale centers visited. Scholarly works of King (2005), Schneider and Bowen (1995), Thompson and Martin (2005) provide similar findings upholding that service differentiation brings about high customer responsiveness which brings value to customers. It is worth mentioning here that during data collection, some bars visited had no Guinness Cameroun products. Given the efficiency of service differentiation, failure costs were noted to be significantly low thus contributing to the performance of the company.

Finally, as concerns physical differentiation, the study found that its effect on business performance of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda though posi-

tive was weak. This could be attributed to the high availability of drinking joints at close proximity in both residential and non-residential areas. It is worth noting that bars are located in every street and every corner of Bamenda. Further, retail provision shops were also observed to be selling brewery products. Apparently, the high density of bars might have made the effect of physical differentiation to be weak contrasting the viewpoint of (Galliers, 2006) that physical differentiation notably through location positioning is a key business performance factor utilized by enterprises in highly competitive markets

Conclusion

This study concludes that the use of differentiation as a business competitiveness strategy for improving business performance is impacting positively on the performance of Les Brasseries Du Cameroun Bamenda. This implies that capitalizing on product differentiation which ensures quality will result in greater market share for Les Brasseries Du Cameroun Bamenda. Summarily, based on the correlation coefficients, it can thus be stated that with reference to differentiation and business performance of Les Brasseries Du Cameroun, Bamenda, the contributions of the differentiation variables examined can be classified with product differentiation ($PCC = .804^{**}$, $p < 0.01$) as the most influencing, followed by service differentiation ($PCC = .575$, $p < 0.01$) and then physical differentiation ($PCC = .264$, $p < 0.01$) the least. Several studies have upheld similar findings in varied industries across the world. On this basis, the study thus provides practical advice that management should continue to maintain and uphold product differentiation variable factors like quality and assortment. This will help the enterprise to ensure high loyalty. Further, management needs to step-up service differentiation activities.

Surely, this study had some limitations. Worthy of note include the exclusion of price base differentiation. Also, the COVID-19 pandemic limited the extent of discussions with study participants. More limiting was the sample size of 130. This may appear limiting due to the high density of bars and the number of staff operating in the brewery sector in Bamenda. Despite these limitations, note should be taken that the results apparently are representative of the picture in Bamenda.

For future research, the study recommends a comparative study be carried out to see where the different brewery firms are performing best when compared to others. Also, another study may be conducted to identify the relative contributions of the individual drinks in the Les Brasseries Du Cameroun assortment to organizational performance. This may inform management to know which drinks to pay more attention to. Again, a similar study may be conducted in other industries notably the Banking and Telecoms in Bamenda.

Acknowledgements. Gratitude goes to staff at Les Brasseries Du Cameroun Bamenda as well as managers and staff of retail outlets for their time spent discussing/ answering the study questionnaire.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

References

- Baraza, D. (2017). *Effects of Competitive Strategies on Performance of Manufacturing Firms in Kenya. A Case Study of East Africa Breweries Limited*. Master Research Project. School of Business, The Catholic University Eastern Africa.
- Carol, Y.Z., Federico, G., & Thomas, M.B. (2015). Competitiveness in a Saturated Market. A Case Study of the Scottish Craft Beer Industry. *International Journal of Business and Social Science*, 6(8), 28–46.
- Carpenter, J., & Marguerite, M. (2006). Consumer demographics, store attributes, and retail format choice in the US grocery market. *International Journal of Retail and Distribution Management*, 34(6), 434–452.
- Chamberlin, E. (1965). A Cognitive Model of the Antecedents and Consequences of Satisfaction Decisions. *Journal of Marketing Research*, (11), 460–469.
- Galliers, I. (2006). Performance impacts of strategic orientations: Evidence from Turkish manufacturing firms. *Journal of American Academy of Business*, 6(1), 68–72.
- Grant, R.M. (2010). *Contemporary Strategy Analysis*. 7th ed. UK, John Wiley & Sons Ltd.
- Gültekin, A., Fatih, S., Asli, M., & Çağlar, P. (2014). Industry forces, competitive and functional strategies and organizational performance: Evidence from restaurants in Istanbul, Turkey. *Elsevier Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 150, 300–309.
- Harris, L., & Ogbona, E. (2001). Competitive advantage in the UK food retailing sector: Past, present and future. *Journal of Retailing and Consumer Services*, (8), 157–173.
- Kiama, P., & Kagiri, A. (2016). Effects of Product Differentiation Strategies on Organizational Competitiveness: A Case of EABL, Kenya. *European Journal of Business and Strategic Management*, 1(1), 117–133.
- King, J. (2005). The Top 10 Reasons Businesses Succeed. *Journal of Business Strategies*, (28), 9–12.
- Likert, R. (1932). A Technique for the Measurement of Attitudes. *Archives of Psychology*, (140), 1–55.
- Lilien, G., & Kotler, P. (1983). *Marketing Decision Making: A Model-Building Approach*. New York, Harper & Row Publishers.
- Makadok, R., & Ross, D.G. (2013). Taking Industry Structuring Seriously: A Strategic Perspective on Product Differentiation. *Strategic Management Journal*, (34), 509–532.
- Obitz, C. (2009). *Supermarket Differentiation in the UK: A Theoretical and Empirical Investigation*. Diplomica Obitz GmbH.
- Pearce, J., & Robinson, R. (2005). *Strategic Management: Formulation Implementation and Control*. 9th ed. New York, Tata McGraw Hill.
- Porter, M. (1985). *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. New York, Free Press.
- Schneider, B., & Bowen, D. (1995). *Winning the Service Game*. Cambridge, MA, Harvard Business School Press.
- Sigler, K. (2010). The U.S. Retail Industry: Are CEOs Paid for Performance? *International Review of Business and Social Sciences*, 1(4), 33–39.
- Thiane, I. (2018). *Strategies Employed by Keroche Breweries Ltd to gain Competitive Advantage*. Masters Research Project. School of Business, University of Nairobi.
- Thompson, A., & Strickland, A.J. (2007). *Crafting and Executing Strategy: The Quest for Competitive Advantage: Concepts and Cases*. New York, McGraw Hill.
- Thompson, J., & Martin, F. (2005). Short Term Impact of Differentiation on Organizations Profitability: A Comparative Study Between Convenience and Shopping Goods. *International Business and Management*, 7(5), 247–255.

Article history:

Received: 30 June 2020

Revised: 25 July 2020

Accepted: 23 August 2020

For citation:

Shille, P.N., & Enow, P. (2020). Differentiation as a business competitiveness strategy in the brewery industry in Cameroon: An analysis of Les Brasseries du Cameroun Bamenda. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 668–680. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-668-680>

Bio notes:

Peter Ngek Shille, assistant lecturer of the Department of Agribusiness Technology of the College of Technology of the University of Bamenda Cameroon. E-mail: spngek@yahoo.co.uk

Peter Enow, Higher Technical Teacher Training College of the University of Bamenda Cameroon. E-mail: epamelangwi@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-668-680

Научная статья

**Дифференциация
как фактор конкурентоспособности бизнеса
в пивоваренной отрасли Камеруна:
анализ Les Brasseries du Cameroun Bamenda**

П.Н. Шилли, П. Иноу

Университет Баменды

Республика Камерун, Северо-Западный регион, Бамбили, п/я 39

Аннотация. В представленном исследовании на примере Les Brasseries Du Cameroun Bamenda рассматривается дифференциация как стратегия повышения конкурентоспособности и эффективности бизнеса в пивоваренной отрасли с использованием качественных и количественных методов для оценки заявленных гипотетических взаимосвязей. Для сбора данных использовались анкетирование и интервьюирование; специально отобранная выборка состояла из 130 участников – управленческий персонал Les Brasseries Du Cameroun Bamenda, а также менеджеры и сотрудники торговых точек/баров в Баменде. Результаты, полученные с использованием коэффициента корреляции Пирсона в качестве аналитического метода, показали, что существует сильная положительная связь между дифференциацией продуктов и производительностью бизнеса ($RCC = 0,804^{**}$, $p < 0,01$), умеренная положительная связь между дифференциацией услуг и производительностью бизнеса ($RCC = 0,575^{**}$, $p < 0,01$) и слабая положительная связь между физической дифференциацией и производительностью бизнеса ($RCC = 0,264^{**}$, $p < 0,01$). Таким образом, можно заключить, что руководству следует продолжать поддерживать переменные факторы дифференциации продуктов, такие как качество и ассортимент.

Ключевые слова: дифференциация услуг, эффективность бизнеса, пивоваренная промышленность

Благодарности. Благодарим персонал Les Brasseries Du Cameroun Bamenda, а также менеджеров и сотрудников торговых точек за время, потраченное на обсуждение и заполнение анкеты исследования.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30 июня 2020 г.

Дата проверки: 25 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 23 августа 2020 г.

Для цитирования:

Shille P.N., Enow P. Differentiation as a business competitiveness strategy in the brewery industry in Cameroon: an analysis of Les Brasseries du Cameroun Bamenda // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 668–680. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-668-680>

Сведения об авторах:

Шилли Петер Нгек, ассистент преподавателя кафедры технологии агробизнеса Технологического колледжа Университета Баменды. E-mail: spngek@yahoo.co.uk

Иноу Петер, Высший технический педагогический колледж Университета Баменды. E-mail: epamelangwi@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-681-699

УДК 339

Научная статья

Университет мирового уровня в эпоху цифровизации

П.В. Павлов, Е.К. Защита

Южный федеральный университет

Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции и перспективы развития университетов, желающих занимать ведущие позиции в мировых и национальных рейтингах, появившиеся в связи с цифровизацией, оказывающей наиболее заметное влияние в сфере образования с 2020 года. В связи с этим наиболее актуально рассмотрение основных факторов, по которым происходит оценивание университетов ведущими международными и национальными рейтингами; анализ эволюционных и содержательных моделей создания университета мирового уровня; выявление векторов развития цифровой трансформации применительно к высшему образованию; обзор лучших имеющихся практик университетов мирового уровня в области цифровизации. Представленные результаты проведенного исследования позволяют сделать выводы об отношении представителей образовательных организаций (студентов и преподавателей) и бизнес-сообщества ряда городов России, Польши и Италии к происходящей цифровой трансформации университетов и предложить новые шаги становления университетов мирового уровня.

Ключевые слова: университет мирового уровня, цифровизация, мировая экономика, рейтинги, высшее образование

Введение

В настоящее время цифровизация проникает во все сферы человеческой жизнедеятельности, изменяя технологии, экономические модели, социальные институты и общественные нормы. При этом уже мало у кого вызывает сомнение тот факт, что будущее развитие страны и мира именно за цифровыми технологиями. Под влиянием цифровизации изменения претерпевают практически все субъекты рыночных отношений, в том числе и университеты (Кулагин и др., 2020). Это обусловлено двумя основными факторами. Во-первых, происходит кратное увеличение количества пользователей Интернета. Так, по данным Internet World Stats¹, на конец июня 2020 года в мире насчитывалось 4,83 млн активных пользователей Интернета (по срав-

© Павлов П.В., Защита Е.К., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ Internet usage statistics. The internet big picture: world internet users and 2020 population stats // Internet world stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed: 26.07.2020).

нению с 2000 годом произошло увеличение на 1 239 %), что составляет 62 % от общей популяции населения. При этом следует заметить, что распределение пользователей Интернета в мире происходит неравномерно. Так, наибольшая доля интернет-пользователей в общем объеме населения отмечается в Северной Америке (90,3 %), Европе (87,2 %), Латинской Америке и странах Карибского бассейна (71,5 %), а наименьшая – в Африке (42,2 %)². Во-вторых, появляются новые направления развития мировой экономики, представленные в исследованиях Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Они не только способствуют общей трансформации привычных ранее рынков в цифровую среду (медиа, туризм, банковские услуги, розничная торговля, автомобилестроение и другие) и смене ведущих игроков и их бизнес-моделей, но и с позиции образования – появлению новых продуктов и переходу от традиционных университетских моделей к моделям цифровых университетов (табл. 1)³.

Таблица 1

Векторы развития цифровой трансформации применительно к высшему образованию

Наименование	Описание	Новые образовательные продукты
Нарастание объема без привлечения большого количества ресурсов	Масштабирование современных цифровых продуктов и услуг, а также целых компаний происходит значительно быстрее и требует меньших затрат как на персонал, так и на иные материальные активы. Это в первую очередь обусловлено глобальным охватом Интернета, стирающим в том числе географические границы	Развитие различных видов экспорта образовательных услуг в части разработки и реализации трансграничных образовательных программ и курсов, особенно в условиях продолжающихся ограничений, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)
Панорамный охват	Цифровизация не только позволяет добиться экономии за счет эффекта масштаба, но и облегчает создание сложных продуктов, сочетающих в себе множество функций и особенностей, а также обеспечивает широкие возможности управления, рекомбинации и адаптации услуг под нужды потребителей	
Использование новых возможностей	«Сквозной» принцип Интернета позволяет любому человеку, у которого есть компьютер или смартфон, создавать в цифровой сети новые продукты или услуги или же пользоваться привычными услугами в один клик 24/7, используя сайты, соцсети, специальные приложения (например, онлайн-покупки, заказ такси, обучение на онлайн-курсах и др.)	Расширение объема онлайн-платформ и дистанционных курсов, специализаций и целых образовательных программ, предоставляемых ведущими университетами мира как на собственных платформах, так и на общих площадках, среди которых наиболее заметными являются: Coursera, edX, Udacity, «Открытое образование» и «Лекториум».

² Internet usage statistics. The internet big picture: world internet users and 2020 population stats // Internet world stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed: 26.07.2020).

³ Vectors of digital transformation // OECD digital economy papers. 2019, January. No. 273. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5ade2bba-en.pdf?expires=1595860624&id=id&accname=guest&checksum=359FF91AE420675098B5DDC8FDA2BFE8> (accessed: 26.07.2020).

Наименование	Описание	Новые образовательные продукты
Трансформация пространства	Благодаря тому, что все данные, необходимые для работы, а также порой и сами услуги и продукты оцифрованы, они могут храниться или использоваться в любом месте и в любое время	При этом большое развитие получают узконаправленные платформы, предоставляющие собственный контент: 2U (высшее образование, навыковое профессиональное, послевузовское обучение), Pluralsight (навыковое и профессиональное обучение), iTutorGroup (языковое обучение, дополнительное школьное обучение), Age of Learning (раннее, дошкольное и школьное обучение), Huijiang.com (языковое обучение), HotChalk (школьное и высшее образование), Udemy (навыковое обучение), Knewton (школьное обучение, адаптивное обучение) и др.
Скорость: динамика времени	Деятельность, ведущаяся в цифровом формате, может опережать совещательные институциональные процессы, устанавливать процедуры и модели поведения за счет максимально быстрого реагирования на изменения, формирования цифрового следа и фиксации знаний	В последнее время наметился тренд на перенос самостоятельной работы студентов в цифровую среду. Это позволяет не только собирать в одном месте весь материал по курсу, но также оценивать его, в том числе с применением новых образовательных технологий. Например, большую популярность набирают такие сайты и программы, как Google Class, MS Teams, Moodle и др. (Защитина, Павлов, 2019)
Расширение экосистемы и создание отдельных платформ	Развитие не только прямых связей, но и многосторонних платформ, порой формирующих экосистемы с различной степенью интеграции, взаимодействия, обмена данными и открытости, способствует дальнейшему снижению транзакционных издержек на многих рынках	Во-первых, происходит создание платформ и пространств для развития soft-skills и hard-skills с применением дистанционных технологий в образовательном процессе, которые позволяют снизить разрыв между уровнем обучения в учреждении высшего образования и уровнем, который требует современный работодатель (образование, навыки, квалификация, компетенции), а также включают в себя использование современных образовательных технологий, основанных на мобильном обучении, аналитических технологий, технологий смешанной (дополненной) реальности и искусственного интеллекта, виртуальных цифровых помощников, технологий Blockchain (например, система поддержки лидеров Leader-ID). Во-вторых, появляются не только новые образовательные институты и инструменты реализации совместного образовательного пространства (например, «Университет 20.35», образовательные интенсивы «Остров 10–21», «Остров 10–22», «Зимний Остров», «Лидеры России» и др.), но и создаются полноценные дистанционные университеты (например, Университет «Синергия») (Защитина, 2020)
Превалирование нематериальных активов и новые источники создания стоимости	Виды нематериальных активов, в числе которых программные продукты и данные, в настоящее время привлекают большие инвестиции, чем материальные активы. Цифровые платформы позволяют компаниям и отдельным людям более легко, быстро и эффективно монетизировать свою деятельность и быть более гибкими при изменении внешней среды	В настоящее время в связи с развитием технологий и новой промышленной революцией происходит изменение рынка труда, возникают новые профессии, а также компетенции. Это все оказывает влияние на набор специальностей, которые будут преподаваться в университетах, образовательную повестку в целом, а также расширяет пул возможных взаимодействий между бизнесом и образовательными учреждениями в части подготовки необходимых квалифицированных специалистов

Источник: составлено авторами с использованием данных аналитического отчета Vectors of digital transformation Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Table 1

Vectors of digital transformation

Name	Description	New educational products
Increasing volume without attracting a lot of resources	Scaling of modern digital products and services, as well as of entire companies, is much faster and requires less costs for both personnel and other tangible assets. This is primarily due to the global reach of the Internet, which also erases geographic boundaries	Development of various types of export of educational services in terms of the development and implementation of cross-border educational programs and courses, especially in the context of ongoing restrictions associated with the spread of the new coronavirus infection (COVID-19)
Panoramic coverage	Digitalization not only allows economies of scale to be achieved, but also facilitates the creation of complex products that combine many functions and features, and also provides ample opportunities for management, recombination and adaptation of services to the needs of consumers	
Taking advantage of new opportunities	The “end-to-end” principle of the Internet allows anyone who has a computer or smartphone to create new products or services on the digital network or use familiar services in one click 24/7, using websites, social networks, special applications (for example, online shopping, ordering a taxi, training on online courses, etc.)	Expanding the volume of online platforms and distance courses, specializations and entire educational programs provided by the world’s leading universities both on their own platforms and on common platforms, among which the most notable are “Coursera”, “edX”, “Udacity”, “Open Education” and “Lecture Hall”. At the same time, narrowly focused platforms that provide their own content are receiving great development: “2U” (higher education, professional skills, postgraduate education), “Pluralsight” (skills and vocational training), “iTutorGroup” (language training, additional schooling), “Age of Learning” (early, preschool and school education), “Huijiang.com” (language learning), “HotChalk” (school and college education), “Udemy” (skill training), “Knewton” (schooling, adaptive learning), etc.
Space transformation	Due to the fact that all the data necessary for work, as well as sometimes the services and products themselves, are digitized, they can be stored or used anywhere and at any time	Recently, there has been a trend towards transferring students’ independent work to the digital environment. This allows not only to collect all the material on the course in one place, but also to evaluate it, including using new educational technologies. So, such sites and programs as “Google Class”, “MS Teams”, “Moodle”, etc. are gaining great popularity (Zashchina, Pavlov, 2019)
Speed: dynamics of time	Digital activities can outpace deliberative institutional processes, establish procedures and behaviors by responding as quickly as possible to change, creating a digital footprint and capturing knowledge	Firstly, platforms and spaces for the development of soft-skills and hard-skills are being created using distance technologies in the educational process, which help to reduce the gap between the level of education in a higher education institution and the level that a modern employer requires (education, skills, qualifications, competencies), and also include the use of modern educational technologies based on mobile learning, analytical technologies, mixed (augmented) reality and artificial intelligence technologies, virtual digital assistants, Blockchain technologies (for example, the “Leader-ID” leader support system).
Expanding the ecosystem and creating separate platforms	The development of not only direct links, but also multilateral platforms, which sometimes form ecosystems with varying degrees of integration, interaction, data exchange and openness, contributes to further reducing transaction costs in many markets	

Table 1, ending

Name	Description	New educational products
The prevalence of intangible assets and new sources of value creation	The types of intangible assets, including software and data, currently attract more investment than tangible assets. Digital platforms allow companies and individuals to more easily, quickly and efficiently monetize their activities and be more flexible when the external environment changes	Secondly, not only new educational institutions and tools for the implementation of a joint educational space appear (for example, "University 20.35", educational intensive courses "Island 10–21", "Island 10–22", "Winter Island", "Leaders of Russia" and etc.), but full-fledged distance universities are also being created (for example, Synergy University) (Zashchina, 2020) Currently, due to the development of technologies and the new industrial revolution, the labor market is changing, new professions and competencies are emerging. All this has an impact on the set of specialties that will be taught at universities, the educational agenda in general, and also expands the pool of possible interactions between business and educational institutions in terms of training the necessary qualified specialists

Source: compiled by the authors using data from the analysis report "Vectors of digital transformation" of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD).

Исходя из представленных данных можно сделать вывод, что в связи с современными вызовами, среди которых одним из главных является цифровизация, образовательная система, а особенно в части высшего образования, уже начала интенсивно трансформироваться. Несмотря на то что образование, получаемое в классическом университете, в ближайшие годы будет сохранять свою главную роль для студентов и работодателей, университеты все равно будут вынуждены учитывать в своей деятельности растущий спрос на качественные цифровые продукты, в том числе для удержания и усиления позиций на международном рынке. Таким образом, становится необходимым выявление основных тенденций и перспектив развития университетов, желающих занимать значительные позиции в ведущих мировых рейтингах, функционирующих в условиях цифровизации. Это и обусловило цель исследования, для достижения которой были решены следующие основные задачи:

- поиск ключевых факторов, необходимых для становления университета мирового уровня;
- анализ практик цифровизации ведущих университетов мирового уровня;
- определение новой парадигмы университета под влиянием цифровизации.

Обзор литературы

Вопросы, касающиеся трансформации университетов и высшего образования, находят отражение в трудах ведущих отечественных и зарубежных ученых. Так, в рамках исследования рассмотрены эволюционные и содержательные модели создания университета мирового уровня на примере работ Й.Г. Виссема (Виссема, 2016), Д. Дугласа (Douglas, 2016), Г. Ицковица (Ицковиц, 2016), Б. Кларка (Clark, 1998), Дж. Салми (Салми, 2009).

Вопросы трансформации университетов и высшего образования в целом в условиях цифровизации представлены в трудах А.Ю. Архипова и Е.В. Шевчук (Архипов, Шевчук, 2013), Ю.В. Вертаковой (Вертакова, 2018), О.Л. Жук (Жук, 2019), В.А. Ларионовой и А.А. Карасик (Ларионова, Карасик, 2019), И.И. Маковецкого (Маковецкий, 2019), А.А. Неделькина (Неделькин, 2018), В.Г. Халина и Г.В. Черновой (Халин, Чернова, 2020) и др.

Теоретической базой исследования стали труды ведущих российских и зарубежных ученых в области изучения университетов мирового уровня и их глобальной конкурентоспособности, экспорта образовательных услуг, а также влияния цифровизации на сферу высшего образования. Помимо прочего, при проведении исследования были использованы данные тематических российских и международных статистических сборников, научные статьи и прочие публикации.

Методы и подходы

Для более детального анализа влияния цифровизации на развитие университетов был проведен опрос представителей образовательных организаций (студентов и сотрудников) и бизнес-сообщества (далее – Опрос), участниками которого стали 308 респондентов из трех стран (Россия, Польша, Италия) и 14 городов (*Россия*: Армянск, Воронеж, Екатеринбург, Москва, Новосибирск, Орел, Ростов-на-Дону, Севастополь, Ставрополь, Таганрог, Челябинск; *Польша*: Лодзь; *Италия*: Варесе, Падуа). Данный опрос позволил выявить отношение к цифровизации образования (онлайн-образованию) в зависимости от возраста респондентов, рода их деятельности и страны проживания. Опрос проводился с ноября 2019 по июнь 2020 года, что позволило проследить изменение мнений респондентов до и после введения ограничений в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), повлекших повсеместный переход на дистанционное образование.

При проведении исследования использовался обширный инструментально-методический аппарат, включающий методы компаративного анализа и аналогий (в том числе при рассмотрении ключевых характеристик университета мирового уровня), системного анализа и синтеза (в том числе при выявлении особенностей функционирования университетов в эпоху цифровизации), классификации (в том числе при определении классификации университетов мирового уровня и рейтинговых показателей, относящихся к цифровизации), количественного и качественного анализа, графической интерпретации данных (при интерпретации статистических данных, рассматриваемых в рамках исследования).

Результаты

По данным Опроса, 68 % процентов респондентов считают, что в ближайшие 10 лет будет осуществлен окончательный переход к глобальному, инновационному, равноправному, коллективному, виртуальному и техногенному миру (рис. 1).

Этот процесс будет сопряжен и с трансформацией системы высшего образования на основании ряда эволюционных и содержательных моделей

развития. При этом ученые (Анохина и др., 2018) считают, что эффективное функционирование университета и его выход на мировой уровень возможны только при грамотном комбинированном использовании содержательных моделей университета (рис. 2).

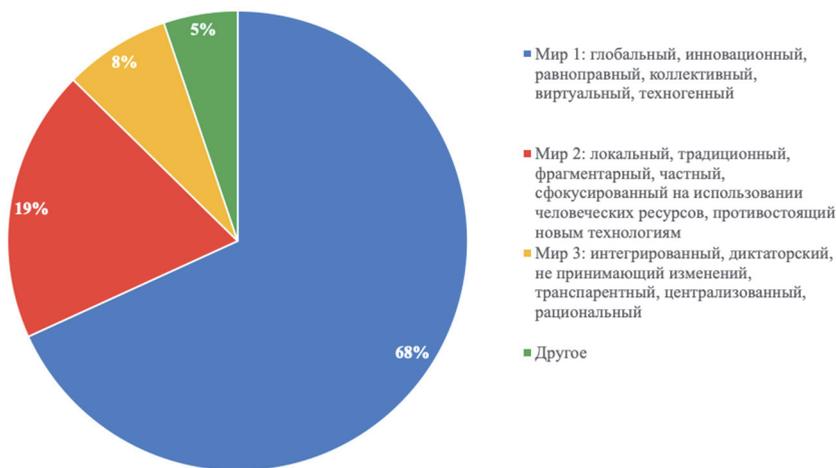

Рис. 1. Оценка сценария развития мира в ближайшие 10 лет, %
[Figure 1. Assessment of the world development scenario in the next 10 years, %]

Источник: составлено авторами на основании проведенного исследования.

Рис. 2. Эволюционные и содержательные модели создания университета мирового уровня
[Figure 2. Evolutionary and informative models of creating a world-class university]

Источник: составлено авторами на основании анализа исследований ученых, представленных в обзоре литературы.

Критерии оценивания университетов ведущими мировыми и национальными рейтингами представлены в табл. 2.

**Укрупненные группы критериев оценивания университетов мирового уровня,
используемые ведущими мировыми и национальными рейтингами**

Наименование рейтинга	Организация, страна	Критерии
The World University Rankings ⁴ (2020 год) – международный	Times Higher Education и Thomson Reuters, Великобритания	Преподавание – 30 %. Исследования – 30 %. Цитирования – 30 %. Международная деятельность – 7,5 %. Доход от трансфера знаний – 2,5 %
	ТОП-5 ведущих университетов мира: 1. Университет Оксфорда – University of Oxford (Великобритания). 2. Технологический институт Калифорнии – California Institute of Technology (США). 3. Университет Кембриджа – University of Cambridge (Великобритания). 4. Университет Стэнфорда – Stanford University (США). 5. Массачусетский технологический университет – Massachusetts Institute of Technology (США)	
QS World University Rankings ⁵ (2021 год) – международный	Quacquarelli Symonds, Великобритания	Академическая репутация – 40 %. Отношение количества преподавателей и студентов – 20 %. Отношение количества цитирований на одного научно-педагогического работника – 20 %. Оценка работодателей – 10 %. Доля иностранных профессоров – 5 %. Доля иностранных студентов – 5 %
	ТОП-5 ведущих университетов мира: 1. Массачусетский технологический университет – Massachusetts Institute of Technology (США). 2. Университет Стэнфорда – Stanford University (США). 3. Университет Гарварда – Harvard University (США). 4. Технологический институт Калифорнии – California Institute of Technology (США). 5. Университет Оксфорда – University of Oxford (Великобритания)	
Academic Ranking of World Universities ⁶ (2019 год) – международный	ShanghaiRanking Consultancy, Китай	Сотрудники – нобелевские лауреаты – 20 %. Высокоцитируемые исследователи – 20 %. Статьи, публикуемые в журналах Nature и Science, – 20 %. Статьи, индексируемые в Science Citation Index-Expanded и Social Science Citation Index, – 20 %. Среднедушевая академическая успеваемость – 10 %. Выпускники – нобелевские лауреаты – 10 %.
	ТОП-5 ведущих университетов мира: 1. Университет Гарварда – Harvard University (США). 2. Университет Стэнфорда – Stanford University (США). 3. Университет Кембриджа – University of Cambridge (Великобритания). 4. Массачусетский технологический университет – Massachusetts Institute of Technology (США). 5. Университет Калифорнии, Беркли – University of California, Berkeley (США)	

⁴ World University Rankings // Times Higher Education. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2020/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (accessed: 26.07.2020).

⁵ QS World University Rankings // QS Top Universities. URL: <https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings> (accessed: 26.07.2020).

⁶ World TOP-1000 Universities // Academic Ranking of World Universities. URL: <http://www.shanghai ranking.com/ARWU2019.html> (accessed: 26.07.2020).

Окончание табл. 2

Наименование рейтинга	Организация, страна	Критерии
Три миссии университетов ⁷ (2019 год) – международный	Консорциум вузов, Россия	Образование – 45 %; Наука – 25 %; Университет и общество – 30 %
	ТОП-5 ведущих университетов мира: 1. Университет Гарварда – Harvard University (США). 2. Массачусетский технологический университет – Massachusetts Institute of Technology (США). 3. Университет Пенсильвании – University of Pennsylvania (США). 4. Университет Йеля – Yale University (США). 5. Университет Кембриджа – University of Cambridge (Великобритания)	
100 лучших российских вузов ⁸ (2020 год) – национальный	Forbes, Россия	Качество образования – 50 %. Качество выпускников – 30 %. Фактор Forbes – 20 %
Рейтинг лучших вузов России RAEX-100 ⁹ (2020 год) – национальный	Рейтинговое агентство RAEX (РАЭК-Аналитика), Россия	Условия для получения качественного образования в вузе – 50 %. Уровень востребованности работодателями выпускников вуза – 30 %. Уровень научно-исследовательской деятельности вуза – 20 %.

Источник: составлено авторами на основании анализа сайтов рейтинговых агентств.

Table 2

Large groups of university assessment criteria used by leading world and national rankings

Rating name	Organization, country	Criteria
The World University Rankings ¹⁰ (2020) – international	Times Higher Education and Thomson Reuters, UK	Teaching – 30%. Research – 30%. Citations – 30%. International activity – 7,5%. Income from knowledge transfer – 2,5%
	TOP 5 leading universities in the world: 1. University of Oxford (UK). 2. California Institute of Technology (USA). 3. University of Cambridge (UK). 4. Stanford University (USA). 5. Massachusetts Institute of Technology (USA)	

⁷ Три миссии университетов // MosIUR. URL: <https://mosiur.org> (дата обращения: 26.07.2020).

⁸ 100 лучших российских вузов // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/403369-universitety-dlya-budushchey-elity-100-luchshih-rossiyskih-vuzov-po-versii-forbes> (дата обращения: 26.07.2020).

⁹ Рейтинг лучших вузов России RAEX-100 / RAEX (РАЭК-Аналитика). URL: https://raex-a.ru/rankings/vuz/vuz_2020 (дата обращения: 26.07.2020).

¹⁰ World University Rankings // Times Higher Education. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2020/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (accessed: 26.07.2020).

Table 2, ending

Rating name	Organization, country	Criteria
QS World University Rankings ¹¹ (2021) – international	Quacquarelli Symonds, UK	Academic reputation – 40%. The ratio of the number of teachers and students – 20%. The ratio of the number of citations per 1 faculty member – 20%. Assessment of employers – 10%. Share of foreign professors – 5%. Share of foreign students – 5%
	TOP-5 leading universities in the world: 1. Massachusetts Institute of Technology (USA). 2. Stanford University (USA). 3. Harvard University (USA). 4. California Institute of Technology (USA). 5. University of Oxford (UK)	
Academic Ranking of World Universities ¹² (2019) – international	ShanghaiRanking Consultancy, China	Staff – Nobel laureates – 20%. Highly cited researchers – 20%. Articles published in the journals “Nature” and “Science” – 20%. Articles indexed in Science Citation Index-Expanded and Social Science Citation Index – 20%. Average per capita academic performance – 10%. Graduates – Nobel laureates – 10%
	TOP-5 leading universities in the world: 1. Harvard University (USA). 2. Stanford University (USA). 3. University of Cambridge (UK). 4. Massachusetts Institute of Technology (USA). 5. University of California, Berkeley (USA)	
Three missions of universities ¹³ (2019) – international	Consortium of universities, Russia	Education – 45%. Science – 25%. University and society – 30%
	TOP-5 leading universities in the world: 1. Harvard University (USA). 2. Massachusetts Institute of Technology (USA). 3. University of Pennsylvania (USA). 4. Yale University (USA). 5. University of Cambridge (UK)	
100 best Russian universities ¹⁴ (2020) – national	Forbes, Russia	Quality of education – 50%. Quality of graduates – 30%. Forbes factor – 20%
Rating of the best universities in Russia RAEX-100 ¹⁵ (2020) – national	Rating agency RAEX (RAEX-Analytics), Russia	Conditions for obtaining a quality education at a university – 50%. The level of demand by employers of university graduates – 30%. The level of research activities of the university – 20%

Source: compiled by the authors based on the analysis of rating agencies' websites.

¹¹ QS World University Rankings // QS Top Universities. URL: <https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings> (accessed: 26.07.2020).

¹² World TOP-1000 Universities // Academic Ranking of World Universities. URL: <http://www.shanghairanking.com/ARWU2019.html> (accessed: 26.07.2020).

¹³ Три миссии университетов // MosIUR. URL: <https://mosiur.org> (дата обращения: 26.07.2020).

¹⁴ 100 лучших российских вузов // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/403369-universitety-dlya-budushchey-elity-100-luchshih-rossiyskih-vuzov-po-versii-forbes> (дата обращения: 26.07.2020).

¹⁵ Рейтинг лучших вузов России RAEX-100 // RAEX (РАЭК-Аналитика). URL: https://raex-a.ru/rankings/vuz/vuz_2020 (дата обращения: 26.07.2020).

Внедрение в краткосрочной перспективе (1-2 года)	Модели смешанного образования	Все более активное использование технологий смешанного обучения, обеспечивающих персонализацию и большую адаптивность учебных программ, возможность проведения веб-конференций, позволяющих выстраивать дистанционные студенческие объединения для выполнения совместных проектов, в том числе за счет гибкости, простоты доступа и интеграции сложных мультимедийных систем, что способствует повышению качества образования
	Перепроектирование образовательных пространств	Необходимость изменения физического и виртуального пространства учебных классов для удовлетворения растущих потребностей обучающихся: широкополосный беспроводной интернет, использование современных электронных устройств (компьютеры, экраны, умные доски и др.), возможность изменения пространства для проведения разноплановых занятий, использование современных образовательных пространств при онлайн-обучении и др.
Внедрение в среднесрочной перспективе (3-5 лет)	Продвижение культуры инноваций	Появление большого количества разнонаправленных инкубаторов (венчурных лабораторий и других форм делового партнерства), в которых студенты помимо основного обучения могут получать дополнительные профессиональные навыки и опыт работы, что делает их более востребованными на рынке труда. Использование метода обучения на отрицательном и положительном опыте
	Большое внимание к технологиям измерения обучения	Использование современных методов и инструментов для сбора информации способствует все большей интеграции образовательного учреждения в цифровое пространство посредством сбора цифрового следа. Становится необходимым создание специальных исследовательских центров, способных обрабатывать поступающую к ним информацию и тем самым редактировать процесс обучения.
Внедрение в долгосрочной перспективе (более 5 лет)	Переосмысление работы учреждений высшего образования	В связи с внедрением новых технологий, а также с переходом к обучению более возрастных студентов, уже имеющих семью и работу во время обучения, университеты должны развивать междисциплинарное обучение, внедрять технологии онлайн-обучения и встраивать в образовательный процесс пожелания работодателей.
	Модульные и дезагрегированные степени	Возможность для студентов самим строить свои образовательные траектории, в том числе с учетом использования онлайн-курсов, что позволяет более гибко реагировать на изменяющиеся запросы рынка труда и получать те знания и навыки, которые необходимы в современных условиях

Рис. 3. Ключевые тренды развития высшего образования в мире
[Figure 3. Key trends in the development of higher education in the world]

Источник: составлено авторами на основании данных ежегодного отчета Horizon.

На развитие университета и повышение его конкурентоспособности, позволяющей войти в число университетов мирового уровня, большое влияние оказывают степень его гибкости и готовности к изменениям с учетом тенденций развития международной экономики, среди которых в настоящее время можно выделить следующие: развитие экономики знаний и концепции life-long learning, глобализация (в том числе виртуальная), переход на новые технологические уклады (в зависимости от уровня научно-технического прогресса каждой конкретной страны) и на новую ступень промышленной

революции (так называемая Индустрия 4.0), цифровизация (доминирование цифровых технологий).

Анализируя составные части укрупненных групп критериев всех рассмотренных рейтингов, а также происходящие мировые тенденции, можно сделать вывод, что ключевым фактором, оказывающим наибольшее влияние как на развитие мировой экономики, так и на развитие высшего образования, является цифровизация. Компания EDUCASE в своем ежегодном отчете Horizon (2019, Higher Education Edition) выделяет шесть ключевых трендов развития образования в мире, связанных с внедрением новых технологий¹⁶ (рис. 3).

Для нивелирования возможных проблем и наиболее быстрого появления данных трендов, как в разных странах, так и в конкретных университетах, необходимо внедрение ряда механизмов, среди которых можно выделить следующие: повышение уровня владения цифровыми технологиями; переосмысление практики преподавания и наращивание опыта проектирования образовательных программ, в том числе дистанционных; необходимая эволюция роли образовательного подразделения в связи с новыми стратегиями использования образовательных технологий; устранение разрыва в уровне успеваемости различных групп обучающихся; развитие «цифрового равенства» (Боуэн, 2018).

Цифровизация в университете – это не только реализация образовательного процесса посредством онлайн-технологий (лекции и практические занятия, сдача экзаменов и проведение защиты выпускной квалификационной работы, виртуальная академическая мобильность и др.), обсуждения научных исследований (в том числе при использовании открытых платформ по вебинарам и мастер-классам), но и широкий спектр внеучебной деятельности (проведение конкурсов, викторин, проектной работы, вручение дипломов и многое другое), что еще раз доказывает важность цифровизации в современной деятельности университета и трансформацию всех трех основных миссии университета мирового уровня (образовательная, научная и социокультурная).

Можно провести прямую связь между уровнем цифровизации вуза и его местом в ведущих мировых рейтингах университетов. Например, в Массачусетском технологическом университете функционирует Комитет по управлению информационными технологиями, который занимается разработкой моделей планирования, управления и финансирования усилий по развитию информационной системы и сервисов университета на основании внедрения инициатив по модернизации существующих цифровых решений и создания новых с учетом имеющихся возможностей IT-подразделения и наличия необходимых компетенций у всех сотрудников университета. Также интересен опыт Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, который придерживается стратегического плана развития IT-технологий, включающего в себя использование IT-технологий как средства постоянного контакта между со-

¹⁶ Educause Horizon report “2019 Higher education edition”. URL: <https://library.educause.edu/media/files/library/2019/4/2019horizonreport.pdf?#page=7&la=en&hash=5C6DC7ECEE4803540246E6158E1807A55C703FB> (accessed: 26.07.2020).

трудниками и научными сообществами, наращивания объемов интеллектуального влияния в мире, продвижения миссии, в том числе научной, университетского нематериального актива (Анохина и др., 2018).

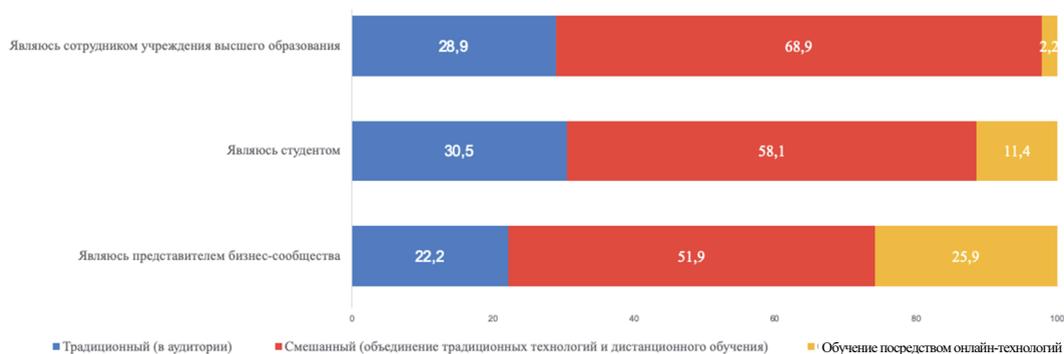

Рис. 4. Преимущественный формат обучения в зависимости от профессионального статуса, %
[Figure 4. Preferred training format depending on professional status, %]

Источник: составлено авторами на основании данных проведенного опроса.

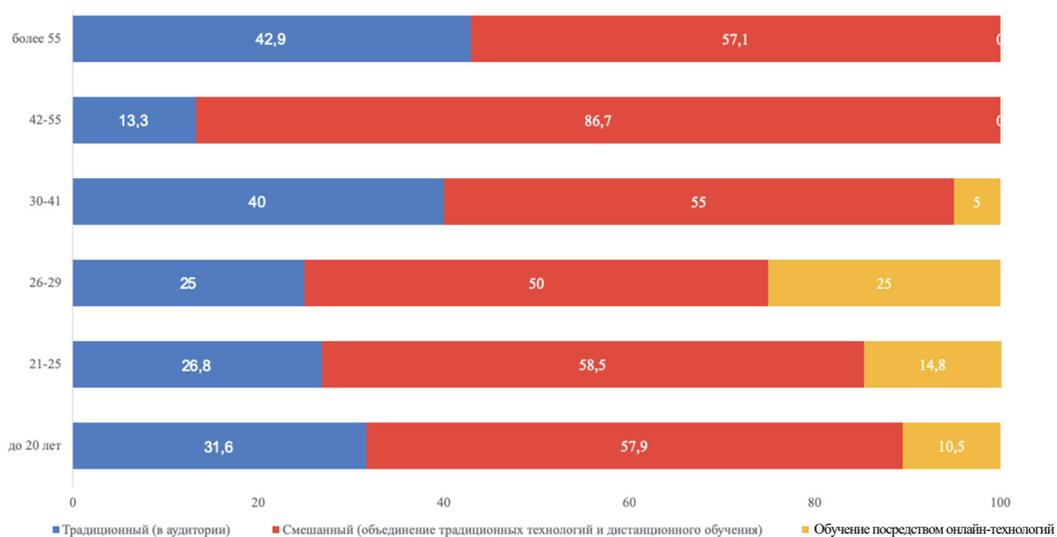

Рис. 5. Преимущественный формат обучения в зависимости от возраста, %
[Figure 5. Preferred training format depending on age, %]

Источник: составлено авторами на основании данных проведенного опроса.

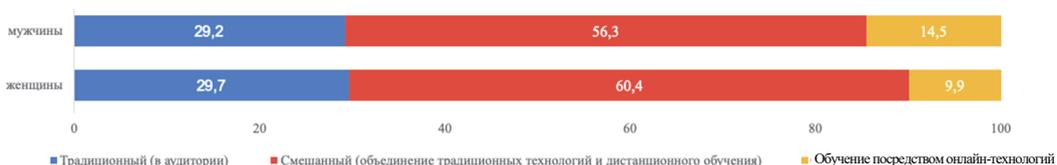

Рис. 6. Преимущественный формат обучения в зависимости от пола, %
[Figure 6. Preferred training format depending on gender, %]

Источник: составлено авторами на основании данных проведенного опроса.

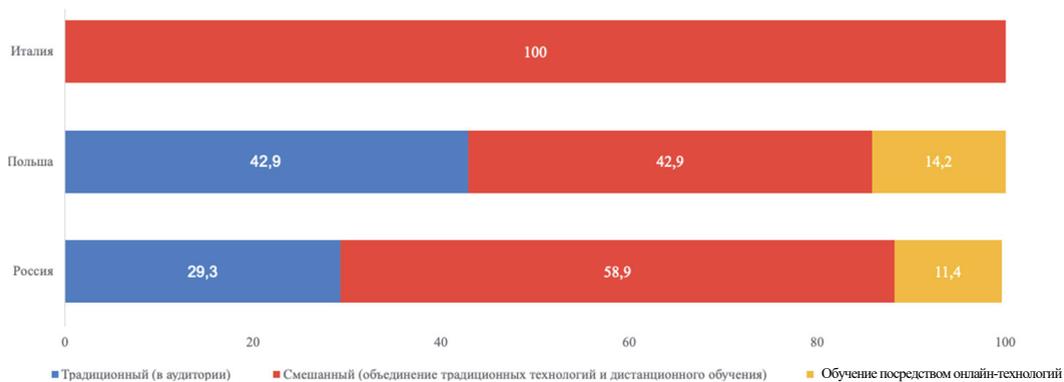
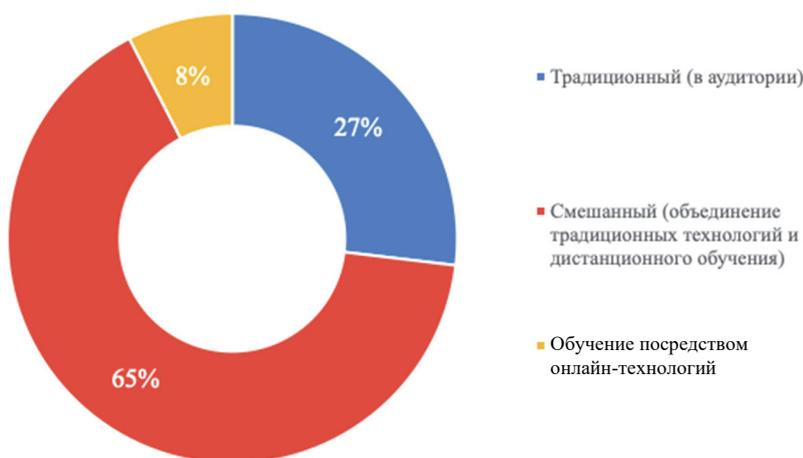

Рис. 7. Преимущественный формат обучения в зависимости от страны проживания, %
[Figure 7. Preferred training format depending on country of residence, %]

Источник: составлено авторами на основании данных проведенного опроса.

До (11.2019 г. – 03.2020 г.)

После (04.2020 г. – 06.2020 г.)

Рис. 8. Преимущественный формат обучения до и после введения ограничений в связи с распространением COVID-19, %
[Figure 8. Preferred training format depending with the spread of COVID-19, %]

Источник: составлено авторами на основании данных проведенного опроса.

Одним из самых явных проявлений цифровизации является реализация онлайн-образования. Результаты Опроса относительно того, какой вариант обучения является наиболее приемлемым для респондентов – традиционный, смешанный или обучение исключительно посредством онлайн-технологий – показали следующее: 11,4 %, или 35 человек, выбрали обучение исключительно посредством онлайн-технологий (интересно заметить, что 14 человек из них непосредственно связаны с IT-сферой – являются студентами или работают в данной области); 29,5 %, или 91 человек, выступили исключительно за традиционное образование; наибольшее число респондентов – 59,1 %, или 182 человека, высказалось за смешанный формат обучения (объединение традиционных образовательных технологий и дистанционного обучения). Интересно распределение ответов респондентов о преимущественном формате обучения относительно их профессионального статуса (рис. 4), возраста (рис. 5), пола (рис. 6) и страны проживания (рис. 7).

Также проведение исследования до повсеместного перехода на дистанционное образование (с ноября 2019 по март 2020 года) и после него (с апреля 2020 по июнь 2020 года) позволило сделать вывод об изменении мнения относительно преимущественного формата обучения после введения ограничений в связи с распространением COVID-19 (рис. 8).

Можно отметить тот факт, что после перехода на дистанционную форму обучения произошло увеличение доли респондентов, выбирающих традиционный формат образования (на 4 %) и обучение посредством онлайн-технологий (на 6 %), и сокращение в части выбора смешанных форм обучения (на 10 %).

Заключение

В условиях цифровизации университет мирового уровня должен быть готов к использованию информационных технологий в образовательном процессе (по всем формам и уровням обучения) и научных исследованиях, обладать избытком ресурсов в сфере IT-технологий (наличие программного обеспечения, кадров, оборудования), профессионально использовать ответственными сотрудниками IT-технологии при управлении университетом.

В университете мирового уровня цифровизация должна подчиняться ряду характеристик: наличию современного видения (включает в себя цель, зависимость, основные этапы, вехи); созданию и последующей актуализации документов и стратегий развития; наличию инструментов и устройств для реализации задуманного плана; готовности к постоянным улучшениям; отсутствию опасения ко всему лишнему.

Список литературы

- Анохина Е.М., Бойко И.П., Болдырева Н.Б. и др.* Глобальная конкурентоспособность ведущих университетов: модели и методы ее оценки и прогнозирования: монография / под ред. В.Г. Халина. М.: Проспект, 2018. 544 с.
- Архипов А.Ю., Шевчук Е.В.* Государственно-частное партнерство как институт модернизации сферы образовательных услуг: международный и отечественный опыт: монография. М.: Вузовская книга, 2013. 196 с.

- Боуэн У.Г. Высшее образование в цифровую эпоху. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 224 с.
- Вертакова Ю.В. Роль университетов в процессах цифровой трансформации экономики // Экономика и управление. 2018. № 7. С. 54–64.
- Виссема Й.Г. Университет третьего поколения: управление университетом в переходный период. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 432 с.
- Жук О.Л. Высшее образование в условиях цифровой трансформации: от Университета 3.0 к Университету 4.0 // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. М.: РУДН, 2019. С. 12–17.
- Защитина Е.К. Цифровая экономика и высшее образование: влияние и тенденции развития (на примере России) // Цифровая экономика и электронное образование: европейский опыт: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 10–14 марта 2020 г.) / под ред. Л.И. Ушвицкого, И.В. Пеньковой. Ставрополь, 2020. С. 154–159.
- Защитина Е.К., Павлов П.В. Образование и бизнес в эпоху Индустрии 4.0 // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. 2019. Т. 1. С. 59–63.
- Ицкович Г. Модель тройной спирали // Инновационная Россия. 2011. № 4. С. 5–10.
- Кулагин В., Сухаревски А., Юрген М. Digital@Scale. Настольная книга по цифровизации бизнеса. М.: Интеллектуальная литература, 2020. 293 с.
- Ларионова В.А., Карасик А.А. Цифровая трансформация университетов: заметки о глобальной конференции по технологиям в образовании EDCrunch URAL // Университетское управление: практика и анализ. 2019. № 23. С. 130–135.
- Маковецкий И.И. Цифровая трансформация – необходимое условие эффективного развития университета // Банки и финансы в условиях цифровизации экономики: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. для студентов специалитета, бакалавриата и магистратуры. Могилев: Белорус.-Рос. ун-т, 2019. С. 4–5.
- Неделькин А.А. Российские университеты в условиях цифровой трансформации // Наука и практика. 2018. Т. 10. № 1. С. 73–77.
- Салми Дж. Создание университетов мирового класса. М.: Весь мир, 2009. 132 с.
- Халин В.Г., Чернова Г.В. Количественные методы оценки качества управления в российской высшей школе // Актуальные проблемы менеджмента: новые методы и технологии управления в регионах: материалы Международной научно-практической конференции. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 46–48.
- Clark B.R. Creating entrepreneurial universities: organizational pathways of transformation // Higher Education. 1999. Vol. 38. Pp. 373–374.
- Douglas J.A. The New Flagship University: Changing the Paradigm from Global Ranking to National Relevancy. London: Palgrave Macmillan, 2016.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 июня 2020 г.

Дата проверки: 10 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 20 августа 2020 г.

Для цитирования:

Павлов П.В., Защитина Е.К. Университет мирового уровня в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 681–699. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-681-699>

Сведения об авторах:

Павлов Павел Владимирович, доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор, директор Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-1220-0726>, eLIBRARY SPIN-код: 1976-5938, Scopus Author ID: 57193790318. E-mail: ppavlov@srfedu.ru

Защитина Елена Константиновна, кандидат экономических наук, ассистент кафедры экономики предприятия Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6109-5291>, eLIBRARY SPIN-код: 1898-7866, Scopus Author ID: 57200196242. E-mail: ekzashitina@srfedu.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-681-699

Research article

World-class university in the era of digitalization

Pavel V. Pavlov, Elena K. Zashchitina

Southern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

Abstract. The article examines the tendencies and prospects for the development of universities wishing to occupy leading positions in world and national rankings that appeared in connection with digitalization, which has the most noticeable impact in the field of education since 2020. In this regard, the most urgent is to consider the identification of the main factors by which universities are assessed by leading international and national ratings, evolutionary and meaningful models of creating a world-class university, vectors for the development of digital transformation in relation to higher education, as well as analysis of existing ones, internship at world-class universities in the field of digitalization. The presented results of the study allow to draw conclusions about the attitude of representatives of educational organizations (students and teachers) and the business community of a number of cities in Russia, Poland and Italy to the ongoing digital transformation of universities and the formation of new world-class universities.

Keywords: world-class university, digitalization, world economy, rankings, higher education

References

- Anohina, E.M., Bojko, I.P., Boldyreva, N.B., et al. (2018). *Global'naja konkurentosposobnost' vedushhih universitetov: Modeli i metody ee ocenki i prognozirovaniya* [Global competitiveness of leading universities: Models and methods for its assessment and forecasting]. Moscow, Prospekt Publ.
- Arhipov, A.Ju., & Shevchuk, E.V. (2013). *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak institut modernizacii sfery obrazovatel'nyh uslug: Mezhdunarodnyj i otechestvennyj opyt* [Public-private partnership as an institution for the modernization of educational services: International and domestic experience]. Moscow, Vuzovskaja kniga Publ.
- Boujen, U.G. (2018). *Vysshee obrazovanie v cifrovuju jepohu* [Higher education in the digital age]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshej shkoly jekonomiki Publ.

- Clark, B.R. (1999). Creating entrepreneurial universities: organizational pathways of transformation. *Higher Education*, 38, 373–374.
- Douglas, J.A. (2016). *The New Flagship University: Changing the Paradigm from Global Ranking to National Relevancy*. London: Palgrave Macmillan.
- Halin, V.G., & Chernova, G.V. (2020). Kolichestvennye metody ocenki kachestva upravleniya v rossijskoj vysshej shkole [Quantitative methods for assessing the quality of management in Russian higher education]. *Aktual'nye problemy menedzhmenta: Novye metody i tehnologii upravleniya v regionah* [Actual problems of management: New methods and technologies of management in the regions]: Materials of the international scientific and practical conference (pp. 46–48). Saint Petersburg, Skifiya-Print.
- Ickovic, G. (2011). Model' trojnoj spirali [Triple Helix Model]. *Innovacionnaja Rossija* [Innovative Russia], (4), 5–10.
- Kulagin, V., Suharevski, A., & Jurgen, M. (2020). *Digital@Scale. Nastol'naja kniga po cifrovizacii biznesa* [Digital@Scale. Set up a book after digitizing business]. Moscow, Intellektual'naja literature Publ.
- Larionova, V.A., & Karasik, A.A. (2019). Digital transformation of universities: Notes on the global conference EDCrunch URAL on technologies in education. *University Management: Practice and Analysis*, (23), 130–135.
- Makoveckij, I.I. (2019). Cifrovaja transformacija – neobhodimoe uslovie jeffektivnogo razvitija universiteta [Digital transformation is a prerequisite for effective university development]. *Banki i finansy v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki* [Banking and Finance in a digitalized economy]: Collection of articles of the International scientific and practical conference for students of specialty, bachelor's and master's degrees (pp. 4–5). Mogilev, Belarusian-Russian University Publ.
- Nedelkin, A.A. (2018). Rossijskie universitety v uslovijah cifrovoj transformacii [Russian universities in the context of digital transformation]. *Science and Practice*, 10(1), 73–77.
- Salmi, Dzh. (2009). *Sozdanie universitetov mirovogo klassa* [Building world-class universities]. Moscow, Ves' mir Publ.
- Vertakova, Ju.V. (2018). Rol' universitetov v processah cifrovoj transformacii jekonomiki [Higher education in the digital age]. *Economics and Management*, (7), 54–64.
- Vissema, J.G. (2016). *Universitet tret'ego pokolenija: Upravlenie universitetom v perehodnyj period* [Third Generation University: University Governance in Transition]. Moscow, Olimp-Biznes Publ.
- Zashchitina, E.K. (2020). Cifrovaja jekonomika i vysshee obrazovanie: Vlijanie i tendencii razvitija (na primere Rossii) [Digital Economy and Electronic Education: European Experience]. *Digital Economics and E-Education: European Experience: Collection of Scientific Papers of the First International Scientific and Practical Conference (Stavropol, March 10–14)*. (pp. 154–159). Stavropol.
- Zashchitina, E.K., & Pavlov, P.V. (2019). Obrazovanie i biznes v jepohu Industrii 4.0 [Education and business in the era of Industry 4.0]. *Planning and Teaching Engineering Staff for the Industrial and Economic Complex of the Region*, 1, 59–63.
- Zhuk, O.L. (2019). Vysshee obrazovanie v uslovijah cifrovoj transformacii: Ot Universiteta 3.0 k Universitetu 4.0 [Higher Education in a Digital Transformation: From University 3.0 to University 4.0]. *Vysshaya shkola: Opyt, problemy, perspektivy* [Higher school: Experience, problems, prospects]: Conference proceedings (pp. 12–17). Moscow, RUDN University Publ.

Article history:

Received: 15 June 2020

Revised: 10 July 2020

Accepted: 20 August 2020

For citation:

Pavlov, V.P., & Zashchitina, E.K. (2020). World-class university in the era of digitalization. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 681–699. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-681-699>

Bio notes:

Pavel V. Pavlov, Doctor of Science in Economics, Doctor of Science in Law, Professor, Director of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-1220-0726>, eLIBRARY SPIN-code: 1976-5938, Scopus Author ID: 57193790318. E-mail: ppavlov@sfedu.ru

Elena K. Zashchitina, PhD in Economics, Assistant of Business Economics Department of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6109-5291>, eLIBRARY SPIN-code: 1898-7866, Scopus Author ID: 57200196242. E-mail: ekzashitina@sfedu.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-700-712

УДК 336

Научная статья

Индустрия финтех: основные технологии и направления развития финансовой цифровизации

В.А. Романов¹, В.В. Хубулова^{2,3}

¹Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 357500, Пятигорск, ул. Дунаевского, 5

²Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Железноводске
Российская Федерация, 357430, Иноземцево, пр-кт Свободы, 14

³Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал)

Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске
Российская Федерация, 357500, Пятигорск, пр-кт 40 лет Октября, 56

Аннотация. Сегодня новые технологии перестраивают индустрию финансовых услуг, активно вытесняя традиционных игроков и традиционные бизнес-модели. Интеграция новых финансовых решений позволяет изменять структуру потребления, сокращать затраты на определенный функционал, повышать эффективность и качество бизнеса, а также существенно влиять на устойчивость развития профильного бизнеса и т. д. В результате индустрия финансовых технологий (или финтех) постепенно превращается в самостоятельный интенсивно развивающийся сектор современной экономики. В статье определена схема интеграции финансовых технологий, выделены группы инновационных технологий. Для обеспечения эффективного функционирования экосистемы финтеха необходимо полноценный доступ к человеческому капиталу. Обозначено, что для развития индустрии финтех требует внедрения ряда инструментов государственного регулирования. Выявлено, что экосистема финтех считается эффективной, когда обеспечивается доступ к ключевым типам капитала. Определены вижущие факторы рынка финтеха. В результате исследования установлено, что особенностью российской финтех-индустрии является концентрация технологических компетенций непосредственно в банковской системе, что объясняет, почему сегмент самостоятельных финтех-проектов пока слабо развит по сравнению с другими зарубежными рынками. Ключевая причина сложившейся ситуации – отсутствие интереса зарубежных и российских инвесторов к отечественным стартапам, в то время как у традиционных игроков есть мощная ресурсная база.

Ключевые слова: цифровизация, финансовые технологии, финтех, Интернет вещей

Введение

Цифровизация быстро меняет повседневную жизнь людей и способ функционирования и финансирования бизнеса по всему миру, вне зависимости от временных и географических факторов. С быстрым развитием техно-

логий Интернета вещей (IoT) и искусственного интеллекта (ИИ) возникают новые инновационные решения, такие как автономные транспортные средства.

Цифровые трансформации охватывают все ключевые сферы жизнедеятельности людей посредством внедрения и реализации технологических решений. В данном контексте цифровая трансформация – это переосмысление бизнес-процессов и бизнес-моделей, а также создание новых ценностей с использованием Интернета вещей, искусственного интеллекта и других цифровых технологий.

Современный процесс модификации финансового сектора определяет новые направления для реализации организациями решений в области построения своей деятельности на основе цифровых механизмов. Актуальным среди финансовых организаций становится переход на новую концепцию ведения своей деятельности, происходит интеграция в финансовых технологиях компании. Финансовые технологии (финтех, FinTech) являются клиентоориентированными, преодолевая разрыв между предложениями финансовых компаний и желаниями клиентов. Они нацелены на отраслевые ниши с лучшими продуктами и услугами, чтобы заполнить пробелы, оставленные сотрудниками на протяжении всего пути клиента. В настоящее время финтех-фирмы проникают почти во все сегменты финансовых услуг, стимулируя как инновации, так и разрушение. Основные направления деятельности FinTech включают в себя цифровые платежи (PayTech), полностью цифровое страхование (InsurTech), банковское дело (BankTech), услуги по управлению активами (WealthTech) и создание рынков для продажи финансовых продуктов.

Обзор литературы

В работе над статьей использовались материалы Росстата, Минэкономразвития РФ, средств массовой информации, а также публикации зарубежных и отечественных исследователей.

Финансовый сектор часто понимается как финансовая система, состоящая из финансовых институтов (посредников), которые обеспечивают перераспределение и эффективное использование свободных финансовых ресурсов в экономике на основе использования широкого спектра финансовых инструментов и рынков. Заслуживают внимания работы отечественных ученых в этой сфере, в частности О. Вовчака (Вовчак, 2008). Однако нужно учитывать, что институциональная структура финансового сектора экономики России продолжает формироваться, а сам сектор представляет собой разрозненную систему институциональных единиц, где взаимодействие депозитных и недепозитных финансовых институтов носит аффилированный и хаотичный характер.

Методы и подходы

В проведении исследования были использованы статистический, сравнительно-типологический, системно-логический, аналитический методы и метод экспертной оценки. Совокупность использованных статистических данных обеспечивает достоверность результатов исследования и аргументированную обоснованность теоретических выводов и практических рекомендаций.

Результаты

Цифровая трансформация вызывает значительные изменения в структуре отраслей. От типичной вертикально-интегрированной структуры с крупными корпорациями на вершине отрасли переходят к децентрализованной экосистемной структуре с клиентами в центре. Цифровые технологии обладают способностью преодолевать традиционные границы между различными компаниями и отраслями. Создавать экосистемы, которые объединяют компании, партнеров и клиентов, а также совместно создавать ценность, необходимую пользователям. Такие экосистемы получили название цифровых арен. В зависимости от вовлеченных участников цифровые арены могут генерировать широкий спектр ценности совместного творчества.

Сегодня новые технологии (цифровые, телекоммуникационные, биометрические и т. д.) перестраивают индустрию финансовых услуг, активно вытесняя традиционных игроков и традиционные бизнес-модели. Интеграция новых финансовых решений позволяет изменять структуру потребления, сокращать затраты на определенный функционал (обработка клиентских баз, программы лояльности и др.), повышать эффективность и качество бизнес-процессов (таргетирование целевой аудитории, скоринг и др.), а также существенно влиять на устойчивость развития профильного бизнеса и т. д. В результате индустрия финансовых технологий постепенно превращается в самостоятельный интенсивно развивающийся сектор современной экономики.

Рост популярности финансовых цифровых технологий начался в 2008 году, когда мировой финансовый кризис вынудил финансовые компании сокращать расходы. Это совпало с бурным развитием рынка мобильных технологий, который продолжается и сегодня. Портативные гаджеты (смартфоны, планшеты, смарт-часы и т. д.) дали возможность человеку находиться в киберпространстве круглосуточно, куда постепенно перемещаются торговля, образование, общение, развлечения, рабочие процессы и прочее. Соответственно, новые условия жизни требуют новых способов обращения с финансами.

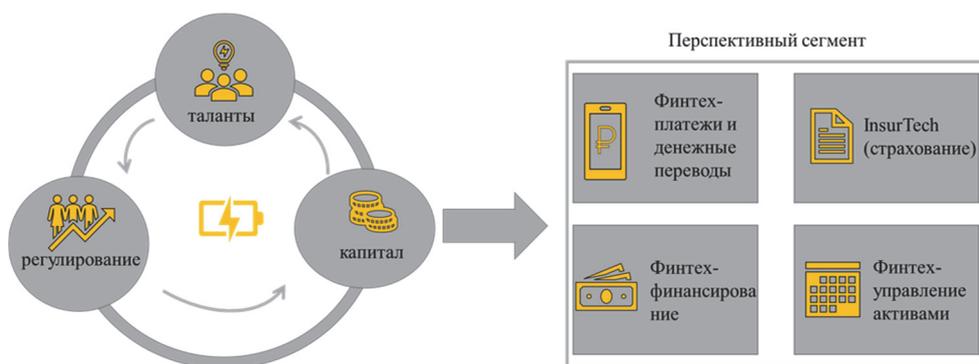

Рис. 1. Схема интеграции финансовых технологий
[Figure 1. Financial technology integration scheme]

Источник: составлено автором по материалам исследования.

Развитие рынка финансовой цифровизации на основе финтеха и скорость, с которой создаются инновационные продукты или услуги, зависят от

развития и эффективного функционирования экосистемы, которая представляет собой совокупность взаимосвязанных факторов, таких как спрос, технологии, доступ к капиталу, таланты и регулирование (рис. 1).

Факторы, определяющие спрос и то, какие технологии следует применять, являются ключевыми для развития индустрии финтех. Изменение потребительских предпочтений стимулирует технологический прогресс, причем технологический прогресс является движущей силой изменений потребительских предпочтений. Однако развитие отрасли зависит в том числе от доступа компаний к капиталу и талантам, а также от эффективности регулирования.

Спрос на инновационные финансовые технологии и продукты в индустрии финтех определяется следующими категориями клиентов:

- потребительский сегмент (B2C) – состоит из конечных потребителей финтех-услуг и продуктов и является крупнейшим как по спросу, так и по проникновению финансовых технологий. Миллениалы, небанковское население и цифровые иммигранты – это группы, которые имеют высокий потенциальный спрос в этом сегменте;

- корпоративный сектор – включает в себя корпорации из различных секторов, а также малые и средние предприятия, которые создают растущий спрос на решения для финтех-бизнеса;

- финансовый сектор – банки, кредитные союзы и другие традиционные финансовые институты, которые заинтересованы в улучшении своих услуг или повышении своей операционной эффективности;

- государственный сектор – правительство, национальные банки, национальные валютные биржи или другие государственные органы, заинтересованные в развитии рынка финтеха.

Изменения потребительских предпочтений влияют на внедрение инновационных технологий, которые будут способствовать трансформации финансовых услуг в будущем. На данный момент можно выделить следующие группы инновационных технологий:

- когнитивные технологии, позволяющие выполнять работу без участия человека и с акцентом на автоматизацию процессов, которые невозможно описать с помощью точных инструкций. Эти технологии включают в себя искусственный интеллект, анализ больших данных, Интернет вещей, а также виртуальную и дополненную реальность;

- распределенные вычисления включают распределенную обработку и хранение данных и направлены на решение задач экспоненциального роста объема данных в цифровом мире. В эту группу входят технологии облачных вычислений и распределенной бухгалтерской книги;

- технологии кибербезопасности – стали особенно актуальны в эпоху цифровой экономики. Они повышают безопасность благодаря дистанционной/биометрической идентификации и токенизации.

Учитывая активное развитие программных интерфейсов (API), их также можно включить в перечень технических компонентов экосистемы финтеха. Программные интерфейсы используются для получения доступа к банковской информации и инфраструктуре.

Доступ к человеческому капиталу необходим для обеспечения эффективного функционирования экосистемы финтех. Основными факторами развития человеческого капитала являются:

- наличие талантов, которое оценивается по общему количеству специалистов, занятых на рынке финтеха, а также по количеству потенциальных сотрудников, обладающих ключевыми компетенциями в таких областях, как технологии, финансы и предпринимательство;

- конвейер талантов, который подразумевает предоставление специалистам ключевых компетенций, позволяющих им работать в финтех-индустрии, и связан с созданием привлекательной системы образования и с принятием благоприятной иммиграционной политики.

Эксперты считают, что при регулировании финтех-индустрии государственные органы должны придерживаться взвешенного подхода. С одной стороны, задача государства – создать благоприятную среду для развития инноваций, но, с другой стороны, оно должно нести ответственность за контроль и снижение рисков, связанных с функционированием рынка финтеха. Развитие индустрии финтеха требует внедрения следующих трех основных инструментов государственного регулирования:

- нормативного режима поддержки участников рынка и новых бизнес-моделей;

- государственных программ и инициатив, направленных на снижение барьеров, существующих в отрасли, стимулирование конкуренции и поддержку финтех-бизнеса на местном рынке;

- налоговой политики, предусматривающей меры налоговой поддержки инвесторов и корпораций.

Доступ к финансированию на всех этапах имеет решающее значение для успешного развития и роста финтех-компаний. Кроме того, инвестиции увеличивают ликвидность, что привлекает все большее количество инвесторов.

Экосистема финтеха считается эффективной, когда обеспечивается доступ к следующим трем ключевым типам капитала:

- начальному капиталу – инвестиции осуществляются на самой ранней стадии проекта. Как правило, этот вид финансирования предоставляется молодым стартапам инкубаторами и акселерационными программами;

- капиталу роста, в который инвестиции в осуществляются, начиная с ранней стадии развития и до момента, когда финтех-компания становится зрелой. Этот вид финансирования обеспечивается венчурными фондами или корпоративными венчурными подразделениями;

- листинговому финансированию, привлекающемуся через IPO зрелых финтех-компаний.

По мнению научного сообщества, основными драйверами развития финтех-рынка являются рост проникновения Интернета, определяющий круг потенциальных пользователей финансовых услуг, технологический прогресс, а также изменения потребительских предпочтений, способствующие технологической трансформации финансовых продуктов. В то же время указанные факторы влекут за собой более сложные изменения, которые служат основой для финансовых инноваций.

Растущий спрос на инновационные финансовые продукты и услуги, в частности, со стороны населения, не охваченного банковскими услугами или неудовлетворенного качеством услуг, предоставляемых традиционными финансовыми институтами, а также со стороны малых и средних предприятий (МСП), является одним из наиболее значимых факторов развития финтех-рынка (рис. 2).

Рис. 2. Основные факторы развития финансовых услуг
[Figure 2. The main factors of development of the financial services]

Источник: составлено автором по материалам исследования.

Население стран с ограниченным доступом к банковским услугам создает высокий потенциальный спрос на электронные финансовые услуги, прежде всего платежи, денежные переводы и кредитование, за счет:

- отсутствия развитой банковской инфраструктуры, для создания которой потребовалось бы значительное количество времени и инвестиций;
- низкого уровня приверженности к традиционным банковским услугам со стороны потребителей и, соответственно, их готовности использовать инновационные финтех-решения.

Учитывая прогнозируемое высокое проникновение интернета и дешевых смартфонов, а также многочисленное население развивающихся стран, мобильные технологии могли бы обеспечить пользователям доступ к простым и удобным финансовым услугам.

Потребители традиционных банковских услуг, которые недовольны их скоростью, качеством или стоимостью, являются еще одной категорией, стимулирующей спрос на инновационные финансовые решения. Они не только создают спрос на услуги, предоставляемые финтех-компаниями, но и стимулируют банки вкладывать средства в собственные разработки решений, которые бы удовлетворяли потребности клиентов, либо создавать партнерские отношения с поставщиками финтех-услуг.

Представители малого и среднего предпринимательства должны использовать простые финансовые решения и экономить на обслуживании. Кроме того, эта категория клиентов не имеет доступа к банковским услугам и долговому капиталу во многих развивающихся странах из-за своей низкой привлекательности для традиционных финансовых институтов.

Следует отметить, что благодаря развитой банковской инфраструктуре и высокому уровню приверженности населения традиционным банкам, наибольший спрос на финтех-услуги ожидается со стороны миллениалов, уделяющих особое внимание технологической составляющей услуг, а также со стороны МСБ, не охваченных банковскими услугами.

Растущая популярность социальных сетей и мессенджеров (Facebook, Instagram, WhatsApp, WeChat и др.) активно способствует появлению и развитию новых финансовых технологий и сервисов:

- финтех-компании используют эти каналы коммуникации, охватывающие большую и быстро растущую аудиторию, чтобы предлагать услуги, основанные на обмене информацией между пользователями: например, краудфандинг, P2P-платежи и финансирование. Кроме того, социальные сети стали все активнее заниматься разработкой собственных финтех-продуктов;

- социальные сети и мессенджеры являются эффективным каналом продвижения финтех-услуг;

- социальные сети накапливают значительный объем информации о своих пользователях, которая анализируется финтех-компаниями для понимания потребительских предпочтений и оценки кредитоспособности существующих и потенциальных клиентов.

На фоне растущего проникновения интернета и развития технологий сбора, передачи, анализа и хранения данных увеличивается количество устройств, подключенных к сети и позволяющих пользователям автоматизировать многие операции, в том числе финансовые.

Такие устройства обеспечивают накопление данных об индивидуальных и корпоративных пользователях (их предпочтениях, состоянии здоровья, финансовом положении или контрагентах), которые анализируются с целью совершенствования алгоритмов принятия решений на основе больших объемов достоверной информации. Это приведет к растущей коммерциализации финансовых услуг, где операции могут осуществляться без участия человека.

Кроме того, Интернет вещей окажет существенное влияние на развитие следующих сегментов финтех-рынка:

- платежи и переводы – планирование, учет и автоматическая оплата товаров и услуг (например, автоматическая оплата жилищно-коммунальных услуг на основе приборов учета квартиры);

- InsurTech – расчет индивидуальных планов страхования на основе данных клиентов (например, использование телематики в сегменте автострахования);

- управление благосостоянием – планирование и мониторинг затрат и сбережений (например, использование приложений, позволяющих анализировать будущие расходы и рассчитывать сумму, доступную для совершения покупок).

По мнению экспертов, быстрорастущий рынок электронной коммерции имеет большое значение для финтех-индустрии. В частности, предполагается стимулировать рост объема предоставляемых услуг в сфере платежей и денежных переводов, а также финансирования.

По данным eMarketer, в 2016 году объем мировой электронной торговли составил 1,9 трлн долл. США или 8,9 % от объема розничной торговли. Согласно прогнозам, объем электронной коммерции в сегменте B2C к 2025 году вырастет до 7,9 трлн долл. США, что будет обусловлено следующими факторами:

- увеличением количества устройств, подключенных к Интернету, в частности смартфонов, которые все чаще используются для поиска товаров или услуг и совершения онлайн-покупок;
- широким распространением социальных сетей, которые представляют собой эффективный канал продвижения сайтов электронной коммерции;
- смещением потребительских предпочтений в сторону онлайн-покупок как более удобного, быстрого и легкого способа приобретения товаров, в том числе в зарубежных интернет-магазинах.

Рост объемов глобальной электронной торговли приводит к увеличению количества сделок, в частности трансграничных, и, как следствие, к повышению спроса на финансовые решения, позволяющие сократить время и затраты, необходимые для осуществления таких сделок. Таким образом, увеличение оборота онлайн-торговли стимулирует развитие платежных сервисов (включая цифровые кошельки, внутренние платежи на основе приложений и мгновенные платежи), а также услуг по кредитованию клиентов. Следует отметить, что крупнейшие игроки рынка электронной коммерции активно развивают собственные финансовые услуги, опираясь на свои крупные клиентские базы, в том числе за счет приобретения финтех-компаний.

Большинство экспертов отметили, что растущий объем инвестиций является одним из ключевых драйверов развития мирового рынка финтеха.

Смещение акцента с венчурных и начальных инвестиций на корпоративные инвестиции, направляемые традиционными финансовыми институтами в стартапы, которые могут предоставить технологические решения для интеграции в бизнес-процессы банков и страховых компаний, является важной тенденцией финансирования в отрасли финтеха.

Государственная политика является одним из факторов, играющих важную роль в развитии финтех-инноваций во всем мире. Создание условий, благоприятствующих инновациям, контроль рисков и эффективное функционирование финансовой системы страны являются ключевыми задачами регулирования.

В то же время, хотя подход к устранению рисков, связанных с финансовыми инновациями, в эпоху цифровизации может ограничить развитие рынка FinTech, политика, принятая регулирующими органами для усиления конкуренции и повышения эффективности финансового сектора, может стимулировать инновации. Рынок FinTech эффективно регулируется, например, в Великобритании, Евроне и Сингапуре. Регулирующие органы этих стран особенно активны в продвижении инновационных финансовых технологий. Они сотрудничают с бизнес-сообществом и готовы инвестировать в разви-

тие финтех-центров. Например, в этих странах были реализованы проекты по созданию консультативных платформ для обеспечения связи между регулирующими органами и финтех-компаниями (Project Innovate в Великобритании, а также Группа по финансовым технологиям и инновациям в Сингапуре) и поддерживались инициативы по открытому банковскому делу (PSD2 в ЕС, а также Открытая банковская рабочая группа в Великобритании), развитию платежной инфраструктуры и созданию благоприятного налогового режима для финтех-стартапов.

Заключение

Сегодня новые технологии (цифровые, телекоммуникационные, биометрические и т. д.) перестраивают индустрию финансовых услуг, активно вытесняя традиционных игроков и традиционные бизнес-модели. Интеграция новых финансовых решений позволяет изменять структуру потребления, сокращать затраты на определенный функционал (обработка клиентских баз, программы лояльности и др.), повышать эффективность и качество бизнес-процессов (таргетирование целевой аудитории, скоринг и др.), а также существенно влиять на устойчивость развития профильного бизнеса и т. д. В результате индустрия финансовых технологий постепенно превращается в самостоятельный интенсивно развивающийся сектор современной экономики.

Определено, что рынок финансовых технологий относится к числу наиболее быстро растущих рынков. Они опережают другие отрасли по темпам развития как с точки зрения финансовых показателей (например, инвестиции, слияния и поглощения и т. д.), так количества конечных потребителей. Международные эксперты отмечают, что за последние пять лет число пользователей финтеха ежегодно увеличивается на 15–20 %. Продукты финтеха предлагаются в различных потребительских сегментах. Большинство пользователей FinTech не могут обойтись без ежедневного использования этих технологий. Например, каждый третий житель городов-миллионников ежедневно пользуется более чем двумя финтех-услугами.

Выявлено, что рынок финтеха имеет три основных движущих фактора:

- рост спроса на онлайн- или мобильные финансовые услуги для домашних хозяйств и предприятий;
- проактивное регулирование со стороны правительства, способствующее созданию интегрированной национальной финтех-среды и инфраструктуры;
- гибкость рынка – финтехи реагируют с высокой гибкостью на рост спроса, регулярно выпуская новые продукты/услуги.

Финтех-организации, как показывает мировая практика, оперативнее традиционных финансовых организаций реагируют на изменения рынка, быстрее добавляют абсолютно новые продукты и услуги. Целевой аудиторией таких стартапов являются новые поколения потребителей, выросшие на цифровых технологиях.

В страновом разрезе наиболее зрелыми рынками считаются США и Великобритания. Однако другие регионы, в частности азиатский (например, Сингапур и Южная Корея), нацелены на создание собственных развитых финтех-индустрий. Что касается ситуации в российской финтех-индустрии,

то она находится на стадии своего формирования. Ключевыми предпосылками возникновения технологичной отрасли в нашей стране являются высокий уровень проникновения интернета и его доступность широким категориям населения, низкая маржинальность банковских продуктов и услуг, стремление к созданию экосистем традиционными участниками финансового сектора и потеря ими монополии на оказание финансовых услуг (выход на финансовые рынки ИТ-игроков).

Список литературы

- Быстряков А.Я., Григорьева Е.М., Савенкова Е.В.* Финансовые факторы стимулирования потребительской активности для достижения целей национальной экономической безопасности страны // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 338–352. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-338-352>
- Быстряков А.Я., Неновский Н., Пономаренко Е.В.* Денежные инновации и цифровая экономика: реакция государства, общества и университетов // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 4. С. 742–759. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-742-759>
- Вовчак О.Д.* Финансовая стратегия развития банка как предпосылка эффективности его деятельности // *Банківська справа*. 2008. № 3. С. 23–36.
- Вовченко Н.Г., Галазова С.С.* Экосистема финтеха как инструмент обеспечения устойчивой траектории экономического роста // *Технологические инициативы в достижении целей устойчивого развития: материалы Международной научно-практической конференции*. Р. н/Д., 2019. С. 214–220.
- Лизан А.В., Олейник Г.С.* Государственное регулирование доступности финансовых услуг в условиях цифровизации финансового рынка // *Трансграничные рынки товаров и услуг: проблемы исследования: сборник материалов III Международной научно-практической конференции*. Владивосток, 2019. С. 162–164.
- Путин назвал создание цифровой экономики вопросом национальной безопасности. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/07/05/710690-putin-tsifrovoi-ekonomiki> (дата обращения: 15.07.2020).
- Развитие цифровой экономики в России: программа до 2035 года. URL: http://spkurdyumov.ru/digital_economy/razvitie-cifrovoj-ekonomiki-v-rossii-programma-do-2035-goda/ (дата обращения: 15.07.2020).
- Хубулова В.В., Ласковский А.А., Хачатрян М.А.* Финансовые технологии: глобальные вызовы // *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 12. С. 175–183.
- Gnezdova J.V., Rudakova E.N., Zvyagintseva O.P.* Systemic contradictions of modern economic systems that hinder formation and development of Industry 4.0 in the conditions of knowledge economy's formation and methods of overcoming them // *Industry 4.0: Industrial revolution of the 21st century*. Series: Studies in systems, decision and control. Cham, 2019. Pp. 211–218.
- Khbulova V.V., Taimaskhanov Kh.E., Salgiriev R.R., Shakhgiraev I.U.* Industry 4.0 and building digital space in the context of territorial development // *The European proceedings of social & behavioural sciences*. 2019. Pp. 1644–1651. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.223.
- Kokodei T.A., Lomachenko T.I., Gnezdova Yu.V.* Modeling the global business environment based on polycyclic theory // *Smart technologies and innovations in design for control of technological processes and objects: Economy and production proceeding of the international science and technology conference FarEastCon-2018*. 2019. Vol. 139. Pp. 487–499.
- Kurbanov A., Gurieva L.K., Novoselov S.N., Gorkusha O.A., Novoselova N.N., Kovalenko A.A.* Features sub-regional localities in the structural-level organization of the economic

system // *International Review of Management and Marketing*. 2016. Vol. 6. No. S1. Pp. 287–292.

Slepakov S.S., Novoselova N.N., Khubulova V.V. Revival and renewal of political economy // *Lecture notes in networks and systems*. 2019. Vol. 57. Pp. 443–450. DOI: 10.1007/978-3-030-00102-5_47.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 августа 2020 г.

Дата проверки: 20 сентября 2020 г.

Дата принятия к печати: 17 октября 2020 г.

Для цитирования:

Романов В.А., Хубулова В.В. Индустрия финтех: основные технологии и направления развития финансовой цифровизации // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 700–712. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-700-712>

Сведения об авторах:

Романов Вадим Александрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и права Северо-Кавказского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: rv-ilc@mail.ru

Хубулова Вероника Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, декан гуманитарного факультета филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Железноводске; доцент кафедры экономики, менеджмента и государственного управления Института сервиса, туризма и дизайна (филиала) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске. E-mail: wave71@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-700-712

Research article

The fintech industry: key technologies and directions of development of the financial digitization

Vadim A. Romanov¹, Veronika V. Khubulova^{2,3}

¹North-Caucasian Institute – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
5 Dunaevskogo St, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation

²Branch of Stavropol State Pedagogical Institute in Zheleznovodsk
14 Svobody Ave, Inozemtsevo, 357430, Russian Federation

³Institute of Service, Tourism and Design (branch) of the North Caucasus Federal University in Pyatigorsk
56 40 Let Oktyabrya Ave, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation

Abstract. Today, new technologies are reshaping the financial services industry, actively displacing traditional players and traditional business models. Integration of new financial solutions allows to change the structure of consumption, reduce the cost of certain functions, im-

prove the efficiency and quality of business, as well as significantly affect the sustainability of the profile business, etc. As a result, the financial technology industry (or fintech) is gradually becoming an independent, rapidly developing sector of the modern economy. The article defines the scheme of integration of financial technologies, identifies groups of innovative technologies. To ensure the effective functioning of the fintech ecosystem, full access to human capital is necessary. It is indicated that the development of the fintech industry requires the introduction of a number of instruments of state regulation. It is revealed that the fintech ecosystem is considered effective when access to key types of capital is provided. The driving factors of the fintech market are identified. The study revealed that the Russian fintech industry is characterized by the concentration of technological competencies directly in the banking system, which explains why the segment of independent fintech projects is still poorly developed compared to other foreign markets. The key reason for this situation is the lack of interest of foreign and Russian investors in domestic startups, and traditional players have a strong resource base.

Keywords: digitalization, financial technologies, fintech, Internet of things

References

- Bystriakov, A.Y., Grigorieva, E.M., & Savenkova, E.V. (2019). Financial factors of stimulating consumer activity to achieve the goals of the country's national economic security. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 338–352. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-338-352>
- Bystryakov, A.Y., Nenovsky, N., & Ponomarenko, E.V. (2018). Cash innovations and digital economics: reaction of the state, society and universities. *RUDN Journal of Economics*, 26(4), 742–759. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-742-759>
- Gnezdova, J.V., Rudakova, E.N., & Zvyagintseva, O.P. (2019). Systemic contradictions of modern economic systems that hinder formation and development of Industry 4.0 in the conditions of knowledge economy's formation and methods of overcoming them. *Industry 4.0: Industrial revolution of the 21st century. Series: Studies in systems, decision and control* (pp. 211–218). Cham.
- Khbulova, V.V., Laskovyj, A.A., & Khachatryan, M.A. (2019). Finansovy'e texnologii: Global'ny'e vy'zovy' [Financial technologies: Global challenges]. *Social'no-gumanitarny'e znaniya [Social and humanitarian knowledge]*, (12), 175–183. (In Russ.)
- Khbulova, V.V., Taimaskhanov, Kh.E., Salgiriev, R.R., & Shakhgiraev, I.U. (2019). Industry 4.0 and building digital space in the context of territorial development. *The European proceedings of social & behavioural sciences* (pp. 1644–1651). DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.223.
- Kokodei, T.A., Lomachenko, T.I., & Gnezdova, Yu.V. (2019). Modeling the global business environment based on polycyclic theory. *Smart technologies and innovations in design for control of technological processes and objects: Economy and production proceeding of the International science and technology conference FarEastCon-2018*, 139, 487–499.
- Kurbanov, A., Gurieva, L.K., Novoselov, S.N., Gorkusha, O.A., Novoselova, N.N., & Kovalenko, A.A. (2016). Features sub-regional localities in the structural-level organization of the economic system. *International Review of Management and Marketing*, 6(S1), 287–292.
- Lizan, A.V., & Olejnik G.S. (2019). Gosudarstvennoe regulirovanie dostupnosti finansovy'x uslug v usloviyax cifrovizacii finansovogo ry'nka [State regulation of the availability of financial services in the conditions of digitalization of the financial market]. *Transgranichny'e ry'nki tovarov i uslug: Problemy' issledovaniya [Cross-border markets of goods and services: Research problems]*: Collection of materials of the III International scientific and practical conference (pp. 162–164). Vladivostok. (In Russ.)
- Putin nazval sozdanie tsifrovoi ekonomiki voprosom natsional'noi bezopasnosti [Putin called the creation of a digital economy a matter of national security]. (n.d.). (In Russ.) Re-

trieved July 15, 2020, from <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/07/05/710690-putin-tsifrovoy-ekonomiki>

Razvitie cifrovoj ekonomiki v Rossii: Programma do 2035 goda [Development of the digital economy in Russia: Program until 2035]. (n.d.). (In Russ.) Retrieved July 15, 2020, from http://spkurdyumov.ru/digital_economy/razvitie-cifrovoj-ekonomiki-v-rossii-programma-do-2035-goda/

Slepakov, S.S., Novoselova, N.N., & Khubulova, V.V. (2019). Revival and renewal of political economy. *Lecture notes in networks and systems*, 57, 443–450. DOI: 10.1007/978-3-030-00102-5_47.

Vovchak, O.D. (2008). Finansovaja strategija razvitija banka kak predposylka jeffektivnosti ego dejatel'nosti [The financial development strategy of the bank as its effective activity]. *Banking bulletin*, (3), 23–36.

Vovchenko, N.G., & Galazova, S.S. (2019). Ekosistema fintexa kak instrument obespecheniya ustojchivoj traektorii e'konomicheskogo rosta [fintech ecosystem as a tool for ensuring a stable trajectory of economic growth]. *Texnologicheskie iniciativy v dostizhenii celej ustojchivogo razvitiya* [Technological initiatives in achieving sustainable development goals]: *Proceedings of the International scientific and practical conference* (pp. 214–220). Rostov-on-Don. (In Russ.)

Article history:

Received: 2 August 2020

Revised: 20 September 2020

Accepted: 17 October 2020

For citation:

Romanov, V.A., & Khubulova, V.V. (2020). The fintech industry: Key technologies and directions of development of the financial digitization. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 700–712. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-700-712>

Bio notes:

Vadim A. Romanov, PhD of Economic, Associate Professor of the Department of State, Municipal Administration and Law of the North-Caucasian Institute – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail: rv-ilc@mail.ru

Veronika V. Khubulova, PhD of Economic, Dean of the Faculty of Humanities of the branch of Stavropol State Pedagogical Institute in Zheleznovodsk; Associate Professor of the Department of Economics, Management and Public Administration of the Institute of Service, Tourism and Design (branch) of the North Caucasus Federal University in Pyatigorsk. E-mail: wave71@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-713-727

УДК 338

Научная статья

Наукоемкая экономика: аналитический обзор литературы

А.С. Жупарова¹, Г.Б. Исатаева², А.А. Нусюпаева¹

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Республика Казахстан, 050040, Алма-Ата, пр-кт аль-Фараби, 71
²Южно-Казахстанский государственный педагогический университет
Республика Казахстан, 160012, Шымкент, ул. А. Байтурсынова, 13

Аннотация. Создание и развитие высоких технологий в настоящее время становятся независимой областью научных знаний и технологической базы для трансформации экономики. Однако на практике существует проблема недополучения финансовых ресурсов и определения статуса. Центральная идея статьи – проанализировать существующую литературу, посвященную исследованиям в области наукоемкой экономики. В частности, рассматривается литература, связанная с измерениями наукоемкой экономики, с указанием наиболее влиятельных ученых, журналов и соответствующих публикаций, приводятся некоторые ответы на вопросы ведущих журналов с документами, относящимися к исследованиям в области наукоемкой экономики, ряду статей с наибольшим числом цитирований или перечнем стран с большинством исследований в области наукоемкой экономики. Данное исследование имеет как академическую, так и политическую ценность. С научной точки зрения оно выявляет ученых, которые внесли наибольший вклад в исследования в области наукоемкой экономики. Для разработчиков политики этот документ представляет собой отчет о существующей практике и положительном опыте.

Ключевые слова: основанная на знаниях экономика, аспекты основанной на знаниях экономики, коммерциализация, управление инновациями, обзор литературы

Введение

Расширение глобализации и технологические революции превращают современную экономику в так называемую экономику знаний (knowledge economy). В такой экономике новая форма организации и управления бизнесом требует быстрого развития компетентных навыков, знаний и гибкости. Таким образом, современное общество становится научным обществом, адаптирующимся к новому, и в этом контексте образовательные системы должны быть направлены на формирование людей, способных внести свой вклад в развитие собственных компетенций, полностью интегрироваться в социально-культурный контекст общества, в котором они живут.

© Жупарова А.С., Исатаева Г.Б., Нусюпаева А.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

В середине XX века в литературе впервые появились знания касательно перехода промышленного общества к постиндустриальному. На этом фоне появились первые признаки нового общества – общества, основанного на знаниях. Глобализация способствовала более легкому распространению информации и знаний. Это было достигнуто во многом благодаря современным технологиям. В течение последних десятилетий использовались четыре взаимозаменяемые концепции (рис. 1).

Рис. 1. Взаимозаменяемые концепции экономики, основанной на знаниях
[Figure 1. Interchangeable concepts of the knowledge economy]

Причина, по которой используются именно эти термины, а не другие, состоит в том, что наиболее важным аспектом концепции являются знания, выступающие «движущим фактором экономического развития». В рамках «традиционной экономики» экономика, основанная на знаниях, постоянно развивается, что является прямым следствием повышения важности знаний как в экономических процессах, так и во всех секторах экономики (Davenport, Prusak, 2000; Faria et al., 2020; Mehmood, Rehman, 2015; Nonaka, Takeuchi, 1995; Viedma, Cabrita, 2012).

Обзор литературы

Знания – один из важнейших стратегических ресурсов, который обеспечивает конкурентоспособность отдельным лицам, компаниям и государствам и предоставляет конкурентное преимущество на рынке (Bolisani, Bratianu, 2017; Bratianu, 2013). Кроме того, знания – это неосызаемый актив; использование и обмен которыми порождают новые знания. Важным аспектом, который сегодня приходится учитывать компаниям, является использование различных стратегий генерации знаний. Согласно Братиану и Болисани (2015), существуют четыре основные стратегии для создания знаний, основанных на известной неизвестной матрице: стратегии эксплуатации, стратегии приобретения, стратегии совместного использования и стратегии поиска (создания знаний). Теперь эти стратегии могут быть приняты компаниями, основанными на той отрасли, к которой они принадлежат, на основе цикла компании и

фактически на потребностях компаний. Но эти стратегии не могут быть приняты в общих чертах на национальном уровне, если конкретное государство или страна хочет улучшить, например, свою экономику.

Исследованиям в области становления экономики, основанной на знаниях, уделяется очень большое внимание как со стороны ученых, так и со стороны практиков. Так, в стратегии *Europe 2020*, которая была разработана для создания экономики знаний по всей Европе (Fucses, 2015), подчеркивается важность перехода к экономике, основанной на знаниях; а ОЭСР (1996) рассматривает экономику знаний как инструмент объединяющий науку и производительность, необходимые для обеспечения конкурентоспособности.

В современных условиях мы наблюдаем переход от традиционных факторов производства, таких как земля, труд и капитал, к новому видению, основанному на инновационном производстве и интеллектуальном капитале (Bratianu, 2011; European Commission, 2014). Для обеспечения успеха технологического сдвига необходимо создание новой институциональной системы, сосредоточенной на НИОКР, призванных увязывать многофункциональные и дисциплинарные учреждения с кластерами и стратегическими альянсами. Поэтому появление новых типов институтов неизбежно и необходимо. К ним относятся:

- компании по созданию знаний (Nonaka, Takeuchi, 1995);
- компании – экспортеры знаний (исследовательские институты, консалтинговые фирмы и т. д.), которые также используют знания внутри страны (крупные компании, которые имеют собственные исследовательские подразделения или даже некоторые когнитивно-интенсивные МСП, такие как производители программного обеспечения, лаборатории или инкубаторы);
- компании – импортеры знаний (высокотехнологичные компании, которые ассимилируют знания и передовые технологии, больницы и т. д.);
- автаркические организации (как и традиционные предприятия создают знания, которые решают стандартизированные производственные проблемы и влияют на жизненный цикл продукта, только для собственного использования);
- рутинные организации (осуществляют деятельность, не требующую создания известных знаний, зачастую МСП, расположенные в сельской местности).

Следует определить сущность наукоемкой экономики. Основными особенностями экономики знаний являются открытые инновации, образование, управление знаниями и творчество, основанные на ИКТ, а также наличие высококвалифицированных и хорошо образованных работников. Значительные секторы, такие как ИТ, здравоохранение и программное обеспечение, во многом определяются знаниями как основной компетенцией и конкурентным преимуществом (Bolisani, Bratianu, 2017; Fonseca, Domingues, 2017). Организации должны развивать новый тип лидерства и организационную культуру, стать интеллектуальными и обучающимися (Ghinea, Bratianu, 2012). Особая роль отводится университетам в создании новых знаний и разработке новых способов мышления в соответствии с неосязаемой природой знаний (Bejinaru, 2017; Bratianu, Vasilache, 2010; Nonaka, Takeuchi, 1995).

Исследовательский подход и методология

Для решения вышеуказанного исследовательского вопроса был проведен обзор литературы с тремя уровнями анализа. Прежде всего, рассматривались базы данных: Google Scholar, SCOPUS и Thomson ISI Web of Knowledge. Google Scholar удобен тем, что он доступен всем, кто имеет доступ к Интернету (Harzing, Wal, 2008). Дж. Ли с соавторами (Li et al., 2010) среди основных недостатков Google Scholar отмечает следующие: отсутствие инструментов анализа цитирования, которые являются широкодоступными в других базах данных; информации об авторах, в связи с чем поисковые данные не сохраняют поисковые запросы; экспорта цитирования. Такие базы данных, как Web of Science, Scopus и Google Scholar неоднократно сравнивались и другими экспертами. Р. Jасso (2005) по разным признакам обнаружил, что Google Scholar демонстрирует недостаточную компетентность и понимание основных вопросов индексации цитирования. Scopus, созданный в 2004 году, утверждает, что имеет самую большую базу данных с широким спектром записей. Однако есть и другая известная база – Web of Science (WOS), продукт Института научной информации Thomson Reuters (ISI), возникший из Индекса цитирования науки, созданного Евгением Гарфилдом в 1960-х годах. WOS включает более 10 000 журналов и 7 различных баз данных цитат, в том числе различную информацию, собранную из журналов, конференций, отчетов и книг. Базы данных цитирования WOS – это индекс цитирования социальных наук (SSCI), индекс цитирования науки (расширенный SCI), индекс цитирования в области искусств и гуманитарных наук (A & HCI), индекс цитирования в области социальных и гуманитарных наук (CPCI-SSH), а также материалы конференций. Поскольку WOS является самой старой базой данных цитирований (с 1900 года), она имеет наибольшее количество данных о цитировании и библиографические данные публикаций (Boyle, Sherman, 2006).

Данные WOS были проанализированы по состоянию на май 2020 года. Путем поиска в подразделе «Тема» при выборе knowledge economy обнаружено 26 535 документов. После этого в нашем наборе данных было 26 485 публикаций, обозначенных как «общая» категория. Выделенные типы публикаций включают журналы, материалы конференций, книги и др. (рис. 2).

Второй уровень анализа сузил и углубил анализ конкретного предмета: «Менеджмент», «Экономика» и «Бизнес». В результате было найдено 10 612 документов (рис. 2). Публикации анализировались с использованием библиографической информации авторов, лет публикации, охвата контента, стран, названий журналов и частоты цитирования.

На третьем уровне анализа мы определили наиболее активные журналы, содержащие как минимум 10 статей, связанных с наукоемкой экономикой в целом, а также 3 статьи для категорий «Менеджмент», «Экономика» и «Бизнес». Эта методология была перенята из исследования Schiederig et al. (2012).

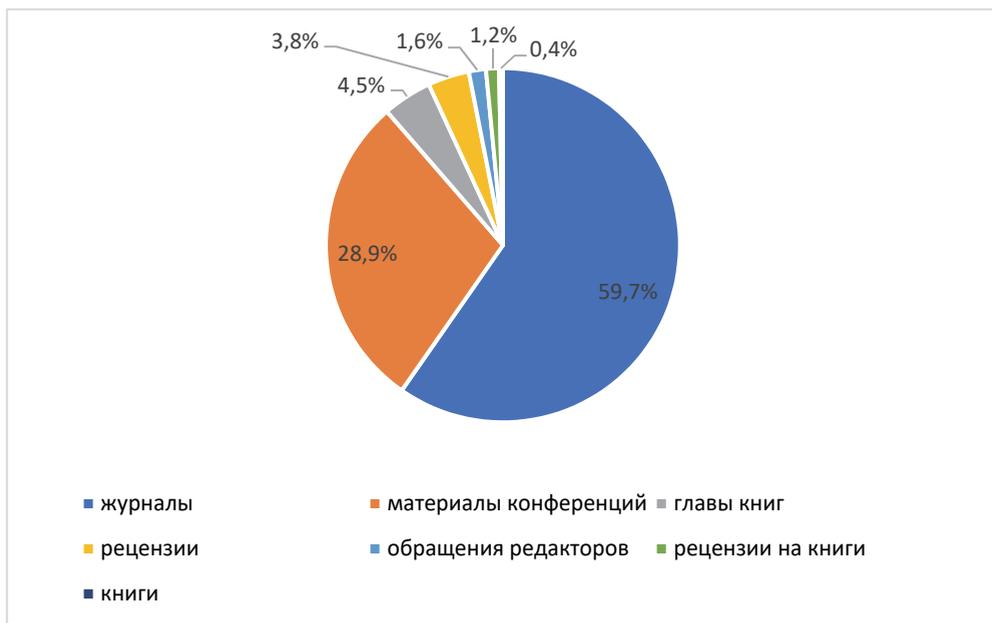

Рис. 2. Сегментация общей категории публикаций по типам публикаций
 [Figure 2. Segmentation of the general category of publications by publication type]

Источник: составлено на основе собственных исследований.

Рис. 3. Сегментация публикаций по типам категорий «Менеджмент», «Экономика» и «Бизнес»
 [Figure 3. Segmentation of publications by category types "Management", "Economics" and "Business"]

Источник: составлено на основе собственных исследований.

Выводы количественного анализа

Первый уровень нашего анализа сосредоточен на совокупном количестве публикаций. На рис. 3 показано хронологическое развитие публикаций по двум категориям: 26 535 в целом и 10 612 в категориях «Менеджмент», «Экономика» и «Бизнес».

Из рис. 3 видно, что первая статья, относящаяся к экономике знаний, была опубликована в 1977 году. Однако до 1991 года было очень мало публикаций, то есть менее 10 в год в трех категориях. Между 1992 и 1997 годами показатели демонстрируют устойчивый рост в «общем» (от 22 до 126 соответственно), тогда как «Менеджмент», «Экономика» и «Бизнес» по-прежнему имеют половину «общих» публикаций в год. Количество публикаций в «общем» превысило 1000 только в 2009 году, после чего последовал значительный прогресс. Например, в 2009 году было опубликовано 1053 публикации, 1206 – в 2012 году и 2078 – в 2016. Тенденцию можно наблюдать и в категориях «Менеджмент», «Экономика» и «Бизнес»: 128 – в 2001 году, 513 – в 2010 и 797 – в 2016. На графике показано количество публикаций с января по февраль 2018 года.

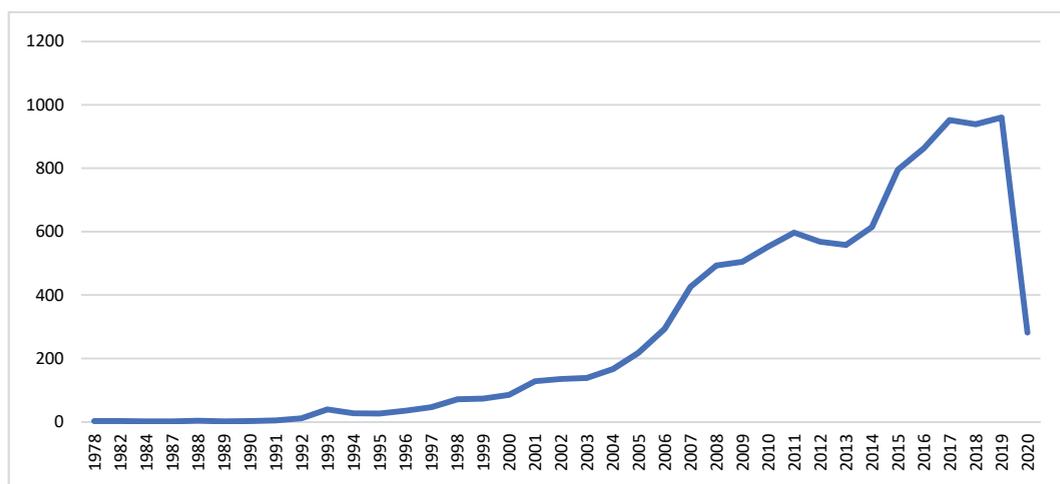

Рис. 4. Количество публикаций по годам
[Figure 4. Number of publications by year]

Источник: составлено на основе собственных исследований.

WOS имеет 252 предметные области. Мы сократили их до 18 предметных областей с более 600 публикациями (рис. 4). Таким образом, большинство публикаций в категориях «Менеджмент», «Экономика» и «Бизнес» (5143, 3621, 3891 соответственно) относятся к области «Образовательные исследования» – 2555, 1705 публикаций были связаны с «Экологическими исследованиями», 1471 – с «Географией», 1414 – с «Планированием развития», 1137 – с «Информатикой информационных технологий», 1113 – с «Научными исследованиями в области управления наукой», 1111 – с «Междисциплинарной наукой о социальных науках», 902 и 776 – с «Информационной научной библиотекой» и «Экологической наукой» соответственно. Другие области, такие как «Инженерная электроника» (762) и «Информатика междисциплинарных приложений» (631), имеют меньше публикаций, чем упомянутые выше. Эти цифры подтверждают наше утверждение о том, что исследования, связанные с экономикой знаний от управленческого и экономического подхода, недостаточно развиты.

Затем поиск был ограничен категорией «Общая» по типу документа «Статьи» (табл. 1). Среди 26 485 документов было 16 957 статей. Затем мы определили 10 наиболее цитируемых статей. Наиболее цитируемый документ авторства М.Е. Портера (1998), опубликованный в *Harvard Business Review*. Самая ранняя работа (Г.П. Суини) появилась в 1977 году в журнале «Информационная наука». Из этих 10 статей 8 содержат более 1000 цитирований. Проанализировав аннотации 10 статей, мы обнаружили, что статья под номером 2 и статья под номером 10 посвящены географии и окружающей среде. Эти статьи были опубликованы в журнале *Progress in Human Geography* и *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Далее для каждой статьи подсчитывалось количество цитирований за год, что показало подъем среднегодового количества цитирований статей соответственно росту количества цитирований.

Такой же анализ был сделан во второй группе – «Менеджмент», «Экономика» и «Бизнес» (табл. 2). Ограничивая поиск «общей» категории по типу документа «Статьи», у нас было 6 606 статей среди 16 957 документов. Мы отобрали 10 наиболее цитируемых статей. В статье М.Э. Портера (1998), опубликованной в *Harvard Business Review*, содержится 2662 цитирований, при этом 115 ежегодно. Как мы и ожидали, ключевые области исследований этих журналов связаны с проблемами бизнеса, управления и экономики. Из наиболее цитируемых статей 2 были написаны М.Э. Портером.

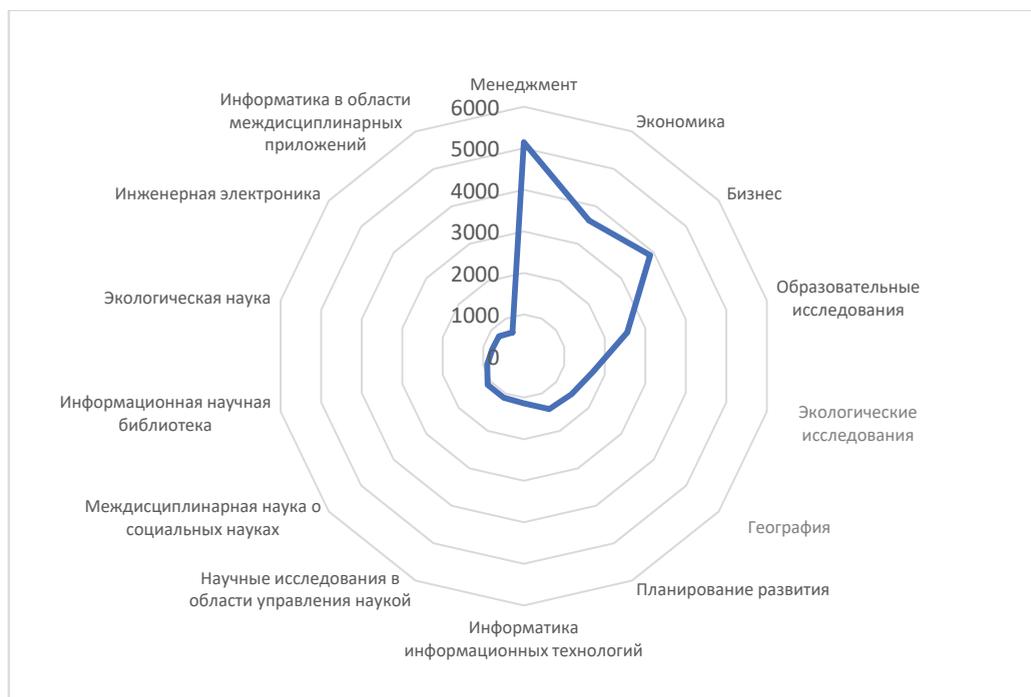

Рис. 5. Доля публикаций по тематическим областям
[Figure 5. Share of publications by subject area]

Источник: составлено на основе собственных исследований.

Таблица 1

Статьи с наибольшим числом ссылок в категории «Общая»
[Table 1. Articles with the most links in the category “General”]

№ [No.]	Цитирований [Citations]	Цитирований в год [Citations per year]	Год издания [Year of publishing]	Авторы [Authors]	Название статьи [Article title]	Название журнала [Journal title]
1	2662	115	1998	Porter, ME	Clusters and the new economics of competition	Harvard Business Review
2	1987	124	2004	Malmberg, A; Maskell, P; Bathelt, H	Clusters and knowledge: local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation	Progress in Human Geography
3	1696	84	2000	Porter, ME	Location, competition, and economic development: Local clusters in a global economy	Economic Development Quarterly
4	1346	64	2000	Perlmutter, H; Singh, H; Kale, P	Learning and protection of proprietary assets in strategic alliances: Building relational capital	Strategic Management Journal
5	1135	49	1998	Teece, DJ	Capturing value from knowledge assets: The new economy, markets for know-how, and intangible assets	California Management Review
6	1105	65	2004	Javorcik, BS	Does foreign direct investment increase the productivity of domestic firms? In search of spillovers through backward linkages	American Economic Review
7	1030	46	1999	Maskell, P; Malmberg, A	Localised learning and industrial competitiveness	Cambridge Journal of Economics
8	1008	59	2004	Powell, WW; Owen-Smith, J	Knowledge networks as channels and conduits: The effects of spillovers in the Boston biotechnology community	Organization Science
9	927	66	2007	Frenken, K; van Oort, F; Verburg, T	Relate variety, unrelated variety and regional economic growth	Regional Studies
10	897	69	2007	Bettencourt, LMA; Lobo, J; Helbing, D	Growth, innovation, scaling, and the pace of life in cities	Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America

Источник: составлено на основе собственных исследований.

Таблица 2

Статьи в категориях «Менеджмент», «Экономика» и «Бизнес» с наибольшим количеством ссылок
 [Table 2. Articles in “Management”, “Economics” and “Business” categories with the most links]

№ [No.]	Цитирований [Citations]	Цитирований в год [Citations per year]	Год издания [Year of publishing]	Авторы [Authors]	Название статьи [Article title]	Название журнала [Journal title]
1	2662	115	1998	Porter, ME	Clusters and the new economics of competition	Harvard Business Review
2	1696	81	2000	Porter, ME	Location, competition, and economic development: Local clusters in a global economy	Economic Development Quarterly
3	1346	64	2000	Singh, H; Kale, P; Perlmutter, H	Learning and protection of proprietary assets in strategic alliances: Building relational capital	Strategic Management Journal
4	1135	49	1998	Teece, DJ	Capturing value from knowledge assets: The new economy, markets for know-how, and intangible assets	California Management Review
5	1105	65	2004	Javorcik, BS	Does foreign direct investment increase the productivity of domestic firms? In search of spillovers through backward linkages	American Economic Review
6	1030	46	1999	Maskell, P; Malmberg, A	Localised learning and industrial competitiveness	Cambridge Journal of Economics
7	1008	59	2004	Powell, WW; Owen-Smith, J	Knowledge networks as channels and conduits: The effects of spillovers in the Boston biotechnology community	Organization Science
8	927	66	2007	Frenken, K; van Oort, F; Verburg, T	Relate variety, unrelated variety and regional economic growth	Regional Studies
9	877	43	2001	Verrecchia, RE	Essays on disclosure	Journal of Accounting & Economics
10	829	43	2002	Porter, ME; Furman, JL; Stern, S	The determinants of national innovative capacity	Research Policy

Источник: составлено на основе собственных исследований.

На следующем уровне нашего анализа определялись страны с наибольшим количеством статей, связанных с выбранной темой исследования. Подавляющее большинство публикаций в категории «Общая» происходят из

США, Китая и Великобритании (рис. 6). Между тем картина не отличается для категорий «Менеджмент», «Экономика» и «Бизнес», где также лидерами являются США, Китай и Великобритания (рис. 7). На рис. 5 показано, что страны со всех континентов прилагают усилия к изучению наукоемкой экономики, тогда как только США и европейские страны рассматривают управленческие и экономические вопросы этой области исследования.

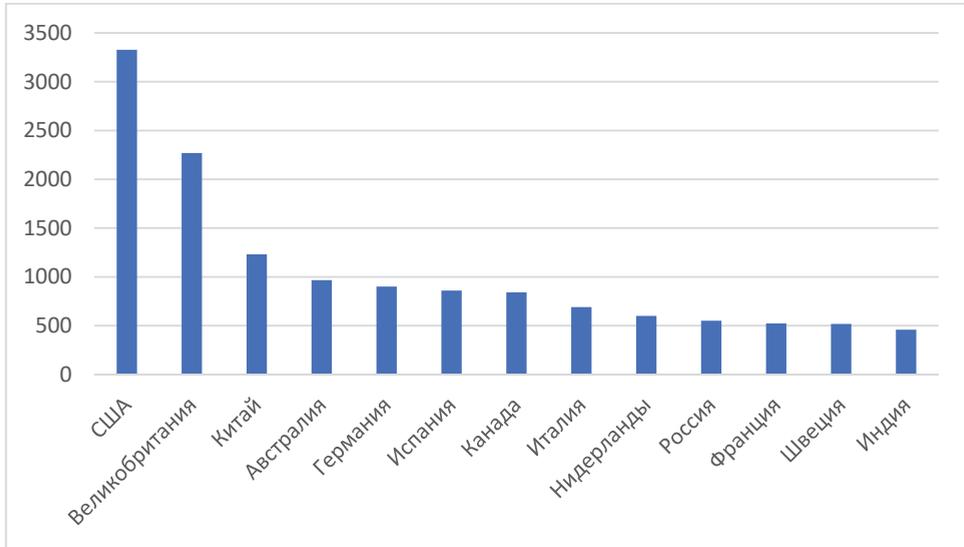

Рис. 6. Статьи в категории «Общие», отсортированные по странам
[Figure 6. Articles in “General” category sorted by country]

Источник: составлено на основе собственных исследований.

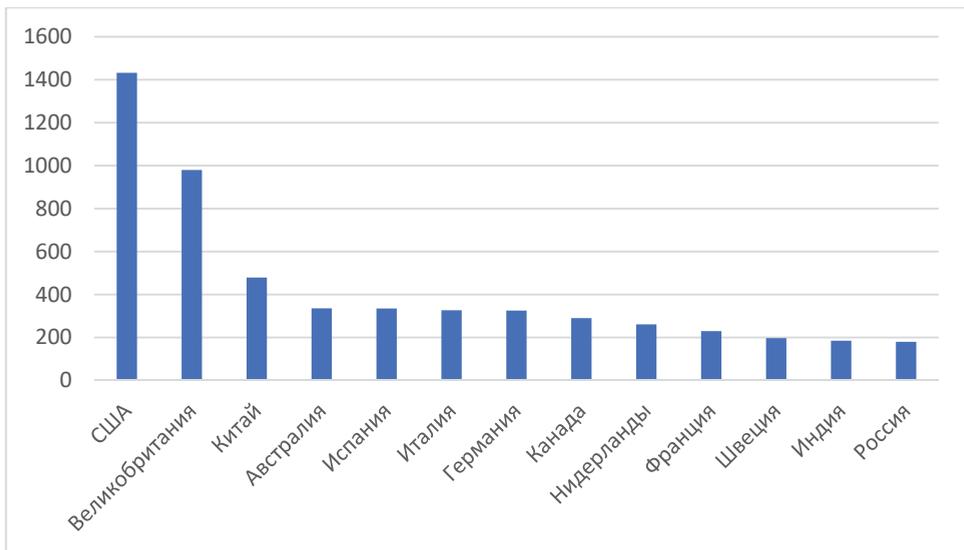

Рис. 7. Статьи в категориях «Менеджмент», «Экономика» и «Бизнес», отсортированные по странам
[Figure 7. Articles in categories “Management”, “Economics” and “Business”, sorted by country]

Источник: составлено на основе собственных исследований.

Таблица 3

Лучшие журналы с 60 или более публикациями, относящимися к наукоёмкой экономике
 [Table 3. Top magazines with 60 or more publications related to the knowledge economy]

Рейтинг [Rating]	Название журнала [Journal title]	Количество публикаций [Number of articles]	Доля, % [Share, %]
1	Sustainability	217	14,0 %
2	European Planning Studies	182	11,7 %
3	Journal of Cleaner Production	136	8,8 %
4	Research Policy	130	8,4 %
5	Technological Forecasting and Social Change	129	8,3 %
6	Regional Studies	124	8,0 %
7	Journal of the Knowledge Economy	84	5,4 %
8	International Journal of Technology Management	82	5,3 %
9	Urban Studies	71	4,6 %
10	Geoforum	70	4,5 %
11	Journal of Business Research	70	4,5 %
12	International Business Review	66	4,2 %
13	Baltic Journal of Economic Studies	65	4,2 %
14	Technovation	65	4,2 %
15	Journal of International Business Studies	62	4,0 %
	Итого	1553	

Источник: на основе собственных исследований.

Таблица 4

Лучшие журналы в категориях «Менеджмент», «Экономика» и «Бизнес» с 50 или более документами, связанными с исследованиями в области наукоёмкой экономики
 [Table 4. Journals in “Management”, “Economics” and “Business” categories with 50 or more papers related to research in the field of knowledge-based economics]

Рейтинг [Rating]	Название журнала [Journal title]	Количество публикаций [Number of articles]	Доля, % [Share, %]
1	Research Policy	130	11,1 %
2	Technological Forecasting and Social Change	129	11,0 %
3	Regional Studies	124	10,6 %
4	Journal of the Knowledge Economy	84	7,2 %
5	International Journal of Technology Management	82	7,0 %
6	Journal of Business Research	70	6,0 %
7	International Business Review	66	5,6 %
8	Baltic Journal of Economic Studies	65	5,5 %
9	Technovation	65	5,5 %
10	Journal of International Business Studies	65	5,5 %
11	Ekonomicky Casopis	62	5,3 %
12	Amfiteatru Economic	61	5,2 %
13	Journal of Economic Geography	57	4,9 %
14	Inzinerine Ekonomika – Engineering Economics	57	4,9 %
15	Journal of World Business	56	4,8 %
	Итого	1173	

Источник: на основе собственных исследований.

На третьем уровне анализа были выбраны 15 журналов с 60 или более статьями, относящимися к наукоёмкой экономике (табл. 3). Вместе эти журналы опубликовали 1553 статьи, что эквивалентно 9 % всех «общих» статей.

Выделяются бизнес и экономика с 877 статьями (56 %), а затем окружающая среда с 682 документами (43 %).

Мы проанализировали журналы в категориях «Менеджмент», «Экономика» и «Бизнес» и выбрали 15 журналов по меньшей мере с 50 документами по этой теме (табл. 4). Эти журналы опубликовали всего 1173 статей.

Согласно табл. 4, тремя наиболее активными журналами являются *Research Policy* с 130 статьями (11,1 %), *Technological Forecasting and Social Change* с 129 документами (11 %) и *Regional Studies* с 124 статьями (10,6 %). Другие журналы имеют менее 100 статей в каждом. Следует отметить, что темы публикаций в этих журналах сильно различаются, поэтому таблица не обязательно отражает направление исследования журнала.

Заключение

Можно сказать, что информация, направленная на исследования наукоемкой экономики, становится движущей силой экономики знаний. Поэтому нельзя недооценивать важность экономики знаний. В настоящей статье мы проанализировали существующий объем литературы в этой области. Общее количество статей в «общей» категории – 26 535, и, анализируя хронологическое развитие публикаций, можно сделать вывод, что эта тема получила широкое распространение только в 2000-х годах. Однако количество публикаций, посвященных экономическому подходу к теме, по-прежнему остается низким, всего лишь 12 655. Существенный прогресс наблюдается только после 2006 года. Более того, подавляющее большинство публикаций сосредоточено на конкретных технологиях и промышленности; исследования, посвященные ключевым переменным успешной реализации экономики знаний, вопросам финансирования экономики знаний и т. д., очень редки. Отмечено, что наиболее влиятельные статьи опубликованы в таких странах, как США, Великобритания, Китай, Канада, Германия и Австралия. Несмотря на это, наш анализ показал, что вряд ли какое-либо учреждение явно фокусировалось на исследовании проблем наукоемкой экономики. Журналы, такие как *Regional Studies*, *Research Policy*, *Technological Forecasting and Social Change*, *International Journal of Technology Management*, могут быть полезны для ученых, изучающих финансирование экономики знаний. Проведенное нами исследование выявило релевантные журналы и выдающихся ученых в более широкой дисциплине управления бизнесом, финансами и экономикой, но более конкретно в области управления инновациями. Однако исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, наш поиск был сужен базами *Google Scholar*, *Scopus* и *Thomson ISI Web of Knowledge*. Во-вторых, в качестве ключевых слов использовалась только *knowledge economy*. Таким образом, мы понимаем, что из анализа может быть исключено определенное количество документов. Наконец, мы предоставили описательную статистику. Ограничения определяют рамки для дальнейших исследований в этой области.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках грантового финансирования при КН МОН РК № AP05131314 «Формирование эффективных моделей финансирования наукоемких производств в Республике Казахстан».

Список литературы / References

- Bejinaru, R. (2017). Universities in the knowledge economy. *Management Dynamics in the Knowledge Economy*, 5(2), 251–271.
- Bolisani, E., & Bratianu, C. (2017). Knowledge strategy planning: An integrated approach to manage uncertainty, turbulence, and dynamics. *Journal of Knowledge Management*, 21(2), 233–253.
- Boyle, F., & Sherman, D. (2006). Scopus: The product and its development. *The Serials Librarian*, 49(3), 147–153. http://dx.doi.org/10.1300/J123v49n03_12
- Bratianu, C. (2011). A new perspective of the intellectual capital dynamics in organizations. In B. Vallejo-Alonso, A. Rodriguez-Castellanos & G. Arregui-Ayastuy (Eds.), *Identifying, measuring, and valuing knowledge-based intangible assets: new perspectives* (pp. 1–21). IGI Global, Hershey.
- Bratianu, C. (2013). The triple helix of the organizational knowledge. *Management Dynamics in the Knowledge Economy*, 1(2), 207–220.
- Bratianu, C., & Bolisani, E. (2015). Knowledge strategy: An integrated approach for managing uncertainty. In M. Massaro & A. Garlatti (Eds.), *Proceedings of the 16th European Conference on Knowledge Management (University of Udine, Italy, September 3–4, 2015)* (pp. 169–177). Academic Conferences and International Publishing.
- Bratianu, C., & Vasilache, S. (2010). A factorial analysis of the managerial linear thinking model. *International Journal of Innovation and Learning*, 8(4), 393–407.
- Davenport, H.T., & Prusak, L. (2000). *Working knowledge. How organizations manage what they know*. Boston, Harvard Business School Press.
- European Commission. (2014). *European eGovernment Action Plan (2016–2020)*. Retrieved June 1, 2020, from <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/european-egovernment-actionplan-2016-2020>
- Faria, J.R., Ferreira, J.J., Johnson, K.H., Mixon, F.G., & Wanke, P.F. (2020). Agglomeration economies and university program creation in the knowledge economy. *Socio-Economic Planning Sciences*, 100800. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2020.100800>
- Fonseca, L.M., & Domingues, J.P. (2017, July). Listen to ISO 9001: 2015 for organizational competitiveness: Correlation between change management and improvement. *Proceedings of the International Conference on Business Excellence*, 11(1), 916–926. De Gruyter Open.
- Fucec, A.A. (2015). Romania and the Knowledge Economies in the European Union: Status, Progress and Effects. *Proceedings of the International Management Conference*, 9(1), 598–605. Romania, Bucharest, Faculty of Management, Academy of Economic Studies.
- Ghinea, V.M., & Bratianu, C. (2012). Organizational culture modelling. *Management & Marketing. Challenges for the Knowledge Society*, 7(2), 257–276.
- Harzing, A.W.K., & Van der Wal, R. (2008). Google Scholar as a new source for citation analysis? *Ethics in Science and Environmental Politics*, 8, 62–71.
- Jacso, P. (2005). As we may search – comparison of major features of the Web of Science, Scopus, and Google Scholar citation-based and citation-enhanced databases. *Current Science*, 89(9), 1537–1547.
- Li, J., Burham, F., Lemley, T., & Britton, M. (2010). ‘Citation Analysis: Comparison of Web of Science, Scopus, SciFinder, and Google Scholar’. *Journal of Electronic Resources in Medical Libraries*, 7, 196–217.
- Mehmood, B., & Rehman, H.U. (2015). Aggregate production function for knowledge economies in Asia: System GMM inference. *Pakistan Economic and Social Review*, 53(1), 97–112.
- Nonaka, I., & Takeuchi, H. (1995). *The knowledge-creating company. How Japanese companies create the dynamics of innovation*. Oxford, Oxford University Press.
- OECD. (1996). The knowledge based economy. Retrieved June 1, 2020, from <https://www.oecd.org/sti/scitech/1913021.pdf>
- Viedma, J.M., & Cabrita, M.R. (2012). *Entrepreneurial excellence in the knowledge economy. Intellectual capital benchmarking systems*. New York, Palgrave Macmillan.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 июля 2020 г.

Дата проверки: 11 августа 2020 г.

Дата принятия к печати: 1 сентября 2020

Для цитирования:

Жупарова А.С., Исатаева Г.Б., Нуссюпаева А.А. Наукоемкая экономика: аналитический обзор литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 713–727. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-713-727>

Сведения об авторах:

Жупарова Азиза Сериковна, доктор PhD, и. о. доцента Высшей школы экономики и бизнеса Казахского национального университета имени аль-Фараби. E-mail: aziza_z@mail.ru

Исатаева Гульжан Богенбаевна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры географии Южно-Казахстанского государственного педагогического университета. E-mail: info@okmpu.kz

Нуссюпаева Айгерим Айтжановна, докторант PhD Казахского национального университета имени аль-Фараби. E-mail: aygerima.nussyupayeva@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-713-727

Research article

Knowledge-based economy: an analytical review of the literature

Aziza S. Zhuparova¹, Gulzhan B. Isatayeva², Aigerim A. Nussyupayeva¹

¹Al-Farabi Kazakh National University

71 Al-Farabi Ave, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan

²South Kazakhstan State Pedagogical University

13 A. Baitursynov St, Shymkent, 160012, Republic of Kazakhstan

Abstract. Currently, the creation and development of high technologies are becoming an independent area of scientific knowledge and technological base for the transformation of the economy. However, in practice, there is a problem of shortfall in financial resources and status determination. The central idea of this article is to analyze the existing literature on research in the field of knowledge-based economics. The central idea of this article is to analyze the existing literature on research in the field of knowledge – based economy. In particular, we look at the existing literature related to the measurement of knowledge-based economy, with an indication of the most influential scientists, journals, and related publications. The document provides some answers to questions from leading journals with documents related to research in the field of knowledge-based economy, a number of articles with the highest number of citations, or a list of countries with the most research in the field of knowledge-based economy. This article has both academic and political value. From a scientific point of

view, the study identifies scientists who have made the greatest contribution to research in the field of knowledge-based economy. For policy makers, this document is a report on existing practices and good practices.

Keywords: knowledge-based economy, aspects of knowledge-based economy, commercialization, innovation management, literature review

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of grant financing under the Scientific Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan No. AR05131314 “Formation of effective models of financing high-tech industries in the Republic of Kazakhstan”.

Article history:

Received: 2 July 2020

Revised: 11 August 2020

Accepted: 1 September 2020

For citation:

Zhuparova, A.S., Isatayeva, G.B., & Nussyupayeva, A.A. (2020). Knowledge-based economy: An analytical review of the literature. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 713–727. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-713-727>

Bio notes:

Aziza S. Zhuparova, PhD, Acting Associate Professor of the Higher School of Business and Economics of the Al-Farabi Kazakh National University. E-mail: aziza_z@mail.ru

Gulzhan B. Isatayeva, Candidate of Economic Sciences, senior lecturer of the Department of Geography of the South Kazakhstan State Pedagogical University. E-mail: info@okmpu.kz

Aigerim A. Nussyupayeva, first year doctoral student of Al-Farabi Kazakh National University. E-mail: aygerima.nussyupaeva@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-728-736

УДК 316:338:341

Научная статья

Международные правовые, экономические и социальные последствия пандемии коронавируса в мире

Н.И. Маслакова-Клауберг

Институт мировых цивилизаций

Российская Федерация, 119049, Москва, Ленинский пр-кт, д. 1/2, корп. 1

Аннотация. В статье рассматриваются последствия, вызванные пандемией коронавируса в мире. Проводится анализ негативного влияния карантинных мер в разных странах на мировую экономику, финансовую систему и общий международно-правовой климат, в том числе касающийся пересечения международных границ. Приводятся прогнозы Всемирного банка относительно уровня экономического спада и деловой активности в различных странах и регионах мира, а также перспективы оживления национальных экономик в 2021 году. Предпринята попытка дать общую и объективную оценку происходящим во время пандемии правовым нововведениям и негативным последствиям пандемии в политической, экономической, финансовой, социальной, правовой и религиозной сферах. Отдельное внимание уделяется региональному аспекту в борьбе против коронавируса и перспективам формирования нового «послековидного мира».

Ключевые слова: пандемия коронавируса, мировой экономический кризис, век цифровых технологий, карантинные меры, международные экономические последствия, правовые международно-правовые нормы, социальные последствия, смена поколений, новый формирующийся миропорядок, доковидный период

«Вирус COVID-19 изменит наш мир. Когда закончится этот кризис, пока неизвестно, но ясно одно: к тому времени наш мир сильно изменится. Насколько – будет зависеть от решений, которые мы примем сегодня».

*Жозеп Боррель,
верховный представитель ЕС
по иностранным делам
и политике безопасности*

В настоящее время для всего человечества стал очевидным тот факт, что коронавирусная инфекция явилась не просто пандемией, а вызвала глубокие и необратимые изменения во всем мире, затронув на глобальном уровне практически все сферы деятельности – международно-правовую, политическую, финансовую, социальную, религиозную и др. (Макаревская, 2020). Особенно существенные и болезненные последствия «COVID-удара»

© Маслакова-Клауберг Н.И., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

пришлись на национальные экономики и социальную сферу большинства стран. Кроме того, пандемия фактически стала лакмусовой бумажкой, продемонстрировавшей неготовность ведущих научных центров и институтов по всему миру отреагировать на «новый вирусный вызов» (Малова, 2020; Смирнов, 2020). Несмотря на то что мы вступили в «век новых цифровых и высокоразвитых технологий» во всех областях, в том числе в области эпидемиологии и микробиологии, человечество оказалось фактически беспомощным перед коронавирусной пандемией как вирусом нового типа. Остается только признать, что мы вступаем в новую «вирусно-биологическую эру», которая начинает кардинально менять сегодняшний мир.

В мировой истории известны случаи страшных пандемий, таких как черная оспа, чума, холера и других, унесших миллионы жизней и оказавших разрушительное воздействие на развитие многих стран. Первой пандемией считается Юстинианова чума (551–580 гг.), которая из Египта распространилась на всю территорию цивилизованного мира и привела к страшным последствиям и человеческим жертвами (100 млн чел.). В мировой истории чума (более известная как «черная смерть») неоднократно «косила» многие страны и народы. Так, занесенная из Восточного Китая в XIV веке чума прошла фактически по всей Европе, унеся более четверти всего населения. Сегодня об этой страшной эпидемии свидетельствуют в ряде европейских стран – чумные столбы (так называемые Марианские столбы). Они представляют собой религиозные памятники в стиле барокко с водруженной статуей Девы Марии. Их можно встретить в Мюнхене, Вене, Праге, Риме и других городах. Чума, как и прочие пандемии, считалась карой Божией за грехи человечества, и колонны воздвигались в знак благодарности Божьей Матери за прекращение мора. Впоследствии чума неоднократно напоминала о себе вплоть до XX века, когда была создана противочумная вакцина. Причем ее создателем был известный бактериолог, иммунолог и эпидемиолог В.А. Хавкин, выходец из Российской империи.

Однако пандемия коронавируса отличается тем, что происходит в XXI веке, когда человечество в отличие в предшествующих столетиях находится в высшей точке своего цивилизационного и технологического развития (Смирнова, 2020; Костина, 2020).

Первым международным вызовом пандемии стало закрытие рядом стран международных границ и введение новых правовых норм, касающихся въезда и выезда своих граждан, а также иностранцев. Это относится как к отдельным странам, так и к интеграционным объединениям (например, ЕС) и конфедерациями (например, Швейцария). Введенные странами правовые нововведения привели к довольно сложной и запутанной ситуации на границах. Сегодня основным условием для въезда в какую-либо страну является не только виза, но новые документы, например выданное посольством «разрешение на въезд». Как известно, Европейский союз до сих пор не включил Россию в список стран, гражданам которых разрешается въезд на его территорию. Тем не менее с учетом различных обстоятельств (болезни родствен-

ников, учебы, лечения и т. д.) посольства стран ЕС имеют право выдать специальное разрешение на въезд. При этом следует учитывать российские правовые акты въезда и выезда в условиях пандемии. В итоге для пересечения любой границы необходимо руководствоваться правовыми нововведениями двух сторон – страны выезда и страны въезда. Дополнительно следует иметь в виду, что эти правовые нормы постоянно меняются, прежде всего в зависимости от эпидемиологической ситуации в странах. Имеет место и политический момент, поскольку страны при открытии своих границ руководствуются принципом взаимности и уважения.

Так, Европейский союз с 1 июля 2020 года открыл въезд для граждан 15 стран, которые входят в список «безопасных стран» с точки зрения распространения коронавируса, пересматриваемый каждые две недели¹. К критериям «коронавирусного благополучия стран» относятся количество новых случаев заражения, не превышающее среднеевропейский показатель (не более 16 чел. на 100 тыс. населения), тенденция к спаду, тестирование, уровень медицины и т. д. Однако эти критерии носят для стран ЕС лишь рекомендательный характер. Они вправе принимать самостоятельные решения в зависимости от собственных оценок ситуации. Так, Венгрия отказалась открывать границы для стран, не входящих в ЕС, за исключением Сербии. Бельгия в свою очередь выразила готовность придерживаться списка ЕС в целом, но заявила о приоритете своих экспертных оценок по датам и условиям снятия ограничений.

Согласно принятым европейскими странами критериям, Россия может войти в данный список только тогда, когда ежедневный прирост будет составлять менее 1650 чел. Многие страны пока не готовы впускать российских граждан из-за «неблагополучной эпидемиологической ситуации», за исключением лиц с гражданством этих стран или видом на жительство. Например, в России 29 апреля 2020 года было принято постановление правительства, в соответствии с которым в условиях пандемии российским гражданам со вторым гражданством или видом на постоянное проживание за границей разрешается покинуть Россию, но только однократно². Сегодня уже почти каждая страна имеет свой национальный список стран с неблагополучной эпидемиологической ситуацией, который постоянно меняется. А это означает, что условия пересечения международных границ продолжают быть непредсказуемыми.

Это фактически означает правовую нестабильность в отношении пересечения международных границ ряда стран, что, безусловно, негативно отразилось на деловом и миграционном климате. Следует отметить, что общая

¹ В ЕС разъяснили критерии открытия границ на фоне пандемии // Известия. URL: <https://iz.ru/1031425/2020-07-04/v-cvrosioiuze-raziasnili-kriterii-otkrytiia-granits-na-fone-pandemii> (дата обращения: 05.07.2020).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1170-р от 29.04.2020 г. // Интернет-портал Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/rUNwXiSXZs1NmLZauzAsdAIM3ppeWRAB.pdf> (дата обращения: 29.04.2020).

международная ситуация в этом вопросе еще далека от стабилизации, поскольку коронавирус продолжает охватывать новые страны и континенты.

Помимо международных границ пандемия повлияла на региональную ситуацию в ряде стран. В Европейском союзе начали составлять списки «неблагополучных стран», или «красных зон», въезд в которые запрещен или не рекомендован из-за ухудшения ситуации с коронавирусом. Это относится как к странам, так и к отдельным регионам. Например, в начале августа Бельгия отнесла к «красной зоне» несколько регионов Испании, Швейцарии, Франции, Великобритании, Болгарии и Румынии. Фактически был введен запрет на посещение данных регионов по неуважительным причинам и после возвращения введен 14-дневный карантин. Причем в самой Бельгии отмечается стремительный рост новых заражений, а в Антверпене даже планируется ввести комендантский час. По количеству погибших страна занимает одно из первых мест. Как представляется, решение о включение в эти «неблагополучные списки» страны принимают самостоятельно, исходя из собственных оценок и предпочтений.

В России региональный аспект получит приоритетное значение в период пандемии. Так, в начале апреля 2020 года Президент России В.В. Путин подписал указ о расширении полномочий губернаторов по борьбе с коронавирусом. В частности, руководители регионов могут самостоятельно ограничивать передвижения граждан и транспорта на своих территориях, приостанавливать работу всех предприятий независимо от организационно-правовой формы и индивидуальных предпринимателей, а также принимать решения о работе системообразующих, научных и образовательных организаций. Тем не менее свои действия они должны координировать с правительством³.

Постепенно мы сталкиваемся с еще одной новой реальностью. Для обеспечения международной мобильности при пересечении границ стали вводиться новые документы – «паспорт здоровья» или «справка об отсутствии коронавируса». Такое правило становится нормой и условием, к которой приходится привыкать. Если суммировать, то для поездки за рубеж для российских граждан требуются три документа – виза, разрешение посольства на въезд в страну и справка об отсутствии коронавируса (пока не все страны требуют такой документ).

Постепенно в некоторых странах «ковидный кризис» стал превращаться в острый правовой и социальный вопрос. В ряде европейских стран и США прокатились волны демонстраций «коронаскептиков» против введенных эпидемиологических ограничений, нарушающих их конституционные права. Такие демонстрации с требованием обеспечения прав человека и основных свобод прошли в Лондоне, Париже, Берлине, Праге, Вене, Цюрихе и др. Одна из самых крупных демонстраций в Европе произошла в Берлине 29 августа 2020 года, в ней приняли участие 38 тыс. чел. Группа из 300 или

³ Путин расширить полномочия губернаторов для борьбы с коронавирусом // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/04/02/826921-putin-rasshiril-polnomochiya> (дата обращения: 02.04.2020).

400 чел. пыталась даже «штурмовать Рейхстаг», но была остановлена немецкими правоохранителями. Наряду с лозунгами против карантинных мер звучали также политические воззвания, в том числе об отставке Меркель и правительства. Ядро демонстрантов составляли члены движения «Граждане рейха», которые призывают вернуть Германию в границы 1937 года. В демонстрации участвовали представители разных ультраправых группировок и экстремисты. Демонстрация проходила вблизи российского посольства, в ходе которой участники демонстрировали российские и американские флаги и скандировали – «Путин! Путин», «Владимир и Дональд! Дайте нам свободу». Президент Франк-Вальтер Штайнмайер назвал произошедшее «ударом по демократии»⁴. Следует ожидать, что следующие волны «антиковидных демонстраций» будут иметь и политический аспект, поскольку политическая оппозиция в разных странах намерена использовать массовые площадки как удобный механизм для реализации своих целей.

По последним данным Университета Джона Хопкинса в мире зарегистрировано более 24,8 млн случаев заражения и 839 тыс. чел. стали жертвами коронавируса.

В опубликованном в июне 2020 года докладе Всемирного банка «Перспективы мировой экономики» (Global Economic Prospects) изложены перспективы развития мировой экономики на 2020 год, а также предварительный прогноз на 2021⁵. В нем говорится о том, что пандемия коронавируса и принятые в разных странах карантинные меры оказали масштабное и шоковое воздействие на мировую экономику, приведя ее к глубокому экономическому спаду, ставшему серьезным испытанием для международного бизнеса и экономик большинства стран. Речь идет о глубочайшей рецессии со времен Второй мировой войны. По оценкам Всемирного банка в 2020 году ожидается снижение мирового ВВП на 5,2 %. В странах с развитой экономикой ожидается снижение экономической активности на 7 %. В странах с формирующимся рынком и развивающихся странах прогнозируется спад на 2,5 % (первые за последние 60 лет). Кроме того, снижение объема ВВП на душу населения может затронуть наибольшую с 1870 года долю стран. Глобальный показатель дохода на душу населения сократится в 2020 году на 3,6 %, что приведет к крайнему обеднению миллионов людей по всему миру.

По прогнозам Всемирного банка, экономику США из-за введенных карантинных мер ожидает снижение на 6,1 %, а ВВП ЕС может упасть до 9,1 %. Относительно экономики России оценки также неутешительные, поскольку ожидается спад на 6 %, обусловленный резким скачком распространения коронавируса в стране и падением мировых цен на нефть (Громов, Титов, 2020; Щелкунов, 2020).

⁴ Удар по демократии: что происходит в Германии // Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/08/31_a_13220041.shtml (дата обращения: 31.08.2020).

⁵ COVID-19 грозит свергнуть мировую экономику в тяжелейшую рецессию со времен Второй мировой войны // Всемирный банк. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2020/06/08/covid-19-to-plunge-global-economy-into-worst-recession-since-world-war-ii> (дата обращения: 08.06.2020).

Относительно перспектив развития мировой экономики делается следующий прогноз. Если события продолжаться развиваться по пессимистическому сценарию, то в 2020 году мировую экономику ожидает падение до 8 %. В 2021 году может наблюдаться небольшой рост, но не более 1 %, при сокращении ВВП ряда государств на 5 % в текущем году.

Всемирный банк представил также свои оценки по регионам мира. Темпы спада экономического роста и экономической активности в разных регионах будут иметь свои особенности. Так, наиболее глубокий спад ожидается в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (7,2 %), далее следуют Европа и Центральная Азия (4,7 %), Ближний Восток и Северная Африка (4,2 %), Африка к югу от Сахары (2,8 %), Южная Азия (2,7 %), Восточная Азия и Тихоокеанский регион (0,5 %).

Этот кризис пандемии стал причиной крупных общемировых экономических и финансовых проблем, снижения глобальной деловой активности, следствием которых станет дальнейший рост бедности и безработицы.

Пандемия коронавируса вызвала серьезные потрясения, которые затронули такие сферы, как авиационное и железнодорожное сообщение, здравоохранение, торговля, сферы услуг, туризм, гостиничный и ресторанный бизнес, деятельность учреждений массовой культуры (театры, концертные залы, музеи, выставочные комплексы, городские парки и т. д.). Кроме того, она весьма негативно отразилась на доступе к школьному и вузовскому образованию, медицинской помощи и на развитии человеческого капитала. Тем не менее, по мнению ряда ведущих западных экономистов, негативные глобальные экономические последствия могут сгладиться во втором полугодии или в первой половине 2021 года. Безусловно, это будет зависеть от появления на международном рынке вакцины от коронавируса и начале массовой вакцинации. Есть надежды на то, что она может появиться в первом полугодии 2021 году, и рост мировой экономики сможет вновь оживиться. Однако это довольно оптимистический прогноз. Пока мир сталкивается с продолжающимися потрясениями в мировой экономике и финансах, а также в международных торговых связях.

Мы становимся сегодня свидетелями уникального явления, когда пандемия коронавируса полностью меняет мир. Многие переводятся в формат интернет-обслуживания и дистанционного общения. Ковидный кризис создает новые профессии и формы деятельности. Дистанционная работа, или «удаленка», становится новой нормой для работы государственных, образовательных и культурных учреждений. Многие музеи уже активно внедряют лекционные циклы (в онлайн-формате) и виртуальные интернет-экскурсии.

Кроме того, мы наблюдаем процесс «смены поколений», когда «поколению 65+» по медицинским показаниям во время пандемии рекомендован лишь дистанционный формат работы, что в большинстве случаев не устраивает работодателей. Справится ли молодое поколение со своей работой без старших наставников, а может просто «переделает мир по-своему»? Это тоже довольно сложный вопрос, остающийся пока без ответа.

Пандемия оказала влияние и на духовную жизнь людей, прежде всего на деятельность религиозных учреждений (церквей, синагог, мечетей). Появились временные изменения в правилах ведения религиозных обрядов с учетом карантинных мер, которые не всегда вызывали понимание у представителей разных религий и даже приводили к конфликтам. Для православной церкви в России пандемия стала временем духовного испытания и укрепления веры. Сегодня, когда храмы в России вновь открыты, становится очевидной ценность очного духовного и литургического общения. Значит, и этот непростой опыт стал духовным уроком для нас.

Главный вывод состоит в том, что пандемия формирует новый мир – мир виртуального и дистанционного общения, а значит – новые виды деятельности и потребности человечества. Сегодня мы говорим о формирующемся новом мироустройстве XXI века, который даст новые возможности для развития человечества. Однако надо признать, что пандемия коронавируса – это мощнейший вызов времени, создающий новые горизонты и перспективы. Очевидным остается только одно – мир уже не вернется в «доковидное время».

Список литературы

- Громов А.И., Титов А.В.* Влияние пандемии COVID-19 на мировой нефтяной рынок // Бурение и нефть. 2020. № 7–8. С. 10–15.
- Костина Д.Д.* Анализ экономического эффекта пандемии на отрасли и стратегии их развития в условиях кризиса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 318–322.
- Макаревская Д.А.* Влияние пандемии коронавируса на мировую экономику // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62–9. С. 37–40.
- Малова Т.А.* О чем сигнализируют парадоксы глобальной экономики // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 3. С. 225–242.
- Смирнов Е.Н.* Мировая экономика коронавируса: поиск оптимальных путей преодоления последствий кризиса // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 3. С. 243–266.
- Смирнова Е.К.* Экономическая политика, проводимая в условиях пандемии коронавирусной инфекции, на примере США, Китая и России // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2020. № 2. С. 71–81.
- Щелкунов М.Д.* Общество в условиях пандемии: репетиция цифрового будущего // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 2. С. 192–196.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 июня 2020 г.

Дата проверки: 15 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 16 августа 2020 г.

Для цитирования:

Маслакова-Клауберг Н.И. Международные правовые, экономические и социальные последствия пандемии коронавируса в мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 728–736. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-728-736>

Сведения об авторе:

Маслакова-Клауберг Наталья Ивановна, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник Института мировых цивилизаций. E-mail: mnleo@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-728-736

Research article

International legal, economic and social consequences of the coronavirus pandemic in the world

Natalia I. Maslakova-Klauberg

Institute of World Civilizations
1/2 Leninskii Ave, bldg 1, Moscow, 119049, Russian Federation

Abstract. The article examines the consequences caused by the coronavirus pandemic in the world. It analyzes the negative impact of quarantine measures in different countries on the world economy, the financial system and the general international legal climate, including those aspects related to crossing international borders. The article presents the world Bank's forecasts regarding the level of economic downturn and business activity in various countries and regions of the world, as well as the prospects for the recovery of national economies in 2021. The article attempts to give a General and objective assessment of the legal innovations occurring during the pandemic, as well as the negative consequences of the pandemic in the political, economic, financial, social, legal and religious spheres. Special attention is paid to the regional aspect in the fight against coronavirus and the prospects for the formation of a new "post-human world".

Keywords: coronavirus pandemic, global economic crisis, digital age, quarantine measures, international economic consequences, legal international legal norms, social consequences, generational change, new emerging world order, pre-crisis period

References

- Gromov A.I., & Titov A.V. (2020). Vliyanie pandemii COVID-19 na mirovoj neftjanoj rynek [Influence of the COVID-19 pandemic on the world oil market]. *Drilling and oil*, (7–8), 10–15. (In Russ.)
- Kostina, D.D. (2020). Analiz jekonomicheskogo jeffekta pandemii na otrasli i strategii ih razvitija v uslovijah krizisa [Analysis of the economic effect of the pandemia on the industry and the strategies of their development in the conditions of the crisis]. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, (5), 318–322. (In Russ.)
- Makarevskaya, D.A. (2020). Vliyanie pandemii koronavirusa na mirovujju jekonomiku [Influence of COVID-2019 on the global economy]. *Tendencies of the development of science and education*, (62–9), 37–40. (In Russ.)
- Malova, T.A. (2020). O chjom signalizirujut paradoksy global'noj jekonomiki [What Signal Paradoxes of Global Economy]. *MGIMO Review of International Relations*, 13(3), 225–242. (In Russ.)
- Schelkunov, M.D. (2020). Obshestvo v uslovijah pandemii: Repeticija cifrovogo budushhego [Society in the context of a pandemic: Testing the digital future]. *Review of Economics, Law and Sociology*, (2), 192–196. (In Russ.)
- Smirnov, E.N. (2020). Mirovaja jekonomika koronavirusa: Poisk optimal'nyh putej preodolenija posledstvij krizisa [The World Economy of Coronavirus: Search for Optimal Ways

to Overcome the Consequences of the Crisis]. *MGIMO Review of International Relations*, 13(3), 243–266. (In Russ.)

Smirnova, E.K. (2020). Jekonomicheskaja politika, provodimaja v uslovijah pandemii koronavirusnoj infekcii, na primere SShA, Kitaja i Rossii [The economic policy implemented in the fact of COVID-19 pandemic (based on the example of China, the USA and Russia)]. *RISC: resources, information, supply, competition*, (2), 71–81. (In Russ.)

Article history:

Received: 15 June 2020

Revised: 15 July 2020

Accepted: 16 August 2020

For citation:

Maslakova-Klauber, N.I. (2020). International legal, economic and social consequences of the coronavirus pandemic in the world. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 728–736. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-728-736>

Bio note:

Natalia I. Maslakova-Klauber, Doctor of Political Science, Associate Professor, senior researcher of the Institute of World Civilizations. E-mail: mnleo@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-737-750

УДК 338

Научная статья

Анализ национальной системы здравоохранения Кубы

Я. Пупо Очоа

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Аннотация. В статье рассматривается комплекс вопросов, актуальных для сегодняшнего состояния системы здравоохранения Республики Куба. Цель исследования – дать представление о динамике развития национального здравоохранения и сравнить результаты, достигнутые в этом секторе с 2010 по 2018 год. Рассмотрение этих проблем начинается с характеристики демографического контекста, отражающего общее состояние здоровья населения. Также приняты во внимание базовая структура системы здравоохранения, бенефициары и льготы в области здравоохранения, источники финансирования и расходы на здравоохранение, имеющиеся ресурсы и удовлетворенность пользователей полученными услугами. Дается оценка основных проблем, которые Министерству здравоохранения предстоит решать в краткосрочной и среднесрочной перспективе, что повлечет за собой необходимость разработки и реализации новых стратегий управления учреждениями здравоохранения. Исследование основано на теории анализа сектора здравоохранения (предложенной Федерико Тобаром), адаптированной к особенностям кубинского общественного здравоохранения, обеспечивающей руководство работой Министерства здравоохранения и менеджеров здравоохранения в целях достижения более высокого уровня удовлетворенности и качества.

Ключевые слова: здравоохранение, Куба, национальная система здравоохранения

Введение

В последние годы Куба поставила перед собой сложную задачу, направленную на обновление своей экономической модели. Важную ее часть занимает социальная политика, а в ее рамках – здравоохранение, получающее постоянно возрастающий объем финансирования, мотивированный различными факторами. В настоящее время этот вопрос вновь набрал силу, обратив внимание на медицинские службы. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет здоровье как состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или недугов. Это определение ясно показывает, насколько различные факторы, определяющие социальное государство, связаны между собой. Именно для удовлетворения потребностей населения в области здравоохранения создаются системы здравоохранения, которые представляют собой совокупность

© Пупо Очоа Я., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

всех организаций, учреждений и ресурсов, основной целью которых является улучшение здоровья¹. Данное исследование направлено на анализ национальной системы здравоохранения (НСЗ) Кубы как важнейшей составной части социальной политики государства и сравнение достигнутых ею результатов за последние 10 лет – с 2010 по 2018 год, что является отражением усилий, предпринятых для обеспечения здоровья населения в этот период.

Обзор литературы

Вопросы, связанные с анализом систем здравоохранения, рассматривались Федерико Тобаром (Tobar, 2000), М. Марискалем (Mariscal et al., 2016), Дантесом Гомесом (Gómez et al., 2011), Л.В. Максимовой (Максимова, 2014), А. Желтенковым (Желтенков, 2019), J. Arias (Arias, 2002), E. Domínguez, E. Zacea (Domínguez, Zacea, 2011), L. Galeano, B. Esquenazi (Galeano, Esquenazi, 2019), G. Galiano, R. Izaguirre, A. Palma, V. Santoya, R. Eng (Galiano et al., 2011), A.M. Gálvez, R. González, M. Álvarez, M.J. Vidal, N. Suárez, M. Vázquez (Gálvez et al., 2018), S. Houriet (Houriet, 2008), O. Lazo, J. Alcalde, O. Espinoza (Lazo et al., 2016), P. López, A. Segredo, A. García (López et al., 2014), L. Milanés (Milanés, 2020), R. Morales, P. Mas, P. Castell-Florit, C. Arocha, N. Valdivia, D. Druyet, J. Menéndez (Morales et al., 2018), K. Núñez (Núñez, 2019), B. Zas (Zas, 2016).

Методы и подходы

В рамках сравнительного подхода было проведено аналитическое исследование кубинского НСЗ, главным образом со второго десятилетия этого века. Проведенное исследование было основано главным образом на использовании инструмента, предоставленного Федерико Тобаром для анализа системы здравоохранения. Для этого необходимо было адаптировать его к контексту, в котором развивается кубинский НСЗ, имеющим свои особенности. Информация предоставлена Национальным управлением статистики и информации Кубы (ONEI), Национальным управлением медицинской документации и статистики здравоохранения Министерства здравоохранения (MINSAP), Всемирным банком, Экономической комиссией для Латинской Америки и Карибского бассейна (CEPAL) и др. и обработана с помощью пакета приложения Microsoft Excel.

Результаты

1. Демографический контекст

Согласно Демографическому ежегоднику Кубы, население Кубы в 2018 году составляло 11 209 628 чел., из которых 50,3 % – женщины, что несколько больше, чем в 2010 году, и эта тенденция мало изменилась за последние 9 лет. Как следствие, меняется значение коэффициента маскулинности, которое достигло к 2018 году значения 990 мужчин на каждые 1000 женщин. Демографические прогнозы на 2030 год оценивают общую численность населения на

¹ О системах здравоохранения / Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/healthsystems/about/ru/> (дата обращения: 12.06.2020).

уровне 11 288 750 человек и ежегодный темп роста –5,0 на 1000 жителей при коэффициенте маскулинности 983². Такой прогноз тесно связан с недавним демографическим развитием Кубы, для которого характерен в основном низкий рост населения при достаточно высокой ожидаемой продолжительности жизни при рождении, низком уровне рождаемости и смертности, особенно младенческой смертности. Подобные явления привели к процессу старения населения, что в ближайшем будущем может привести к признанию острова старейшей латиноамериканской страной.

Говоря об ожидаемой продолжительности жизни при рождении, уместно отметить, что в 1960 году она составляла 63,83 года, а в 2018 году достигла 78,72 года (World Bank, 2019), и эта цифра неуклонно росла в течение последних шести десятилетий, что было результатом разумной политики в области здравоохранения и усилий различных секторов. Однако фертильность вела себя противоположным образом, с течением времени количество детей на одну женщину уменьшалось. В 1970 году глобальный коэффициент рождаемости составлял 3,70 ребенка на женщину, а к 2018 году – только 1,65. Другим интересным вопросом является рождаемость, которая не показала значительных изменений во втором десятилетии текущего столетия (см. таблицу).

В 2018 году было зарегистрировано 116 333 рождения, но если сравнить с данными двадцатилетней давности, то заметное снижение очевидно, так как в 1998 году было зарегистрировано 151 080 рождений. Что касается общей смертности, то следует добавить, что в 1990 году она составляла 6,8 на 1000 жителей, а к 2018 году достигла значения 9,4. Однако уровень младенческой смертности среди детей в возрасте до 1 года значительно снизился, так как в 1990 году он составлял 10,7 на 1000 живорождений, а к 2018 году – всего 4,0. Группа населения в возрасте 65 лет и старше испытывала устойчивый рост в течение длительного периода времени, составляя в 1998 году 9,8 % от общей численности населения, в 2010 году – 17,6 %, а к 2018 году она уже достигла 20,4 %. По прогнозным же оценкам на 2030 год показатель доли населения старше 60 лет может составить до 29 % общей численности кубинского населения (Milanés, 2020).

Другим фактором, определяющим динамику развития демографической ситуации на острове еще с прошлого века, является растущий процесс урбанизации, который, по данным Всемирного банка, имеет положительную тенденцию на Кубе в течение последних шести десятилетий. В 1960 году 58,40 % населения проживало в городах, с тех пор и до сегодняшнего дня его рост был постоянным. В результате процент урбанизации в 2018 году достиг 77,0 % населения, и в будущем эта величина, как ожидается, увеличится³. Такая динамика свидетельствует о перемещении населения из сельской местности в города – процесс, который был обусловлен экономической и социальной эволюцией острова.

² Официальный сайт Национального управления статистики и информации Кубы ONEI. URL: http://www.onei.gob.cu/sites/default/files/anuario_demografico_2018.pdf (дата обращения: 24.01.2019).

³ Directorio Cubano. URL: https://www.directoriocubano.info/docs/anuario_estadisticos/territorio.pdf (accessed: 25.01.2019).

Базовые демографические показатели Кубы, 2010–2018 гг.
 [Table. Main demographic indicators of Cuba, 2010–2018]

Показатель [Indicator]	2010	2018
Численность населения [Population]	11 230 000	11 209 628
Доля женщин в общей численности населения [Share of female in total population]	49,9	50,3
Среднее количество мужчин на 1000 женщин [Average number of male on 1000 female]	1002	990
Доля населения старше 65 лет, % [Share of population older than 65, %]	17,6	20,4
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет [Long-life expectation from birth, years]	77,97	78,72
Общий коэффициент рождаемости на 1000 населения [Total coefficient of birth on 1000 people]	11,4	9,8
Общий коэффициент фертильности (количество детей на 1 женщину) [Total fertility coefficient (number of children per 1 woman)]	1,70	1,57
Коэффициент младенческой смертности на 1000 живорождений [Coefficient of children death on 1000 births]	4,5	5,0
Общая смертность на 1000 населения [Total death rate on 1000 people]	8,1	9,5
Распространенность артериальной гипертензии на 1000 населения [Arterial hypertension on 1000 people]	202,7	225,5
Охват прививками в возрасте 12 месяцев, %: [Vaccinated at age of 1 year old, %:]		
– против краснухи, паротита и кори [rubella, mumps, measles]	100	100
– полиомиелита [polio]	100	98,9
– гепатита В [hepatitis B]	99,4	99,7

Источник: составлено автором на основе Статистических ежегодников Кубы 2010 и 2018 годов Министерства здравоохранения (MINSAP). URL: <https://files.sld.cu/dne/files/2011/04/graficos-anuario-2010.pdf> (дата обращения: 17.07.2020); <https://files.sld.cu/bvscuba/files/2019/04/Anuario-Electr%3%b3nico-Espa%3%b1ol-2018-ed-2019-compressed.pdf> (дата обращения: 17.07.2020).

Состояние здоровья населения. В настоящее время инфекционные заболевания не являются доминирующими в здоровье кубинского населения. Согласно классификации по трем группам причин смерти, предложенной в Статистическом ежегоднике здравоохранения за 2018 год, в группе хронических неинфекционных заболеваний самый высокий уровень смертности: 769,8 случаев смерти на 100 000 жителей. Второе место занимает группа инфекционных заболеваний, которая преобладала в первой половине прошлого века. Наконец, существует группа смертей от внешних причин с показателем 73,4 смертей на 100 000 жителей⁴.

Известны также десять основных причин смерти кубинского населения (рис. 1), которые с 1970 года не сильно различались по порядку. Среди них выделяются сердечные заболевания, злокачественные опухоли и цереброваскулярные заболевания, за исключением 2012 и 2013 годов, в которых злокачественные опухоли занимали первое место. Следует отметить, что в течение почти полувека вышеупомянутые причины ежегодно вызывали более 50 % всех смертей. В 2018 году заболеваемость сердечно-сосудистыми

⁴ Anuario estadístico de salud 2018 // INFOMED. 2019. URL: <http://www.sld.cu/anuncio/2019/04/26/publicado-el-anuario-estadistico-de-salud-2018> (accessed: 21.02.2020).

заболеваниями составила 228,2 случая на 100 000 жителей, а злокачественными опухолями – 221,3.

Рис. 1. Главные причины смертности на Кубе за 2018 г.
[Figure 1. The main causes of mortality in Cuba for 2018]

Источник: составлено авторами на основе Статистического ежегодника здравоохранения 2018.
 URL: <https://files.sld.cu/bvscuba/files/2019/04/Anuario-Electr%с3%b3nico-Espa%с3%b1ol-2018-ed-2019-compressed.pdf> (дата обращения: 17.07.2020).

В целом первая группа заболеваний доминирует в профиле здоровья острова. Данный факт свидетельствует о необходимости усиления работы, направленной на смягчение причин, обуславливающих поведение этой группы. Необходимо будет вникнуть в образ жизни населения, который во многом определяет многие неинфекционные хронические заболевания.

С другой стороны, достижение стабильности эпидемиологической ситуации и удовлетворение населения услугами здравоохранения были в течение некоторого времени одной из целей работы кубинского Министерства здравоохранения. Правда заключается в том, что климатические условия способствуют появлению переносчика Денге, комара *Aedes Aegypti*, в определенное время года. К сожалению, официальная статистика не показывает реальную картину этого заболевания, хотя есть явные признаки того, что оно продолжает поражать жителей страны (Arias, 2002). Однако все знают, что во многих случаях для лечения этого заболевания используются другие учреждения, поскольку система здравоохранения не имеет достаточной инфраструктуры для оказания необходимых услуг всему пострадавшему населению. Для контроля эпидемиологической ситуации НСЗ ежегодно разрабатывает мероприятия по укреплению здоровья, по борьбе с переносчиками инфекции, а также организует кампании как в общине, так и в средствах массовой информации. Однако просветительская и оздоровительная работы не должны прекращаться, так как успешный результат во многом зависит от поведения населения и соблюдения правил гигиены, выполняемых в каждом доме или на рабочем месте.

Другим важным показателем для анализа состояния здоровья населения являются потерянные годы потенциальной жизни (ППГЖ), которые показы-

вают потерю лет жизни из-за преждевременной смерти. На Кубе в период с 2000 по 2018 год на величину этого показателя влияли в основном четыре главные причины смерти, упомянутые ранее. Из них удалось добиться снижения влияния на ПГПЖ только в отношении сердечных заболеваний. В 2010 году этот фактор был ответственен за 12,0 лет потерянной жизни на 1000 жителей в возрасте от 1 до 74 лет, а в 2018 году он стал причиной 11,5 ПГПЖ. Злокачественные опухоли явились причиной 18,3 ПГПЖ, несчастные случаи – 5,3 ПГПЖ, цереброваскулярные заболевания – 4,1 ПГПЖ.

2. Структура и охват Национальной системы здравоохранения

Кубинская национальная система здравоохранения состоит из трех административных уровней: национального, провинциального и муниципального, а также трех уровней медицинского обслуживания: первого, второго и третьего (рис. 2). Она обеспечивает охват медицинским обслуживанием 100 % населения и финансируется в основном за счет средств государственного бюджета.

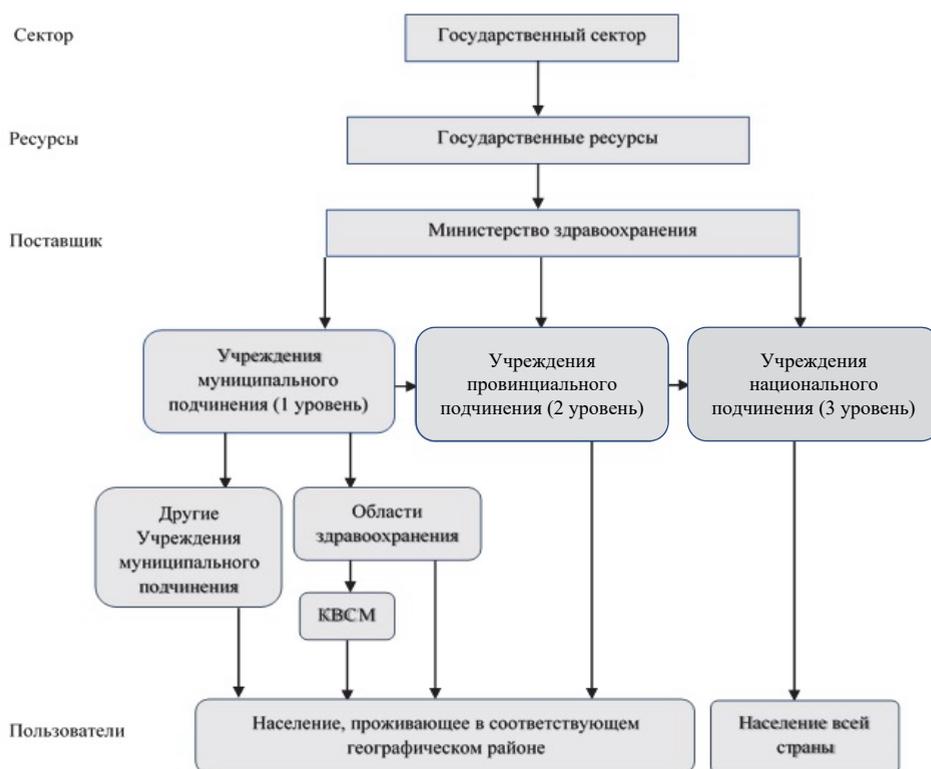

Рис. 2. Схема национальной системы здравоохранения Кубы:

КВСМ – кабинет врача и семейной медсестры

[Figure 2. Diagram of the national health system of Cuba:

KBCM – office of doctor and family nurse]

Источник: составлено авторами, на основе (Domínguez, Zaca, 2011).

Первый уровень медицинского обслуживания включает в себя общественные поликлиники, кабинеты семейного врача и медсестры, стоматологические клиники, родильные дома и т. д. Этот уровень играет существенную роль в

системе, так как здесь решаются основные профилактические задачи, проводятся укрепление здоровья и раннее выявление многочисленных заболеваний. Второй уровень обслуживания составляют больницы общего профиля, которые принимают пациентов, нуждающихся в госпитализации и направленных с первого уровня медицинской помощи. Третий уровень представлен специализированными больницами и институтами, которые находятся в национальном подчинении. Эти учреждения отвечают за решение наиболее сложных проблем в области здравоохранения, с которыми сталкивается население всего острова. В этом смысле необходимо добавить, что существует двойное подчинение, поскольку провинциальные учреждения здравоохранения и управления здравоохранения также подчинены провинциальным собраниям народной власти. Аналогично это происходит и на муниципальном уровне, где все подчинены муниципальным собраниям народной власти, хотя методологически они подчиняются провинциальным управлениям здравоохранения (Núñez, 2019).

Что касается поставщиков медицинских услуг, то таковым на Кубе выступает MINSAP, отвечающий за эту деятельность. Отсутствуют частные медицинские услуги и преобладает только государственный сектор. Таким образом, MINSAP является органом, отвечающим за руководство, осуществление и контроль всей политики здравоохранения кубинского государства, играющим важную роль в процессе управления НСЗ.

Получатели. Все граждане Кубы имеют свободный доступ к сети учреждений НСЗ. Такая привилегия поддерживается с начала революции, когда в Конституции 1976 года было заявлено, что все граждане имеют право на лечение и защиту своего здоровья, и именно государство гарантирует такое право⁵. Впоследствии в конституции от февраля 2019 года здоровье было конституционно зафиксировано как право всех людей, а также обязанность государства гарантировать доступ, безвозмездность и качество медицинской помощи, защиты и восстановительных услуг⁶. Это свидетельствует об уделении особого места общественному здравоохранению со стороны политических властей страны.

Преимущества Национальной системы здравоохранения. В целом кубинское общество получает существенную пользу от многочисленных программ здравоохранения, реализуемых сегодня НСЗ и имеющих весьма позитивные результаты. Среди них следует отметить такие программы, как материнско-детская, противовирусная, помощи пожилым людям, инвалидам, больным инфекционными и неинфекционными заболеваниями, борьбы с курением и наркоманией, программы в области онкологии, природной и народной медицины, вакцинации, проект врач и семейная медсестра и др. Все они имеют своей целью улучшение здоровья населения и для достижения этой цели выполняют соответствующие задачи мониторинга и контроля.

В этом контексте выделяется и программа по борьбе с наркотиками. Куба располагает базовой таблицей из 757 лекарственных средств, из кото-

⁵ Конституция Республики Куба, 1976 г. URL: <https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/6/2525/51.pdf> (дата обращения: 13.03.2020).

⁶ Конституция Республики Куба, 2019 г. URL: <http://www.granma.cu/file/pdf/gaceta/Nueva%20Constitución%20240%20KB-1.pdf> (дата обращения: 29.01.2020).

рых 619 считаются приоритетными, и большинство из них – национального производства. Они продаются в аптечной сети, в основном по рецепту врача и в некоторых случаях по субсидированным ценам. С другой стороны, стоимость других видов препаратов полностью берет на себя государство, а среди бенефициаров – беременные женщины, больные ВИЧ, туберкулезом и др. Кроме того, пользователи или клиенты получают лекарства бесплатно во время госпитализации. Однако необходимо отметить, что в последние годы поставки лекарств в аптечную сеть имели серьезные перебои и полный охват не был достигнут, несмотря на приложенные усилия. Только в 2016 году было зарегистрировано 100 случаев отсутствия наркотических средств, а в 2018 году этот недостаток сократился до 38⁷. Эта ситуация была в основном спровоцирована усилением блокирующих мер со стороны правительства Соединенных Штатов Америки, что несколько раз вынуждало менять провайдеров и не позволяло безопасно осуществлять платежи.

Финансирование. Кубинская НСЗ финансируется почти полностью за счет государственного бюджета, и в этом процессе MINSAP играет основополагающую роль. Именно министерство отвечает за распределение финансовых ресурсов между всеми звеньями системы через провинциальные и муниципальные собрания народной власти.

Интересно будет оценить динамику расходов государства на цели здравоохранения, а эти расходы в государственном бюджете страны постоянно возрастали. 2014 год является поворотным в этом отношении, поскольку был осуществлен процесс реформирования заработной платы, повышения оплаты труда всех работников, а также оплаты труда в ночное время. Поэтому значительная доля бюджетных расходов в этом секторе приходится на оплату труда работников.

Доля государственных расходов на цели здравоохранения, в процентах от валового внутреннего продукта, представляет собой показатель, отражающий то значение, которое кубинское правительство придает здравоохранению населения (рис. 3). В значительной степени это финансирование на поддержание того уровня НСЗ, который уже достигнут, но при этом ожидается, что в будущем это доля продолжить свой рост, в том числе среди прочих факторов, из-за старения кубинского населения.

Другая часть расходов в бюджете НСЗ покрывается Схемой финансирования в иностранной валюте для MINSAP (ECFD) (Galeano, 2019).

В основе этого источника финансирования лежат доходы самой НСЗ, которые в последнее время увеличились благодаря международным миссиям медицинского сотрудничества, различному экспорту пограничных медицинских услуг и предоставленным академическим услугам. Все это стало результатом использования человеческого капитала, которым располагает сектор, и реструктуризации программ медицинского сотрудничества, которые внесли решающий вклад в устойчивость НСЗ.

⁷ Ante compleja situación con los medicamentos, Cuba adopta medidas para su estabilización. URL: www.cubadebate.cu/especiales/2019/06/07/ante-compleja-situacion-con-los-medicamentos-cuba-adopta-medidas-para-su-estabilizacion/#.XunNSW5uLIU (accessed: 16.01.2020).

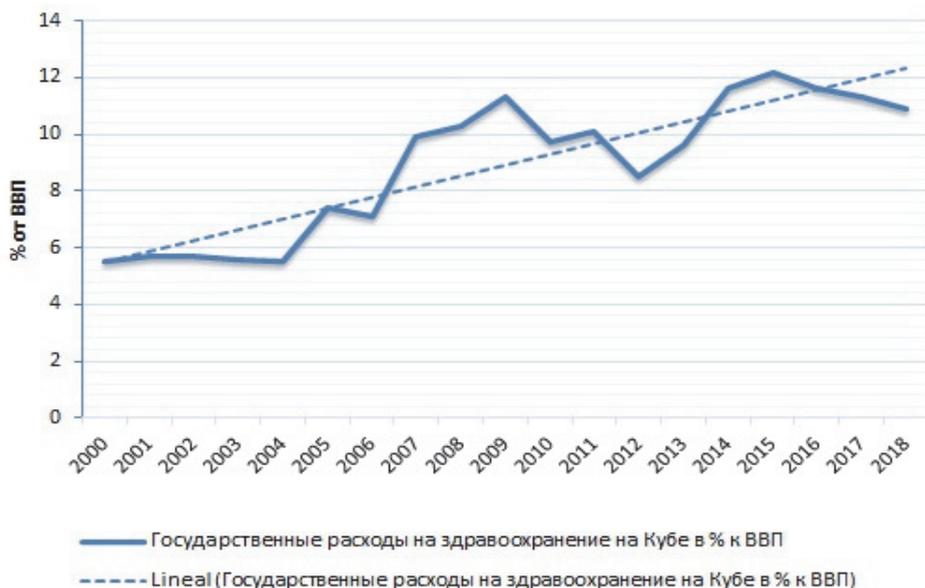

Рис. 3. Государственные расходы на здравоохранение на Кубе в % от ВВП
[Figure 3. Public spending on health in Cuba as % of GDP]

Источник: составлено автором на основе информации Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского Бассейна CEPAL. URL: <https://estadisticas.cepal.org/cepalstat/portada.html?idioma=English> (дата обращения: 17.07.2020).

Еще одним источником финансирования НСЗ являются собственные расходы граждан на медицинские услуги, однако статистические оценки в их отношении отсутствуют (Gálvez, 2018). Тем не менее это важный элемент, который тесно связан с финансированием служб здравоохранения.

Ресурсы. В 2018 году Куба оказала медицинскую помощь, располагая сетью из 150 больниц, 110 реанимационных отделений, 449 поликлиник, 111 стоматологических клиник, 131 роддома, 155 домов престарелых и 293 домов бабушек и дедушек. Кроме того, имелся запас в 5,5 коек на 1000 жителей. При сравнении количества учреждений с существующими в 2010 году по большинству учреждений отмечается их увеличения на 59 единиц, за исключением домов бабушек и дедушек, где наблюдается их некоторое уменьшение⁸. Необходимо подчеркнуть, что такое увеличение соответствует демографическому развитию страны, однако количество больниц уменьшилось, а следовательно, и количество коек на 1000 жителей, хотя этот последний показатель все еще выше, чем рекомендованный ВОЗ.

Для достижения полного охвата услугами здравоохранения в 2018 году в НСЗ было занято 485 479 работников, что составляет 6,7 % населения трудоспособного возраста. Из них 95 487 врачей (84,8 на 10 000 жителей), 85 732 медсестры (76,2 на 10 000 жителей), 18 910 стоматологов (16,8 на 10 000 жителей) и 90 640 средних техников. В учреждениях первичной медико-санитарной помощи (ПМСП) работали 13 070 врачей, они являются основой

⁸ Anuario estadístico de salud 2018 // INFOMED. URL: <https://files.sld.cu/dne/files/2011/04/anuario-2010-e-sin-graficos1.pdf> (дата обращения: 29.01.2020).

системы оказания медицинской помощи именно потому, что решают около 70–80 % проблем общественного здоровья (Morales et al., 2018). Как и ожидалось, эти показатели изменялись с течением времени. Если мы проанализируем 2010 и 2018 годы, можно увидеть, что такие категории, как количество врачей, стоматологов и других работников увеличилось.

Однако количество врачей, которые работали в 2018 году в учреждениях ПМСП, было значительно ниже, фактически оно сократилось на 64 %, поскольку в 2010 году этот показатель достигал 36 478 врачей. В этом смысле число медсестер и технического персонала также выделяется, последний составлял 29 % в 2010 году и 19 % в 2018 году (рис. 4).

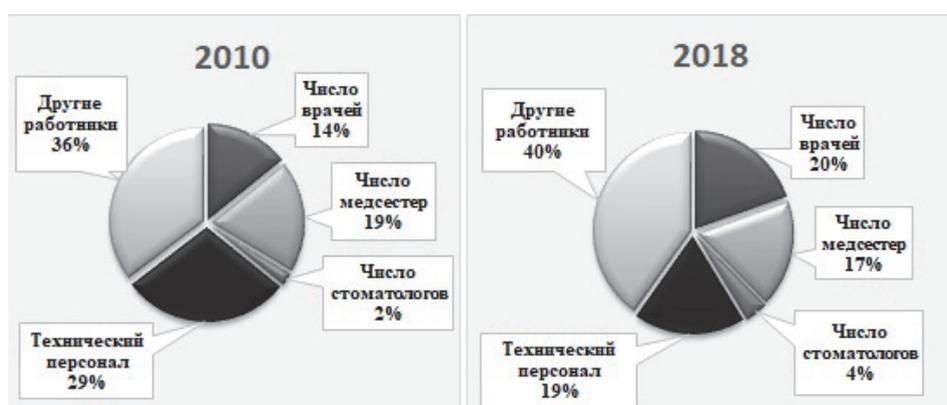

Рис. 4. Работники национальной системы здравоохранения Кубы, 2010 и 2018 гг.
[Figure 4. Workers of the national health system of Cuba, 2010 and 2018]

Источник: составлено авторами на основе Статистических ежегодников Кубы 2010 и 2018 годов Министерства здравоохранения (MINSAP). URL: <https://files.sld.cu/dne/files/2011/04/graficos-anuario-2010.pdf> (дата обращения: 17.07.2020); <https://files.sld.cu/bvscuba/files/2019/04/Anuario-Electr%c3%b3nico-Espa%c3%b1ol-2018-ed-2019-compressed.pdf> (дата обращения: 17.07.2020).

В целом такое поведение объясняется реформами, произошедшими в этом секторе в последние годы, и политикой экспорта медицинских услуг, проводимой страной.

Следует также добавить, что на Кубе существует 25 факультетов медицинских наук, которые остаются неизменными с 2010 года и являются центрами, отвечающими за подготовку медицинского персонала. Большую поддержку оказывают 12 научно-исследовательских институтов, отвечающих за развитие науки и соответствующих приоритетам и целям прогнозов в области общественного здравоохранения.

3. Неудовлетворенность населения медицинской помощью

В течение некоторого времени MINSAP ставил каждый год в качестве одной из своих целей повышение уровня удовлетворенности населения полученными медицинскими услугами. Это, безусловно, вопрос, который сохраняется и которому необходимо посвятить больше усилий и исследований.

Глубокий кризис, через который прошла Куба в 1990-х годах, когда распался Советский Союз, отразился на всех секторах экономики. Сфера здравоохранения также пострадала от этого воздействия, и, как следствие, доступ-

ность ресурсов была снижена. Кроме того, возрос спрос на медицинскую помощь, что отрицательно сказалось на качестве медицинской помощи, а значит, на удовлетворенности населения полученными услугами. Позднее этот результат был учтен в процессах реформирования отрасли, однако некоторые проблемы, возникшие тогда, остаются.

Хотя НСЗ имеет систему наблюдения за мнением о медицинских услугах, которая отвечает за наблюдение за всем, что связано с удовлетворенностью пользователей, публикаций, связанных с этой темой, не так уж много. На самом деле статистический ежегодник не содержит никакой информации на этот счет.

Однако в разные моменты времени некоторые авторы по этому вопросу ссылались на необходимость сокращения расточительности и неэффективности государственных программ здравоохранения для достижения более высокого уровня удовлетворенности населения (Houriet, 1998). Например, в больнице Hermanos Ameijeiras наиболее значимыми переменными, влияющими на уровень удовлетворенности населения, считались такие проблемы, как организация институциональных услуг, проблемы, связанные с информацией, этические проблемы, проблемы, связанные с материальными условиями (Zas, 2016). Существуют длинные хирургические очереди, иногда наблюдается нестабильность в качестве некоторых предоставляемых услуг. В области лидерства, управления, здравоохранения и финансовых услуг наблюдаются явления, которые ослабляют потенциал реагирования системы здравоохранения, такие как неэффективные процессы управления и администрирования (López et al., 2014). Финансовая поддержка еще не приводит к полному удовлетворению населения услугами и является основной причиной неудовлетворенности как отдельных лиц, так и всей национальной системы здравоохранения. В местных больницах есть длинные очереди, устаревшее оборудование и иногда нехватка квалифицированных врачей. Проблема низкой заработной платы является одной из самых острых, и молодые специалисты часто предпочитают выезжать за границу (Galiano et al., 2011).

Все это показывает, что многое еще предстоит сделать с точки зрения удовлетворенности пользователей здравоохранением. Необходимо будет глубоко исследовать причины, порождающие такое недовольство, чтобы правильно воздействовать на них, а также детально проанализировать процессы управления медицинскими учреждениями, с особым акцентом на больницы, потребляющие большую часть бюджета за счет гостиничной деятельности, которую они обязаны осуществлять, и интенсивного использования технологий. Мы знаем, что это трудная задача, когда причина неудовлетворенности связана с наличием ресурсов, поскольку условия, в которых развивается кубинская экономика, не являются обнадеживающими. Специалисты в области экономики здравоохранения будут играть важную роль в этом процессе, поскольку они должны предоставить руководителям современные инструменты для успешного принятия решений.

Заключение

В целом можно констатировать, что Министерству здравоохранения особенно трудно взять на себя почти все финансирование этого сектора в усло-

виях экономической ситуации, в которой находится остров, усугубляющейся из-за экономической и финансовой блокады, введенной США.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе Куба столкнется со старением населения и связанным с этим увеличением спроса на определенные медицинские услуги, вызванным заболеваниями, характерными для пожилых пациентов. В соответствии с вышеизложенным следует увеличить число учреждений, отвечающих за этот процесс.

Необходимо будет упорно работать над устранением причин, порождающих недовольство населения полученными услугами, и тем самым выполнить задачу MINSAP. Для этого следует внимательно следить за мнением пациентов и их семей, а также внедрять новые стратегии, связанные с управлением медицинскими учреждениями, способные поддерживать работу управления здравоохранением.

Список литературы / References

- Arias, J. (2002). Dengue en Cuba. *Revista Panamericana Salud Pública*, 11(4), 221–222.
- Domínguez, E., & Zacea, E. (2011). Sistema de salud de Cuba. *Salud pública de México*, 53(2), 168–176.
- Galeano, L., & Esquenazi, B. (2019). El sistema de salud cubano: una mirada a su forma de financiamiento. *Economía y Desarrollo*, 162(2), 16.
- Galiano, G., Izaguirre, R., Palma, A., Santoya, V., & Eng R. (2011). El funcionamiento del sistema provincial de salud en Granma desde sus potencialidades científico-técnicas: Retos y perspectivas. *Revista Médica Multi Med.*, 15(4), 1–11.
- Gálvez, A.M., González, R., Álvarez, M., Vidal, M.J., Suárez, N., & Vázquez, M. (2018). Consideraciones económicas sobre la salud pública cubana y su relación con la salud universal. *Revista Panamericana de Salud Pública*, 42(28), 1–8. <https://doi.org/10.26633/RPSP.2018.28>
- Gómez, O., Sesma, S., Becerril, V., Knaul, F., Arreola, H., & Frenk, J. (2011). Sistema de salud de México. *Salud Pública de México*, 53(2), 220–232.
- Granma. (n.d.). *En los servicios de salud no puede faltar calidad ni sensibilidad*. Retrieved July 20, 2020, from <http://www.granma.cu/cuba/2019-04-11/en-los-servicios-de-salud-no-puede-faltar-calidad-ni-sensibilidad-11-04-2019-22-04-25>
- Houriet, S. (1998). Evolución Macroeconómica y Salud en Cuba. *Macroeconomics, Health and Development Series*, (34), 1–44.
- Lazo, O., Alcalde, J., & Espinoza, O. (2016). *Sistema de salud de Perú, situación y desafíos* (pp. 1–79). Colegio médico del Perú.
- López, P., Segredo, A., & García, A. (2014). Estrategia de renovación de la atención primaria de salud en Cuba. *Revista Cubana de Salud Pública*, 40(1), 75–84.
- Maksimova, L., Omelyanovskii, V., & Sura, M. (2014). An analysis of the health care system of the leading countries. *Medical Technologies. Assessment and Choice*, 53(2), 37–45. (In Russ.)
- Максимова Л., Омеляновский В., Сура М. Анализ систем здравоохранения ведущих зарубежных стран // Медицинские технологии оценка и выбор. 2014. Т. 53. № 2. С. 37–45.
- Mariscal, M., Zamora, B., & Torrez, J. (2016). Análisis del sistema de salud mexicano y su comparación con Costa Rica, Paraguay, Canadá, Gran Bretaña y Alemania. *Revista Médico-Científico de la Secretaría de Salud Jalisco*, (3), 133–142.
- Milanés, L. (2020). Cuba, población de 60 años y más. *Cubahora. Primera revista digital de Cuba*. Retrieved April 6, 2020, from <https://www.cubahora.cu/sociedad/cuba-poblacion-de-60-anos-y-mas-parte-ii-mapa>

- Morales, R., Mas, P., Castell-Florit, P., Arocha, C., Valdivia, N., Druyet, D., & Menéndez J. (2018). Transformaciones en el sistema de salud en Cuba y estrategias actuales para su consolidación y sostenibilidad. *Revista Panamericana Salud Pública*, 42(25), 1–8. <https://doi.org/10.26633/RPSP.2018.25>
- Núñez, K. (2019). Los servicios públicos en Cuba. Especial referencia a la salud. *Iuris Dictio*, (24), 129–138. <http://dx.doi.org/10.18272/iu.v24i24.1455>
- The World Bank. (2019). *Life expectancy at birth, total (years) – Cuba*. Retrieved January 30, 2020, from <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?locations=CU>
- Tobar, F. (2000). Instrumento para el análisis del sector salud. *Medicina y Sociedad*, 23(2), 1–33.
- Zas, B. (2016). *Experiencias en Psicología hospitalaria* (p. 203). ALFEPSI.
- Zheltenkov, A. (2019). The features of the functional models of health care systems in developed countries. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics*, (2), 64–71. (In Russ.) doi: 10.18384/2310-6646-2019-2-64-72.
- Желтенков А. Особенности моделей функционирования систем здравоохранения в развитых странах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2019. № 2. С. 64–71. doi: 10.18384/2310-6646-2019-2-64-72.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 24 июня 2020 г.

Дата проверки: 22 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 18 августа 2020 г.

Для цитирования:

Пуло Очоа Я. Анализ национальной системы здравоохранения Кубы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 737–750. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-737-750>

Сведения об авторе:

Пуло Очоа Ярима, аспирант экономического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: yarikyba@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-737-750

Research article

Analysis of the national health system of Cuba

Yarima Pupo Ochoa

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. This article discusses a set of issues relevant to the current state of the health care system of the Republic of Cuba. The purpose of the study is to give an idea of the dynamics of national health development and compare the results achieved in this sector from 2010 to 2018. The consideration of these problems begins with a description of the demographic context that reflects the general health status of the population. The basic structure of the health system, beneficiaries and benefits in the field of health, sources of financing and expenditures on health, available resources and user satisfaction with the services received were also taken into account. The paper also provides an assessment of the main problems that the Ministry of Health will have to solve in the short and medium term, which will entail the need to develop and implement new management strategies for health institutions.

The study was based on a theory of analysis of the health sector adapted to the specifics of Cuban public health, providing guidance to the work of the Ministry of Health and health managers in order to achieve a higher level of satisfaction and quality.

Keywords: health care, Cuba, national health system

Article history:

Received: 24 June 2020

Revised: 22 July 2020

Accepted: 18 August 2020

For citation:

Pupo Ochoa, Y. (2020). Analysis of the national health system of Cuba. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 737–750. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-737-750>

Bio note:

Yarima Pupo Ochoa, PhD student of the Faculty of Economics of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: yarikyba@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-751-764

УДК 338:339

Научная статья

Реализация доктрины продовольственной безопасности России: оценка и перспективы

В.А. Тихомирова

ФГБУ «Агрорэкспорт»

Российская Федерация, 105064, Москва, Земляной вал, 9

Аннотация. Возрастающая политизация международной торговли продовольствием, а также стагнация мировой экономики вследствие эпидемии коронавируса еще раз подтвердили актуальность курса России по самообеспечению продовольствием. Воплощение в жизнь Доктрины продовольственной безопасности позволило преодолеть системные проблемы отечественного АПК и нарастить устойчивое производство базовой продукции растениеводства и водных биоресурсов. Однако ситуация в животноводстве не столь оптимистична: успехам по импортозамещению мяса птицы и свинины сопутствуют застойные явления в ресурсоемком производстве КРС и молочном животноводстве. Пересмотр Доктрины в январе 2020 года сместил акцент с самообеспечения сырьевыми продуктами АПК в сторону производства широкого спектра конкурентного продовольствия с высокой добавленной стоимостью. В статье анализируется динамика самообеспечения продовольствием в России, рассматривается текущее положение дел в основных отраслях отечественного агропроизводства и рыбохозяйственном комплексе, предлагаются перспективные направления развития.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, АПК, самообеспечение, продовольствие, международная торговля, экспорт, импорт

Введение

Человечество столкнулось с эпидемией, равной которой по разрушительному действию на мировую экономику не помнит современная история. Актуальное положение вещей в связи с распространением коронавируса COVID-19, карантинном и повсеместным ограничением производства ставит перед мировым сообществом новые вызовы, ответы на которые окажут влияние на трансформацию архитектоники современного нам мироустройства.

Повсеместное закрытие границ для движения товаров и рабочей силы констатировало отход от принципов глобализации, долгие годы являвшихся локомотивом развития человеческого общества. Взаимодополняемость и взаимозависимость национальных экономик, помимо очевидных преимуществ, негативно сказывались на развитии самообеспечения в России, в том числе и в

области агропроизводства. При этом данное обстоятельство отчасти компенсировалось наличием доступа к широкому ассортименту продовольствия и иной продукции АПК из стран, где для их производства по различным причинам сложились лучшие конкурентные условия.

Разрушение материально-технической базы отечественного сельскохозяйственного комплекса на протяжении 1990-х гг. и неустойчивый рост агропроизводства в начале 2000-х гг. были в первую очередь обусловлены становлением страны на «рыночные рельсы» и сопровождалась неконтролируемым импортом продуктов питания. Коренные изменения системы стали возможны лишь в 2010 г. с утверждением национальной Доктрины продовольственной безопасности, реализация принципов которой за сравнительно короткий период времени позволила России из нетто-импортера продуктов питания превратиться в одного из крупнейших мировых экспортеров продовольствия. Данный процесс сопровождался ограничением роли страны в международной кооперации вследствие санкционного противостояния с Западом. Глобальная экономико-политическая конъюнктура последних лет позволяет утверждать, что курс на самообеспечение продовольствием и развитие его переработки в будущем будет важным фактором стабильности национальной системы экономической безопасности.

Обзор литературы

Вопросы становления и реализации отечественной модели продовольственной безопасности активно обсуждаются в научных кругах. Развитию АПК России, повышению конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции, а также комплексной оценке реализации государственной политики в области обеспечения продовольственной безопасности посвящены труды И.Г. Ушачева (Ушачев, Чекалин, 2020). В контексте глобальных климатических изменений рассматривает продовольственную безопасность А.Г. Папцов, не менее важное место в его научных изысканиях занимает проблематика восстановления отечественной семенной базы в растениеводстве (Папцов, Шеламова, 2018; Папцов и др., 2019). Предметом изучения А.И. Алтухова выступает безопасность продовольствия, его социальная доступность, а также становление племенного дела в России (Алтухов, 2020; Алтухов и др., 2020). А.В. Гордеев подробно раскрывает практические аспекты реализации государственной политики в области сельского хозяйства (Ткачев и др., 2018). Передовой опыт обеспечения продовольственной безопасности на глобальном, региональном и национальном уровнях подробно проанализированы Л.С. Ревенко (Ревенко, Исаченко, 2017). Через призму внешнеэкономической безопасности рассматривает торговлю продовольствием И.В. Андропова (Андропова и др., 2020). В работах Е.В. Серовой отражены тенденции продвижения российской продукции АПК на мировых товарных рынках (Serova, Karlova, 2020).

Написание статьи происходило с опорой на отчетную документацию Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и Росрыболовства. Источниками эмпирических данных в области товарооборота продовольствием являются статистические порталы «Росстат» и Trademap. Для всесторонней оценки эффективности отечественной продовольственной системы были проанализированы данные Economist Intelligence Unit.

Методы и подходы

В процессе исследования использовался широкий спектр научных методов и подходов. В частности, на основании анализа нормативно-правовой базы по изучаемой проблематике для мониторинга состояния национальной системы продовольственной безопасности был выбран индикативный метод. Системный подход, статистический и сравнительный методы были применены при обработке данных из отечественных и зарубежных статистических баз. Комплексное применение вышеописанной методологии оценки позволяет выявлять текущие противоречия и предлагать возможные варианты их решения.

Результаты

С 1990-х гг. Россия прошла долгий путь по поиску национальной модели суверенитета, важное место при построении которой отводилось определению оптимального соотношения экспорта и импорта стратегически важных категорий товаров. При этом национальный рынок продовольствия фактически не контролировался и, в сущности, развивался на принципах фри-трейдерства. Рис. 1 наглядно иллюстрирует динамику самообеспечения России базовыми категориями продовольствия.

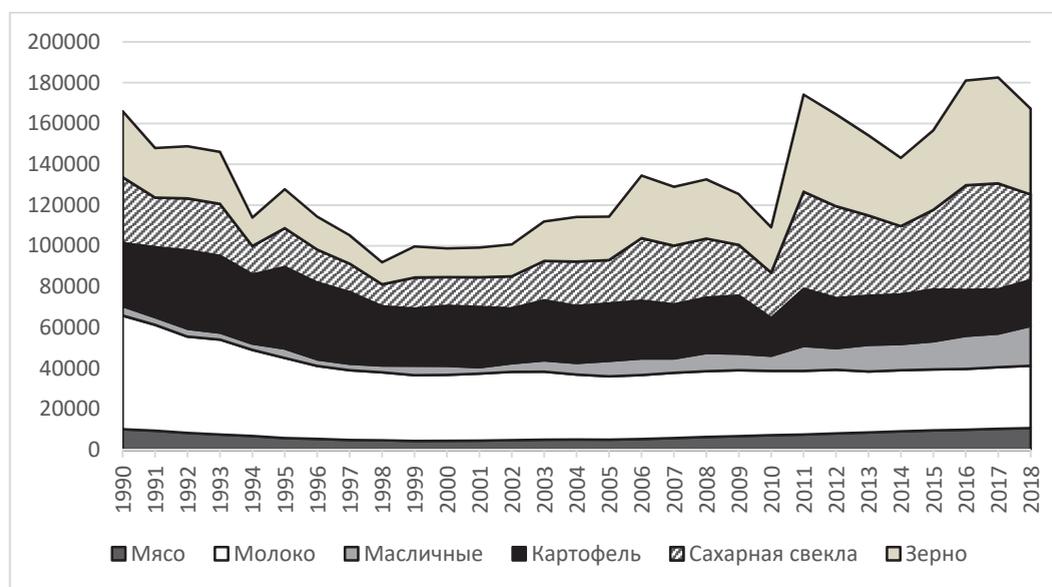

Рис. 1. Динамика производства стратегических категорий продовольствия, тыс. т
 [Figure 1. Dynamic of production strategical categories products, thousands tones]

Источник: составлено автором на основании данных Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/11188> (дата обращения: 25.05.2020).

Воплощение в жизнь Доктрины продовольственной безопасности 2010 года позволило увеличить продуктивность отечественного АПК. В качестве приоритетных для самообеспечения страны категорий продовольствия были выбраны мясо и мясопродукты, зерно, сахарная свекла, молоко и молокопродукты, подсолнечное масло, картофель, пищевая соль, водные биоресурсы.

За десятилетие удалось добиться устойчивого самообеспечения подавляющим большинством вышеперечисленных видов продукции, чему во многом поспособствовало введение торгового эмбарго. В частности, удалось существенно нарастить производство зерновых, на протяжении всей истории человечества игравших важнейшую роль в деле обеспечения выживания человечества. В настоящее время Россия производит зерно в объемах, позволяющих не только удовлетворять внутренние потребности, но и выступать в качестве крупнейшего мирового экспортера данной продукции.

Так, Министерство сельского хозяйства США (USDA) прогнозирует, что в 2020–2021 сельскохозяйственном году наша страна останется самым крупным мировым поставщиком пшеницы, экспорт которой из России составит порядка 35 млн т. Таким образом, экспорт пшеницы из России на 18,6 % превысит поставки пшеницы из ЕС и на 25,7 % – из США¹.

Последовавшие вслед за началом эпидемии коронавируса ослабление рубля и повышение международного спроса на пшеницу привели к увеличению объемов международных продаж отечественного зерна. В итоге для устранения рисков перебоев по обеспечению населения продовольствием на заседании Коллегии Евразийской экономической комиссии был установлен временный запрет на вывоз из стран Евразийского экономического союза злаков, крупы, муки грубого помола и гранул из зерна до конца текущего сельскохозяйственного года².

Данное обстоятельство вместе с увеличившимся в течение карантина потребительским спросом на продукты питания создает предпосылки к развитию отечественной мукомольной отрасли. Важно отметить, что отечественный экспорт муки невелик и в абсолютном выражении сопоставим лишь с 1–2 % экспортных поставок зерна³. Переработка зерновых внутренними силами в будущем может не только создать новые рабочие места в стране, но и расширить экспорт продовольствия с высокой добавленной стоимостью на рынки, в настоящий момент закрытые для российского экспорта ввиду несоответствия отечественного зерна фитосанитарным требованиям.

Потребление картофеля, как и мучной продукции, в России традиционно велико. Однако последнее десятилетие охарактеризовалось тенденцией по снижению посевов картофеля при увеличении производительности культуры. Площади, занятые в производстве картофеля, сократились более чем на 21 %, при этом валовой сбор показал снижение только на 16,2 % и по состоянию за 2019 год составил чуть более 22 млн т⁴. По прогнозу Картофельного союза в

¹ USDA Report May 2020 // USDA. URL: <https://downloads.usda.library.cornell.edu/usda-esmis/files/5q47m72z/z890sd52n/hd76sk58s/production.pdf> (accessed: 05.06.2020).

² Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 марта 2020 г. № 43 «О внесении изменений в Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349221/ (дата обращения: 06.06.2020).

³ International Trade Center. URL: https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c%7c100110%7c%7c%7c6%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c2%7c1 (accessed: 06.06.2020).

⁴ Отчет правительства «Основные результаты работы Министерства сельского хозяйства Российской Федерации в 2018 году» / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации.

2020 году ожидается дальнейшее снижение объемов производства. Стагнация сектора во многом связана с насыщенностью внутреннего рынка данным видом продукции, низкой маржинальностью, недостаточным развитием отечественной семенной базы, а также сезонностью производства.

На текущий момент в России перерабатывается не более 20 % производимого картофеля. Являясь нетто-экспортером картофеля, наша страна импортирует широкий спектр продуктов его переработки. В частности, поставки картофельного крахмала и замороженных полуфабрикатов, широко применяемых в индустрии HoReCa, за прошлый год составили порядка 385 тыс. т. Увеличение объемов переработки российского картофеля позволит не только увеличить доходность и расширить ассортимент производимого продовольствия, но и обеспечит равномерный потребительский спрос.

Улучшение общей экономической ситуации в стране повысило доступность для населения белка из мяса и мясопродуктов, доступ к которым в 1990-е гг. был ограничен. В мясном животноводстве произошел разворот от производства говядины к наращиванию объемов самообеспечения мясом птицы и впоследствии свининой. При этом необходимо учитывать, что производство говядины в России исторически не получало должного развития ввиду национальных особенностей и, как следствие, отсутствия отечественной племенной базы мясного КРС. Несмотря на физическое наличие достаточного количества данного вида продовольствия в конце прошлого века, говядина являлась побочным продуктом молочного животноводства, что не могло не отразиться на качестве мяса. Открытие отечественного рынка широкомасштабному импорту, в том числе и продуктов питания, способствовало сокращению хозяйств подотрасли, кризисные явления в которой до сих пор не преодолены. В 2000-х гг. отечественный рынок говядины более чем на 35 % состоял из импорта, на данный момент его долю удалось сократить лишь до 18 %.

Развал коллективных форм хозяйствования и тотальное обнищание населения в 1990-х гг. обусловили поиск новых форм производства мясного белка, доступного широким слоям населения. Птицефабрики в силу быстрой окупаемости, относительно небольших инвестиций, высокой маржинальности и наличия широкой кормовой базы смогли быстро насытить внутренний спрос на свежее и качественное мясо птицы (рис. 2). Во многом именно успехи в производстве мяса птицы стали драйвером дальнейшего развития отрасли мясного животноводства.

Следующим этапом восстановления животноводства стало увеличение объемов самообеспечения свининой. Субсидирование подотрасли со стороны государства позволило за последнее десятилетие наполнить внутренний рынок свининой отечественного производства и существенно снизить ее себестоимость. Из нетто-импортера свинины Российская Федерация стала страной с устойчивым самообеспечением данным видом мяса и развила экспортные

мощности. По итогам 2019 года отечественные компании поставили за рубеж более 60 тыс. т свинины⁵.

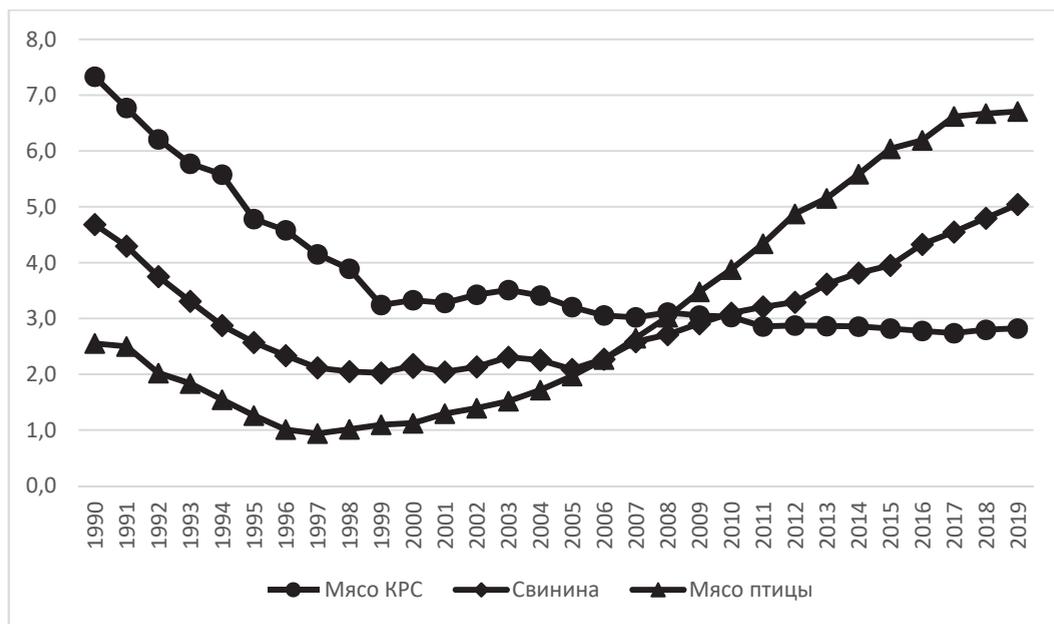

Рис. 2. Производство скота и мяса птицы, тыс. т
[Figure 2. Livestock and poultry meat production, thousands tones]

Источник: составлено автором на основании данных Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/11188> (дата обращения: 25.05.2020).

За последние 10 лет потребление мяса в России увеличилось на 9,1 % и составляет чуть менее 77 кг в год на человека. Удалось практически полностью удовлетворить внутренние потребности в свинине и мясе птицы, а также перейти от их импорта к экспорту. Стагнация производства мяса КРС в первую очередь связана с исключительно длительными (по сравнению с другими подотраслями мясного животноводства) сроками окупаемости проектов по выращиванию мясного поголовья, которые могут превышать 11 лет. При этом стратегически важно изменить структуру поголовья КРС в сторону увеличения доли животных мясных пород, а также разделить молочное и мясное животноводство.

Производство говядины путем убоя молочного поголовья КРС повлекло за собой застойные явления в молочной подотрасли. Несмотря на государственную поддержку, отечественные предприятия не в состоянии обеспечить достаточные для самообеспечения объемы молока и молокопродуктов, сопоставимые с показателями 1990 г. Сокращение отечественной племенной базы молочного КРС произошло по причине низкой маржинальности, сложности технологии производства, отсутствия у фермеров доступа к льготным кредитам и длительного периода выхода новых предприятий на рента-

⁵ International Trade Center. URL: https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c%7c100110%7c%7c%7c%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c2%7c1 (accessed: 07.06.2020).

бельность (который по разным оценкам составляет от 7 до 10 лет). Вместе с тем падение объемов потребления молочного белка россиянами, произошедшее за последние годы, напрямую коррелируется со снижением экономической доступности данной продукции для населения.

Переход на рыночные рельсы благотворно отразился на сегменте масличного растениеводства. Необходимо отметить, что, начиная с 80-х гг. прошлого века, наметилась тенденция увеличения зависимости страны от импорта пищевых растительных масел, в итоге в XXI в. Россия вошла как нетто-импортер продукции переработки масличных. Коренной перелом наступил в середине 2000-х гг. с введением таможенных пошлин, с одной стороны, ограничивающих импорт растительного масла, с другой стороны, регулирующих экспорт семян подсолнечника. Данный комплекс мер простимулировал переработку сырья внутренними силами, и по состоянию на 2019 г. самообеспечение масличными по сравнению с 1990 г. увеличилось почти в пять раз⁶. Увеличение объемов производства растительных масел оказало положительное влияние на смежные отрасли АПК, в частности на животноводство, так как побочным продуктом переработки масличных являются используемые в качестве кормовой базы для животных жмыхи и шроты. В настоящий момент данная отрасль растениеводства полностью покрывает внутренний спрос и обладает серьезным экспортным потенциалом. Из нетто-импортера за 15 лет Россия смогла стать одним из крупнейших поставщиков растительного масла в мире, по объемам продаж уступая лишь Украине и Аргентине.

Самообеспечение натуральными консервантами, сахаром и пищевой солью стратегически значимо для производства продукции АПК с высокой добавленной стоимостью. Созданная еще в прошлом веке индустрия переработки сахарной свеклы обладала разветвленной инфраструктурой, часть которой после распада Советского Союза унаследовала Россия. Сокращение посевов, пришедшееся на экономически неблагоприятные для аграрного сектора 1990-е гг., привело к увеличению импорта сахара-сырца более чем на 60 %. Защитить отечественное производство от ценового демпинга со стороны импорта позволило введение в 2000 г. тарифных квот на поставки сырья из Латинской Америки, а применение практики продовольственного эмбарго позволило к 2017 г. практически полностью отказаться от закупок сахара за рубежом. Сейчас задача по самообеспечению данным видом продовольствия решена, вместе с тем растут экспортные мощности отечественной сахарной индустрии, поставки продукции которой за первые два месяца 2020 г. составили более 250 тыс. т⁷.

Несмотря на успехи в производстве сахара, для России все еще характерны недостаточные объемы самообеспечения пищевой солью, производство которой за десятилетие так и не достигло установленных Доктриной инди-

⁶ Показатели, характеризующие импортозамещение в России / Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/11188> (дата обращения: 25.05.2020).

⁷ International Trade Center. URL: https://www.trademap.org/Product_SelCountry_MQ_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c%7c%7c17%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c2%7c2%7c3%7c1%7c2%7c1%7c1 (дата обращения: 06.06.2020).

каторов. Опираясь на тезис, что на долю Российской Федерации приходится пять крупных мировых месторождений пищевой соли, можно сделать вывод, что запасы пищевой соли в России в обозримой перспективе весьма обширны. При этом доля импортной продукции в отечественных товарных ресурсах все еще велика. С 2014 г. закупки соли за рубежом снизились почти на 30 % и по итогам 2019 г. составили порядка 1,4 млн т стоимостью 85 млн долл. США. Данный процесс сопровождался увеличением доли Казахстана до 26,7 % в общей структуре импорта пищевой соли и стабильно высоким уровнем закупок из Республики Беларусь, на которые за последние пять лет приходится порядка 50 % поставок⁸. Ввиду возрастающей политизации хозяйственных связей на постсоветском пространстве отечественному АПК необходимо больше внимания уделять интенсификации производства пищевой соли внутренними силами.

Актуальность самообеспечения рыбой и водными биоресурсами в контексте мировых тенденций в области обеспечения продовольственной безопасности сложно переоценить. Уникальное географическое положение России, а также глобальные климатические изменения последних лет дают отечественным рыбопромышленным предприятиям существенные преимущества в освоении ресурсов мирового океана, в первую очередь в Арктике. Смещение вектора развития отрасли с экспортно-сырьевой модели вылова рыбы на переработку сырья внутренними ресурсами привело к увеличению физической и экономической доступности для россиян рыбопродуктов и повысило удельный вес отечественной рыбной продукции в общем объеме товарных ресурсов до 81 %. За время реализации программы внутреннее производство увеличилось до 238,7 тыс. т в год, а прирост объемов производства продукции аквакультуры составил более 70,5 %⁹.

В настоящий момент по самообеспечению подавляющим большинством приоритетных продуктов достигнута положительная динамика и их производство сопоставимо или превысило показатели начала 1990-х годов. Своевременное проведение в жизнь норм Доктрины продовольственной безопасности позволило за десятилетие существенно увеличить производство зерна, растительного масла, сахара, картофеля, мяса птицы и свинины (см. таблицу), а Россия за сравнительно короткий период времени из нетто-импортера продуктов питания превратилась в одного из крупнейших поставщиков продовольствия в мире. Важно отметить, что курс на импортозамещение в отечественном АПК сопровождался нарастанием политизации международной торговли, в том числе и товарооборота продовольствием. Бойкот Россией импорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья из ЕС и США в рамках контрсанкций послужил оптимизации товарооборота продовольствием в сторону уменьшения дефицита торгового баланса, динамика которого проиллю-

⁸ International Trade Center. URL: https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c%7c%7c2501%7c%7c%7c6%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1 (accessed: 06.06.2020).

⁹ Результаты реализации государственной программы / Федеральное агентство по рыболовству. URL: http://fish.gov.ru/files/documents/otraslevaya_deyatelnost/ekonomika_otrasli/gos_programma/rezultaty_realizatsii_gosprogrammy.pdf (дата обращения: 05.06.2020).

стрирована на рис. 3. Воплощение в жизнь политики протекционизма в агро-секторе позволило нарастить внутреннее производство импортозамещения ранее нерентабельного ввиду широкомасштабных импортных поставок.

Таблица

**Удельный вес сельскохозяйственной продукции,
сырья и продовольствия отечественного производства в общем объеме ресурсов
внутреннего рынка (с учетом структуры переходящих запасов), %**

Показатель	Годы							Пороговое значение согласно Доктрине 2010	Пороговое значение согласно Доктрине 2020
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019		
Зерно	98,4	98,9	99,2	99,2	99,3	99,4	99,7	95	95
Масло растительное	81,4	85	82,5	83,9	85	81,5	82,3	80	90
Сахар	93	93,2	94,2	95	96	95,7	95,5	80	90
Картофель	97	96,3	96,2	96,2	95,3	94,9	95,0	95	95
Мясо и мясопродукты	77,3	81,9	87,1	88,7	90,2	92,8	92,6	85	85
Молоко и молокопродукты	76,1	76,6	78,9	79,8	80,8	84,2	83,6	90	90
Соль пищевая	50,4	45,2	65,8	65,3	61,5	64,2	–	85	85

Источник: составлено автором на основании данных официального интернет-портала Министерства сельского хозяйства Российской Федерации.

Table

**Share of agricultural products, raw materials and food of domestic production
in the total volume of resources of the domestic market
(taking into account the structure of carry-over stocks), %**

Indicator	Years							Threshold value according to Doctrine 2010	Threshold value according to Doctrine 2020
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019		
Corn	98,4	98,9	99,2	99,2	99,3	99,4	99,7	95	95
Vegetable oil	81,4	85	82,5	83,9	85	81,5	82,3	80	90
Sugar	93	93,2	94,2	95	96	95,7	95,5	80	90
Potatoes	97	96,3	96,2	96,2	95,3	94,9	95,0	95	95
Meat and meat products	77,3	81,9	87,1	88,7	90,2	92,8	92,6	85	85
Milk and milk products	76,1	76,6	78,9	79,8	80,8	84,2	83,6	90	90
Salt	50,4	45,2	65,8	65,3	61,5	64,2	–	85	85

Source: compiled by the author on the basis of data from the official Internet portal of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation.

Тезис об укреплении отечественной системы продовольственной безопасности находит подтверждение и в иностранных источниках. Согласно данным Economist Intelligence Unit Фонда Аденауэра, индекс продовольственной безопасности нашей страны с момента введения продовольственного эмбарго в конце 2014 г. имеет устойчивую тенденцию к укреплению. Фонд прогнозирует к 2021 г. увеличение доли сельского хозяйства в ВВП

России до 1,7 %¹⁰. Вместе с тем динамика рейтинга России в системе Food security index стагнирует, что означает более низкие темпы развития отечественной системы продовольственной безопасности по сравнению с другими странами – участниками исследования (см. рис. 4).

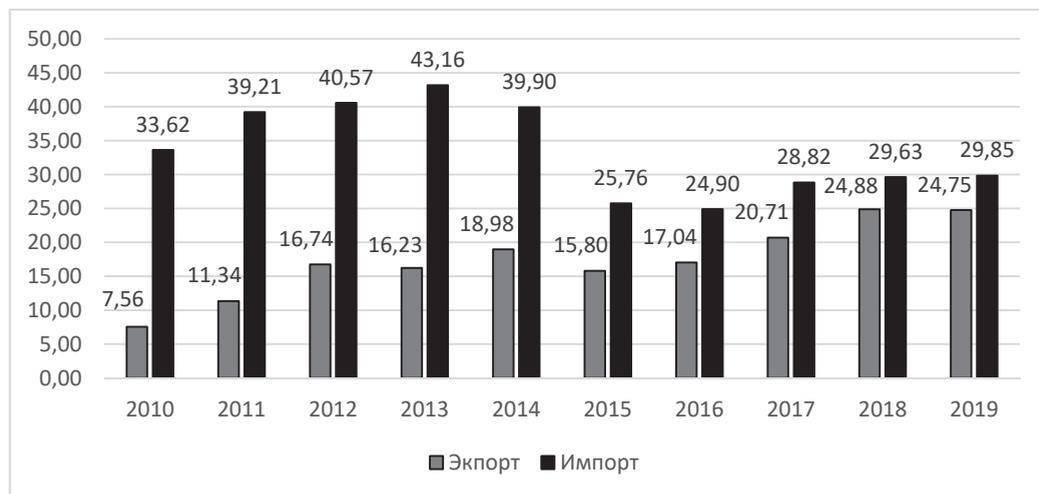

Рис. 3. Соотношение экспорта и импорта продовольствия в России в 2010–2019 гг., млрд долл. США
[Figure 3. Ratio of food production' export and import in Russia in 2010–2019, bln doll.]

Источник: составлено автором на основании данных International Trade Center. URL: https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c%7c%7c117226%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 12.06.2020).

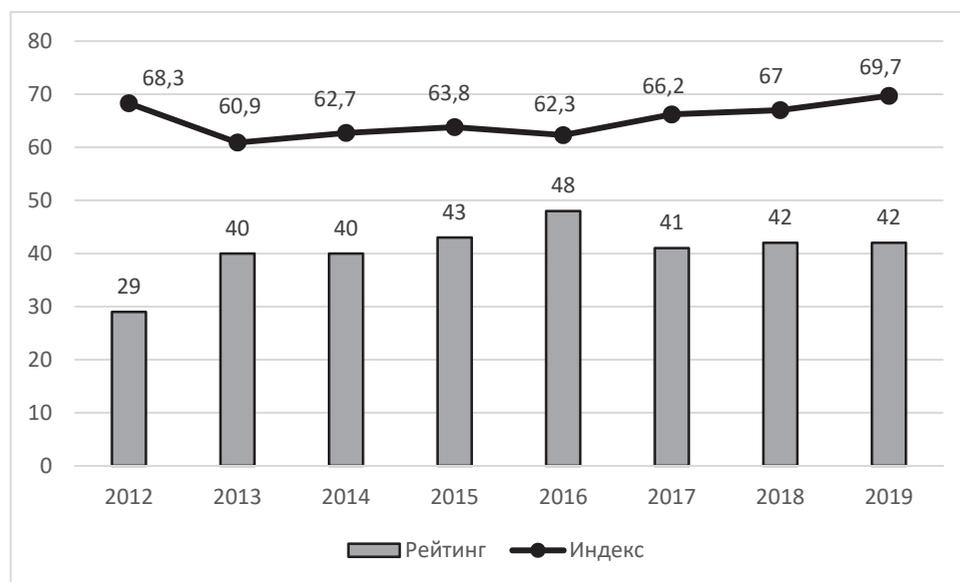

Рис. 4. Динамика обеспечения продовольственной безопасности в России согласно оценке Economist Intelligence Unit
[Figure 4. Dynamic of food security in Russia in accordance with Economist Intelligence Unit]

Источник: составлено автором на основании данных Economist Intelligence Unit. URL: https://www.gks.ru/enterprise_economy (дата обращения: 10.06.2020).

¹⁰ Country profile: Russia / Economist Intelligence Unit. URL: <http://country.eiu.com/russia> (accessed: 10.06.2020).

Таким образом, за десятилетие реализации Доктрины продовольственной безопасности Россия существенно продвинулась на пути к самообеспечению базовыми продуктами питания, стала более устойчивой к внешним угрозам и на фоне повсеместного сокращения национальных экономик имеет существенный экспортный потенциал.

Заключение

Пересмотр Доктрины в 2020 г. был в первую очередь связан с достижением основных целевых показателей предыдущей редакции и объективно назревшей необходимостью введения в перечень приоритетных продуктов овощей (с самообеспечением не менее 90 %), бахчевых культур (не менее 90 %), фруктов и ягод (не менее 60 %), стратегически важных для поддержания активной и здоровой жизнедеятельности населения.

Комплексный характер Доктрины проявляется и в поддержке отечественных исследований в области селекции семян основных сельскохозяйственных культур, самообеспечение которыми в итоге должно составить не менее 75 % от общей структуры семенного фонда страны¹¹. При этом прорывных решений в области развития отечественного племенного фонда в животноводстве пока нет. Дополнение Доктрины данным целевым ориентиром окажет позитивное влияние на разведение племенного поголовья молочного и мясного КРС, импорт которых требует значительных материальных вложений со стороны фермеров.

Последствия эпидемии коронавируса еще раз подчеркнули значимость выбранного курса в развитии отечественного АПК. Нарушение цепочек поставок продовольствия ввиду эпидемиологических сложностей и всевозрастающая политическая напряженность оказывают деструктивное воздействие на международную кооперацию. Как следствие, проблема бесперебойного обеспечения продукцией АПК выходит на передний план и занимает ключевое место в повестке Всемирной организации здравоохранения, Всемирной торговой организации и ООН (ФАО). Государства по всему миру наращивают резервы продовольственных товаров. Так, полностью зависимый от импорта продуктов питания Китай с начала года в разы увеличил закупки продукции АПК, в том числе из Российской Федерации, а Индонезия, Индия, Египет и страны Ближнего Востока наращивают резервы стратегических категорий продовольствия¹².

Воплощение в жизнь обновленной Доктрины позволит России увеличить производство и экспорт продукции АПК, что в свою очередь снизит риск невыполнения импортных поставок, а также будет способствовать диверсификации категорий производимого продовольствия. Вместе с тем создание отечественных семенного и племенного фондов поможет внедрению полного цикла производства продовольствия, независимого от мировой конъюнктуры.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (дата обращения: 21.05.2020).

¹² Официальный интернет-портал МСХ КНР. URL: <http://www.moa.gov.cn/xw/bmdt/202006/t202006176346653.htm> (дата обращения: 17.06.2020).

Список литературы

- Алтухов А.И.* Первоочередные меры по реализации новой Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // *Экономика сельского хозяйства России*. 2020. № 3. С. 2–10.
- Алтухов А.И., Серегин С.Н., Сысоев Г.В.* Отечественное племенное дело: ограничения и основные приоритеты // *Переработка молока*. 2020. № 1 (243). С. 58–61.
- Андропова И.В., Гарибова Ф.М., Миновска М.* Россия и ЕС: динамика и структура торговых отношений // *Экономические стратегии*. 2020. Т. 22. № 1 (167). С. 39–40.
- Папцов А.Г., Алтухов А.И., Каишевров Н.И., Петрушкевич П.М., Денисов А.С., Рудой Е.В. и др.* Прогноз научно-технологического развития отрасли растениеводства, включая семеноводство и органическое земледелие России, в период до 2030 года / Новосибир. гос. аграр. ун-т; Сиб. федер. центр агробиотехнологий РАН; ФИЦ Институт цитологии и генетики СО РАН; ФНИЦ ВНИИЭСХ. Новосибирск: Золотой колос, 2019. С. 43–55.
- Папцов А.Г., Шеламова Н.А.* Глобальная продовольственная безопасность в условиях климатических изменений: монография. М.: РАН, 2018. С. 84–94.
- Ревенко Л.С., Исаченко Т.М.* Рыбохозяйственная политика России в контексте новых вызовов: Северное измерение // *Горизонты экономики*. 2017. № 6 (39). С. 87–89.
- Ткачев А.Н., Гордеев А.В., Алтухов А.И. и др.* Приоритетные направления развития агропромышленного комплекса России / под общ. ред. А.Н. Ткачева. М.: Технология ЦД, 2018. 416 с.
- Ушацев И.Г., Чекалин В.С.* Новая Доктрина продовольственной безопасности и меры по реализации ее основных положений // *АПК: экономика, управление*. 2020. № 4. С. 5–9.
- Serova E., Karlova N.* Prospects of the market for Russian agri-food exports // *Russian Journal of Economics*. 2020. Vol. 6. № S1. Pp. 71–90.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 июня 2020 г.

Дата проверки: 14 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 23 июля 2020 г.

Для цитирования:

Тихомирова В.А. Реализация доктрины продовольственной безопасности России: оценка и перспективы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2020. Т. 28. № 4. С. 751–764. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-751-764>

Сведения об авторе:

Тихомирова Вера Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика, менеджмент и маркетинг» Московской международной академии; главный специалист отдела специальных проектов ВЭД Управления стратегических коммуникаций и продвижения продукции АПК ФГБУ «Агрорэкспорт». E-mail: vera-t@myrambler.ru

Implementation of the doctrine of food security in Russia: assessment and prospects

Vera A. Tikhomirova

FSBI “Agroexport”

9 Zemlyanoy Val St, Moscow, 105064, Russian Federation

Abstract. The increasing politicization of international food trade, as well as the stagnation of the world economy due to the coronavirus epidemic, once again confirmed the relevance of Russia's self-sufficiency in food. The implementation of the Food Security Doctrine has made it possible to overcome the systemic problems of domestic agriculture and increase the sustainable production of basic crop products and aquatic biological resources. However, the situation in livestock farming is not so optimistic: stagnation in resource-intensive cattle production and dairy farming is accompanied by success in import substitution of poultry and pork meat. The revision of the doctrine in January 2020 shifted the focus from self-reliance on agricultural commodities to the production of a wide range of competitive high value-added foods. The article analyzes the dynamics of self-sufficiency in food in Russia, examines the current state of affairs in the main sectors of domestic agricultural production and the fishery complex, and offers promising areas of development.

Keywords: food security, agribusiness, self-sufficiency, food, international trade, export, import

References

- Altukhov, A.I. (2020). Pervoocherednye mery po realizacii novej Doktriny prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Priority Measures for Implementing the New Doctrine of Food Security of the Russian Federation]. *Agricultural Economics of Russia*, (3), 2–10.
- Altukhov, A.I., Seregin, S.N., & Sysoev, G.V. (2020). Otechestvennoe plemennoe delo: Ogranichenija i osnovnye priority [Domestic breeding: Restrictions and main priorities]. *Milk processing*, 1(243), 58–61.
- Andronova, I.V., Garibova, F.M., & Minovska, M. (2020). Rossija i ES: Dinamika i struktura torgovyh otnoshenij [Russia and the EU: Dynamics and structure of trade relations]. *Economic strategies*, 22(1–167), 39–40.
- Papstov, A.G., & Shelamova, N.A. (2019). *Global'naja prodovol'stvennaja bezopasnost' v uslovijah klimaticeskikh izmenenij* [Global Food Security in the Context of Climate Change] (pp. 84–94). Moscow, RAS Publ.
- Papstov, A.G., Altukhov, A.I., Kashevarov, N.I., Petrushkevich, P.M., Denisov, A.S., Ore, E.V., et al. (2019). *Prognoz nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya otrasli rastenievodstva, vklyuchaya semenovodstvo i organicheskoe zemledelie Rossii, v period do 2030 goda* [Forecast of scientific and technological development of the plant growing industry, including seed production and organic farming in Russia, up to 2030] (pp. 43–55). Novosibirsk, Zolotoi kolos Publ.
- Revenko, L.S., & Isachenko, T.M. (2017). Rybohozajstvennaja politika Rossii v kontekste novyh vyzovov: Severnoe izmerenie [Russia's Fisheries Policy in the Context of New Challenges: The Northern Dimension]. *Horizons of the Economy*, 6(39), 87–89.

- Serova, E., & Karlova, N. (2020). Prospects of the market for Russian agri-food exports. *Russian Journal of Economics*, 6(S1), 71–90.
- Tkachev, A.N., Gordeev, A.V., Altukhov, A.I., et al. (2018). *Prioritetnye napravleniya razvitiya agropromyshlennogo kompleksa Rossii* [Priority directions of development of the agro-industrial complex of Russia]. Moscow, Tekhnologiya TsD Publ.
- Ushachev, I.G., & Chekalin, V.S. (2020). Novaja Doktrina prodovol'stvennoj bezopasnosti i mery po realizacii ee osnovnyh polozhenij [New Doctrine of Food Security and Measures to Implement its Main Provisions]. *AIC: Economics, Management*, (4), 5–9.

Article history:

Received: 18 June 2020

Revised: 14 July 2020

Accepted: 23 July 2020

For citation:

Tikhomirova, V.A. (2020). Implementation of the doctrine of food security in Russia: Assessment and prospects. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 751–764. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-751-764>

Bio note:

Vera A. Tikhomirova, PhD in Economics, Docent of the Department «Economics, Management and Marketing» of the Moscow International Academy; senior specialist of the Department of Strategical Communications, Management and Production Promotion of the FSBI “Agroexport”. E-mail: vera-t@myrambler.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-765-777

UDC 331

Research article

Micro-business in France: specificity, role in the national economy, system of state support

Zhanna N. Komissarova

Moscow State Institute of International Relations (University) of
the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO University)
76 Vernadskogo Ave, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract. Micro-business functioning has a significant impact on the state of the economy and social sphere of any country. The French pattern is noteworthy because a country, that had been aiming at the development of large groups for a long time earlier, only in two decades managed to build a successful system of governmental support for micro-business that includes both specific and common measures for small and medium-sized enterprises (SMEs). The study attempts to identify current development trends of the micro-business in France and also to analyse the effectiveness of the state support system provided for the activities of the considered category of the economic entities. Depending on the nature of the subject matter, the author used such methods and approaches of scientific knowledge as induction and deduction, analysis and synthesis, system-structural, comparative and statistical analysis. The study analyses in detail the current development trends of the micro-business in France, including its sectorial and regional specifics, estimates the contribution of micro-enterprises to the economic and social development of the country and deeply examines the system of state support. Micro-enterprises take an important place in the French economy by providing one fifth of the employment in the country and the same share of value added. Meanwhile, micro-enterprises are quite weakly oriented towards export because their activities are targeted mainly at the local markets and concentrated in the services sector. Micro-enterprises contribute little to research and development (considering the percentage of total expenditure on research and development and the percentage of total employment in scientific research sector). However, micro-business remains an absolute leader in terms of research and development intensity by spending almost one third of its turnover on researches and considering the share of the direct financial assistance from the state in total expenditures on scientific researches. To date, a sufficiently effective system of public support to micro-business has been formed in France. Apart from providing financial assistance, the system includes substantial tax benefits and simplified taxation schemes, easy reporting system and simple procedures for filing tax return, facilitated social regime, simplification of major bureaucratic formalities and strong information support in all stages of functioning of an enterprise.

Keywords: economy of France, micro-enterprise, role of micro-business in national economy, system of state support for micro-business, micro-enterprise regime, tax exemption

Introduction

Review of experience in micro-business functioning of the particular countries is topical since micro-enterprises have a significant impact on the state of

the economy and social sphere. By being a significant source of employment, they provide reduction of unemployment, improved human welfare and reduced social burden on the national budget.

The important directions of French policy in the post-war period were the implementation of the state program aimed at strengthening the country's political and economic power, the promotion of production concentration and the centralization of capital. One of the major results of this policy became a rapid development of the large groups and growth of their international economic activities from the mid-1970s. Nevertheless, the number of self-employed workers was nearly halved from the mid-1970s to the mid-2000s. The situation began to change in the late 2000s due to the establishment of a specific regime for micro-entrepreneurs. The French model is noteworthy because a country, aimed at the development of large groups for a long time earlier, has managed to build a successful system of governmental support for micro-business only in two decades. The system includes both specific and common measures for small and medium-sized enterprises (SMEs).

Review of the literature

General issues related to the research are widely discussed in scientific circles. The theoretical aspects of SMEs (including micro-business) functioning are reflected in a number of works both Russian (Barinova et al., 2019) and foreign (Arlotto et al., 2011; Marniesse, 2000) economists. The matter of its role estimation for the national economy and social sphere are reviewed by N.L. Vlasova (Vlasova, 2015), N.V. Zakharova, A.V. Labudin (Zakharova, Labudin, 2017), J. Arlotto, A. Cyr, O. Meier, J. Pacitto (Arlotto et al., 2011), K. Kushnir, M. Mirmulstein, R. Ramalho (Kushnir et al., 2010) et al. The study of the activities within the frames of country-specific circumstances and system of state support for small business entities is conducted in the works of N.V. Zaharovoj, A.V. Labudina (Zakharova, Labudin, 2017), Zh.N. Komissarovoj (Komissarova, 2015), V.A. Barinovoj, S.P. Zemcova, A.Yu. Knobel, A.N. Loshchenkovoij (Barinova et al., 2019), K. Kushnir, M. Mirmulstein, R. Ramalho (Kushnir et al., 2010) et al. At the same time the development specifics of the French microbusiness as well as the system of its state support are insufficiently considered in the present literature, that is why the author referred mainly to the official sources while analyzing a whole range of aspects on the research. The main sources of information for this study were statistical data and publications of the National Institute of Statistics and Economic Studies (French: Institut national de la statistique et des études économiques, INSEE) and the Organizations for the Collection of Social Security and Family Benefit Contributions (French: la Caisse nationale des Urssaf, Acoff); publications from the European Commission, the Ministry of Higher Education, French Science and Innovations; materials from the Chamber of Industry and Commerce and Social Security of Self-Employed Workers Fund (French: Sécurité sociale pour les indépendants, SSI); both European and national general documents.

Methods and approaches

Depending on the nature of the subject matter, the author used such methods and approaches of scientific knowledge as induction and deduction, analysis and synthesis, system-structural, comparative and statistical analysis.

The results of the study

Micro-enterprise in France: definition, specifics, role in the national economy. In France, micro-enterprise economic category was introduced the Decree No. 2008-1354 of 18 December 2008¹ that defined four enterprise groups according to the Law on the Modernization of the Economy No. 2008-776 of 4 August 2008². It established the qualification criteria in order to refer an economic entity to a particular criteria group (number of employees, annual turnover or total balance, whereas the first criterion is the key point). The decree is based on the EU common approach on the definitions of micro, small and medium-sized enterprises stated in the EU commission recommendations 2003/361/EC of 6 May 2003³ (Barinova et al., 2019; Goffee, Scase, 2016). Micro-enterprise, thus, must satisfy the following conditions: to employ less than 10 persons and to have either an annual turnover or a total balance sheet not exceeding 2 million euro.

In legal terms, a micro-enterprise in France may be created in the form of individual enterprise (French: entreprise individuelle, EI), individual enterprise with limited responsibility (French: entreprise individuelle à responsabilité limitée, EIRL) or single-owner limited liability enterprise (French: entreprise unipersonnelle à responsabilité limitée, EURL). The first two organizational and legal forms do not refer to the establishment of a company; such enterprises may be created only by a physical person and belong to a single person or a tax household. In the latter case, either a physical person or an entity may be the only partner, but only a physical person has access to the micro-enterprise tax regime (see later).⁴

In 2017 there were 3,7 million micro-enterprises with 2 445 thousand employees⁵ in France (96% of all enterprises and 19% of employment of the country). On average, there was one employee per a micro-enterprise, whereas 73% of micro-enterprises didn't have any employees, 13% of micro-enterprises had the only employee and 14% of micro-enterprises had two or more employees.⁶

According to the European statistics, in 2018 micro-business represented 95,5% of the total number of enterprises in France (for comparison, the same rate in the EU was generally at the level of 93% and in Germany, Belgium and the Netherlands – at the level of 82,0, 94,6 and 95,6% respectively)⁷ (Zakharova, Labudin, 2017; Barinova et al., 2019).

¹ Décret n° 2008-1354 du 18 décembre 2008 relatif aux critères permettant de déterminer la catégorie d'appartenance d'une entreprise pour les besoins de l'analyse statistique et économique. Retrieved May 20, 2020, from <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000019961059>

² LOI n° 2008-776 du 4 août 2008 de modernisation de l'économie. Retrieved May 20, 2020, from <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000019283050>

³ Commission Recommendation of 6 May 2003 concerning the definition of micro, small and medium-sized enterprises. Retrieved May 22, 2020, from <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003H0361&from=EN>

⁴ Chambre de commerce et d'industrie. (n.d.). *Les principes du regime micro-entrepreneur*. Retrieved May 22, 2020, from <https://www.cci.fr/web/auto-entrepreneur/le-regime-micro-entrepreneur>

⁵ INSEE. (n.d.). Data on market sector not considering enterprises within the financial and insurance sectors but including the entities that micro-enterprise tax regime. *Les entreprises en France, Édition 2019*. Retrieved May 27, 2020, from <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4256020>

⁶ Ibid.

⁷ European Commission. (n.d.). *Internal Market, Industry, Entrepreneurship and SMEs*. Retrieved May 22, 2020, from https://ec.europa.eu/growth/smes/business-friendly-environment/performance-review_en#annual-report

The distribution of enterprises, employment, turnover, export and value added by different enterprise size categories in France is presented in Table 1.

Table 1

Share of different categories of enterprises⁸ in the French production system in 2017, %

Enterprise size categories	Share of total rates of industry and service				
	In total balance of enterprises	In total employment	In turnover	In exports	In value added
Micro-enterprises	96,0	18,8	13,0	2,7	19,9
Small and medium-sized enterprises (not including micro-enterprises)	3,8	29,9	22,4	11,8	23,3
Intermediate-sized enterprises	0,2	25,1	30,3	31,9	26,0
Large enterprises	0,01	26,2	34,3	53,6	30,8
Total	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Source: the author's calculations based on data of the French National Institute of Statistics and Economic Studies.

The table indicates that micro-business provides around 20% of value added, 13% of turnover and only 2,7% of export, which is appropriate because micro-enterprise activities generally refer to the local markets and focused on provision of services for individuals, trade, artisanal activities and construction operations (Barinova et al., 2019). Overall, only 10% of micro-enterprises function in industry, whereas in construction operations and service sector work 18 and 72% of micro-enterprises respectively (for comparison: the same figures of the total population of enterprises are 24, 10 and 66% respectively).⁹ It should be noted that micro-enterprises export only 3,9% of their production while small and medium-sized enterprises (except for micro-enterprises) export 10,5% of their production and the total number of enterprise categories exports collectively 19,3% of their production.¹⁰

By analyzing region-specific distribution of micro-business, it should be noted that while large and intermediate-sized enterprises are concentrated mainly in the Paris region Île-de-France and in the other industrially developed regions, SMEs (including micro-enterprises) function mainly in the south of the country and largely oriented on the sphere of hotel and restaurant business. Thus, 24% of

⁸ There are four categories of enterprises according to the French statistics: micro-enterprises (which employ less than 10 persons and either have an annual turnover or a total balance sheet not exceeding 2 million euro), small and medium-sized enterprises (which employ less than 250 persons, either have an annual turnover not exceeding 50 million euro or a balance sheet total not exceeding 43 million euro), intermediate-sized enterprises which employ less than 5000 persons and either have an annual turnover not exceeding 1500 million euro or a balance sheet total not exceeding 2000 million euro. Large enterprises consist of enterprises that are not classified in the previous categories.

The national methodology doesn't consider data on financial and insurance sectors. Besides, data on enterprises in health, education and social activity, enterprises with micro-enterprise tax regime aren't considered while calculating.

⁹ INSEE. (n.d.). *Les entreprises en France, Édition 2019*. Retrieved May 27, 2020, from <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4256020>

¹⁰ Ibid.

the total employee number in province Provence-Alpes-Côte d'Azur, for instance, is occupied in micro-enterprise and in Corsica the rate reaches 38%.¹¹

The large number of micro-enterprises in the southern regions of France is provided by a considerable concentration of persons employed in the liberal professions. For instance, there are 1996 practitioners per 100 thousand inhabitants in Provence-Alpes-Côte d'Azur region (which surpasses even the metropolitan area with the rate of 1945 specialists, whereas one fourth of the specialists works as micro-entrepreneurs).¹²

Table 2

Dynamics of value added and employment of varisized categories of industrial enterprises according to the level of knowledge-intensity in France and some other countries with a similar level of development in 2018

	France	Germany	Belgium	The Netherlands
Value added/Employment				
Micro-enterprises				
Less knowledge-intensive	4,3/2,7	4,3/1,3	1,5/2,0	3,1/1,5
Knowledge-intensive	8,3/4,7	3,4/1,2	3,1/2,2	4,3/1,6
Small enterprises (not including micro)				
Less knowledge-intensive	2,2/1,0	3,7/1,0	7,8/1,7	6,2/1,6
Knowledge-intensive	6,1/1,5	2,3/0,8	12,6/3,1	7,6/2,1
Medium-sized enterprises				
Less knowledge-intensive	0,0/0,7	4,0/1,5	-0,5/2,0	7,5/2,6
Knowledge-intensive	0,9/1,1	2,8/1,1	-0,1/1,1	8,7/3,0
Large enterprises				
Less knowledge-intensive	1,1/1,1	5,0/1,0	0,5/2,5	6,5/4,9
Knowledge-intensive	3,4/1,7	3,4/0,8	1,9/0,5	7,5/5,5

Source: European Commission. (n.d.). *Annual Report on European SMEs 2018/2019*. Retrieved May 15, 2020, from https://ec.europa.eu/growth/smes/business-friendly-environment/performance-review_en#annual-report

Although micro-enterprises are in general oriented to a much lesser extent to research and development than other categories of enterprises (Barinova et al., 2019), the French micro-enterprises showed a positive dynamic, compared to the national enterprises of the other categories and micro-enterprises of some countries with a similar level of development in 2018 (Table 2).

Overall, French SMEs accumulate 17% of domestic spendings on research and development (more than 70% of which goes to the services sector, while large enterprises spend around 75% on high-technology and medium-technology industries), 24% of employment in scientific research and 24% of public financial support to research and development enterprises.¹³ Merely 5% of employment in research and development (68% of which are employees in scientific research) accounts for micro-enterprises; only 3% of domestic expenditures on research and

¹¹ Les grandes entreprises pèsent plus dans le Nord et les petites dans le Sud. Retrieved June 1, 2020, from <https://insee.fr/fr/statistiques/1281379#titre-bloc-13>

¹² Provence-Alpes-Côte d'Azur, région de prédilection des professionnels libéraux. Retrieved June 1, 2020, from <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3679058>

¹³ INSEE. (n.d.). *Les entreprises en France, Édition 2019*. Retrieved June 15, 2020, from <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4256020>

development is spent directly on micro-enterprises (although it represents 31% of their turnover). For comparison: SMEs (without micro-enterprises), intermediate-sized enterprises and large enterprises spend 7, 3 and 2% respectively of their turnover on research and development. Micro-enterprises carry out nearly 21% of their research and development spending by means of the direct public funding and this share is growing steadily (compare: the same indicator for SMEs (without micro-enterprises) intermediate-sized enterprises and large enterprises is 9, 2 and 10% respectively).¹⁴

Government support for micro-business in France. The French government acknowledges the special role of micro-business in the French economy (Vlasova, 2015; Goffee, Scase, 2016) and expresses strong support for micro-enterprises. The state assistance falls within the framework of the common European Small Business support strategy stated in the Small Business Act for Europe (SBA) of 25 June 2008. According to SBA, it is prior to the community to promote entrepreneurship, to reduce bureaucracy, to facilitate small businesses access to finance and to bring them to international markets¹⁵ (Barinova et al., 2019; OECD, 2016). This strategy is implemented into the French Law on the Modernization of the Economy (French: *Loi de modernisation de l'économie*) No. 2008-776 of 4 August 2008¹⁶, which introduced the individual entrepreneur status (French: *auto-entrepreneur*). In 2016 the individual entrepreneur status was abolished (with a transition period up to the end of 2019) and replaced by the special micro-enterprise regime created in 2014.

In order to enjoy the special regime micro-enterprise should meet the criteria. In particular, the annual turnover of enterprises, profiting from trade and commerce (purchase and sale of goods, production and sale of products and food, short-term rental of unfurnished living quarters, accommodation in specific touristic furnished facilities) (French: *Bénéfices industriels et commerciaux, BIC*) must not exceed 176,2 thousand euro (the micro-BIC regime); the annual turnover of enterprises with non-commercial income (i.e. from the provision of services) (French: *Bénéfices non commerciaux, BNC*) must not exceed 72,5 thousand euro (the micro-BNC regime). Enterprises that provide short-term rental of unfurnished living quarters must accumulate the annual turnover not exceeding 70 thousand euro. In case of mixed activity, the total turnover must not exceed 176,2 thousand euro and service sector income must not surpass 72,5 thousand euro. Besides, those members of liberal professions who are not related to the regimes of Social Security of Self-Employed Workers Fund or Inter-profession Body for Retirement Planning and Insurance (French: *Caisse interprofessionnelle de prévoyance et d'assurance vieillesse, CIPAV*) are excluded from micro-enterprise regime. Furthermore, an enterprise must be properly registered and have the legal status (Table 3).

¹⁴ État de l'Enseignement supérieur, de la Recherche et de l'Innovation en France n°12. Retrieved June 20, 2020, from <https://publication.enseignementsup-recherche.gouv.fr/eesr/FR/Recherche/>

¹⁵ A “Small Business Act” for Europe: EUR-lex. Retrieved June 1, 2020, from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52008DC0394>

¹⁶ LOI n° 2008-776 du 4 août 2008 de modernisation de l'économie. Retrieved May 20, 2020, from <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000019283050>

Table 3

Key features of tax and social regime of micro-enterprise (as at 17 January 2020)

General conditions for inclusion in micro-enterprise regime	1. Allowable legal status. 2. Registration with Artisan Enterprise Register (French: Répertoire des métiers), or Company and trade register (French: Le registre du commerce et des sociétés, RCS), or Organizations for the Collection of Social Security and Family Benefit Contributions (French: Unions de Recouvrement des Cotisations de Sécurité Sociale et d'Allocations Familiales, URSSAF) (for the liberal professions) ¹⁷ . 3. Respect the upper limits of turnover	
Conditions for exclusion from micro-enterprise regime	1. Exceeding the upper limits of turnover two times for two years running. 2. Absence of turnovers or failure to submit turnover declaration for eight consecutive quarters. 3. According to micro-entrepreneur's wish	
TAX REGIME¹⁸		
	General	Additional
<i>Tax on personal income</i>		
Special conditions	–	Taxable revenue per each family member (considering family quotients) for the year before last must not exceed the upper limit of the second tranche fixed in the same year in order to pay tax on personal income (27 086 euro in 2018) ¹⁹ (Komissarova, 2015)
Tax base	Profit ²⁰	Turnover
Tax rate	Profit adds up to the other taxable incomes of a household. The amount received is subject to the progressive income tax taking into account family coefficients	1% – sale of goods, production and sale of products and food, accommodation services. 1,7% – other commercial and artisanal services. 2,2% – those who provide their services within liberal professions
Payment date	Annually	Either monthly or quarterly (according to taxpayer's wish)
<i>Value-added tax</i>		
Tax exemption requirements	The micro-BIC regime: value-added tax is not charged until the turnover of 94,3 thousand euro. The micro-BNC regime: value-added tax is not charged until the turnover of 36,5 thousand euro. Beyond these thresholds value-added tax is paid according to the general rules. On condition that these thresholds are not exceeded value-added tax is excluded from the price of goods and services for the final consumer	

¹⁷ Artisan enterprise register is administered by Chamber of Artisans (Chambre de Métiers), Commercial register is administered by Chamber of Commerce and Industry.

¹⁸ Above mentioned a micro-entrepreneur pays land tax from enterprises (except the first year of work) on general terms (apart from persons employed in the liberal professions).

¹⁹ Taxable revenue and the upper threshold of the second tranche for 2018 are considered when paying tax for 2020.

²⁰ Calculated by tax authorities by way of applying discount on occupational expenses to the declared turnover depending on nature of the activities: 71% for micro-business in trade and short-term (namely profit is 29% of turnover), 50% for other activities that earn industrial and commercial profit, 34% for activities that earn non-commercial profit, with a minimum deduction of 305 euro.

Table 3, ending

SOCIAL REGIME	
<i>Social contributions</i>	
Basis of assessment	Turnover ²¹
Rate	12,8% – sale of goods, production and sale of products and food, short-term rental of unfurnished living quarters, accommodation in specific touristic furnished facilities. 22% – service sector (including commercial, artisan and certain liberal professions services), short-term rental of furnished living quarters
Payment period	Monthly or quarterly (according to taxpayer's wish)
<i>Contributions to the system of vocational training</i>	
Basis of assessment	Turnover
Rate	0,10% – trade and services of unregulated liberal professions. 0,20% – services of regulated liberal professions. 0,30% – artisanal activity
Payment period	Monthly or quarterly (according to taxpayer's wish)

Source: made by the author according to the data of the French Chamber of Industry and Commerce.

Among the main benefits of micro-entrepreneur status, the following deserve mention.

1. Streamlined bureaucratic procedures, specifically, registration and closure procedures, the order of the status of an enterprise changes (from micro-enterprise to another, etc.)

The free of charge registration can be made via the official web-site²² of Organizations for the Collection of Social Security and Family Benefit Contributions (French: Unions de recouvrement des cotisations de sécurité sociale et d'allocations familiales, URSSAF) or in a special section via the official web-site of the French Ministry of Economy and Finance.²³ To terminate the entrepreneur's activity one should fill in the special form Cerfa n°13905*03 and send it to the Centre for business formalities (French: Centre de Formalités des Entreprises, CFE).

2. Substantial tax relief and simplified taxation, simple tax declaration procedure and easy reporting system as a whole. Furthermore, an entrepreneur may choose one of the two variants of paying income tax (the availability of an additional regime is possible on condition of respecting the certain turnover limits).

3. Facilitated social regime (social contributions are calculated according to the turnover and paid monthly or quarterly only if the turnover data is positive).

4. Vast public financial assistance, aiming also at research and development realization.

5. Strong information support, provided foremost by Chamber of Commerce and Industry and Organizations for the Collection of Social Security and Family Benefit Contributions²⁴ (Barinova et al., 2019; OECD, 2016; 2017).

²¹ Social contributions are not paid in the absence of positive turnover.

²² Auto entrepreneur. (n.d.). Un service des Urssaf. Retrieved May 15, 2020, from <http://autoentrepreneur.urssaf.fr/>

²³ Guichet entreprises. Retrieved May 15, 2020, from <http://guichet-entreprises.fr/>

²⁴ In 2018 the organization created a special web-site (<http://autoentrepreneur.urssaf.fr/>) and mobile application for a convenient micro-entrepreneur management.

Role of micro-entrepreneurship in the French economy. 1,36 million micro-entrepreneurs that enjoyed special tax and social regimes (42% of self-employed persons versus 26% in 2011) were registered in France at the end of 2018. This mechanism has been proved to be attractive due to the stable positive growth dynamics of its users: if the average annual growth rate in 2011–2017 was 8,3%, in 2018 after the twofold increase of the upper threshold of the turnover (from 82,8 to 176,2 thousand euro in the micro-BIC regime and from 33 to 72,5 thousand euro in the micro-BNC regime) it reached 15,4%. It is estimated that the increase of the upper limit provided at least one quarter of the growth.²⁵

Micro-entrepreneurs carry out their activities almost in all economic sectors. A detailed structure of their distribution by economic activities is shown in Table 4.

The table indicates that the majority of micro-enterprises functions in constructions, activities in culture and recreation, transport services, business and other management consulting, manufacturing, health care, education, hair and body care services (more than 40% of the registered entrepreneurs are occupied in these fields). The biggest growth in number of micro-entrepreneurs is registered in transport services (due to the popularity of the Internet trade and home delivery), real estate operations, cleaning services, sports activities and health care (due to alternative medicine spread).

The rate of micro-entrepreneurs with profit and registered micro-entrepreneurs varies from 40,4% in transport services to 89,2% in health care (overall it amounts to 74,6%). According to Accostat, this indicator is tightly linked to micro-enterprises functioning period: just over 54% of entrepreneurs announces about profit during the first year of work, more than 85% states the same after two years of work and 90% – after five years of work. So, the low rate of profitable enterprises in transport services can be explained by their high rotation.

Distribution of micro-entrepreneurs by gender and age as well as the ratio of registered micro-entrepreneurs and micro-entrepreneurs with profit according to the criteria is introduced in Table 5.

Men dominate among micro-entrepreneurs (60,7%) however, enterprises, that are run by women, demonstrate a higher rate of profit (79,6 against 71,4%) that could be generally explained by gender-specific sectoral composition of activities within micro-enterprises. Women traditionally dominate in hair and body care services, health care and some other activities where the ratio between micro-entrepreneurs with profit and registered micro-entrepreneurs is relatively high. At the same time female presence is minimal in constructions, repair (excluding vehicle repair) and transport services where the above-mentioned ratio is lower than average.

With regard to the age structure of micro-entrepreneurs, it should be noted that as the age of entrepreneurs raises, the number of entrepreneurs decreases (exceptions are persons under the age of 30), while the profitability of entrepreneurs, on the contrary, grows. Thus, 86,1% of micro-entrepreneurs over the age of sixty are with profit, while the same rate of persons under thirty years old is at the level of 58%.

²⁵ Acoostat. (2019, juillet). *Les micro-entrepreneurs en 2018: un nouvel elan qui confirme l'attractivité du dispositif*. N° 289. Retrieved June 24, 2020, from https://www.acoss.fr/files/Publications/Acooss_Stat/Acooss_stat_289.pdf

Table 4

Distribution of micro-entrepreneurs by types of economic activities in 2018

Types of economic activities	Number of registered micro-entrepreneurs				Micro-entrepreneurs with profit, % of the registered
	Thous. pers.	% of total	Change, %		
			2017/2011	2018/2017	
Agriculture, forestry and fishing	2,6	0,2	7,8	7,8	83,7
Manufacturing	73,7	5,4	9,9	11,4	82,9
Catering trade/profession	20,5	1,5	7,6	5,8	75,9
Finishing works	75,7	5,6	6,6	8,3	80,4
Constructions (other types of activities)	83,9	6,2	5,8	9,3	78,9
Trade and auto maintenance	30,8	2,3	10,9	11,9	64,1
Wholesale and intermediate trading	37,0	2,7	9,4	21,0	62,8
Retail trade of food (not including catering trade/profession)	3,3	0,2	6,6	11,1	70,7
Retail trade of non-food products	45,0	3,3	4,5	8,3	74,5
Retail trade of unclassified products	48,1	3,5	3,7	1,0	80,5
Non-specialized retail trade	37,4	2,8	-0,1	15,1	66,8
Transport services	78,2	5,8	44,0	80,6	40,4
Accommodation and food service	41,3	3,0	10,8	13,3	73,1
Information services	43,8	3,2	3,1	11,3	70,6
Financial services and insurance	7,4	0,5	9,2	20,7	64,9
Real estate operations	25,9	1,9	15,6	31,0	60,4
Legal services	1,2	0,1	2,9	2,5	83,6
Accounting and consulting services, engineering	47,3	3,5	9,7	14,5	74,2
Business and other management consulting	79,3	5,8	9,3	26,2	64,0
Other scientific and technical activities	58,4	4,3	8,5	12,3	77,1
Design services	28,4	2,1	4,1	13,6	75,2
Cleaning services	38,6	2,8	14,3	18,4	78,6
Other administrative and support activities	44,6	3,3	3,0	13,0	76,8
Education	58,4	4,3	9,0	11,9	80,4
Health care	65,9	4,9	19,3	12,5	89,2
Activities in culture and recreation	93,9	6,9	11,2	11,9	78,9
Sports activities	37,4	2,8	14,1	13,1	83,7
Repair (excluding vehicle repair)	23,0	1,7	1,3	4,1	84,9
Hair and body care services	57,1	4,2	5,3	9,7	88,8
Other services to individuals	51,5	3,8	5,6	20,0	77,5
Others	17,0	1,3	19,3	24,3	68,8
TOTAL	1356,8	100,0	8,3	15,4	74,6

Source: Acoostat. (2019, juillet). *Les micro-entrepreneurs en 2018: un nouvel élan qui confirme l'attractivité du dispositif*. N° 289. Retrieved June 24, 2020, from https://www.acoss.fr/files/Publications/Acoos_Stat/Acoos_stat_289.pdf

Table 5

Gender and age distribution of micro-entrepreneurs by the end of 2018

	Number of registered micro-entrepreneurs		Micro-entrepreneurs who are employed as well, % of the registered	Micro-entrepreneurs with profit, % of the registered
	Thous. pers.	% of total		
<i>Gender distribution</i>				
Male	823,0	60,7	39,0	71,4
Female	533,7	39,3	38,8	79,6
<i>Age distribution</i>				
Under 30 years	263,6	19,4	54,9	57,7
30–39 years	366,3	27,0	44,3	72,6
40–49 years	316,2	23,3	38,2	78,5
50–59 years	245,5	18,1	31,2	83,1
Over 60 years	165,1	12,2	14,2	86,1
TOTAL	1 356,8	100,0	38,9	74,6

Source: Acosstat. (2019, juillet). *Les micro-entrepreneurs en 2018: un nouvel elan qui confirme l'attractivité du dispositif*. N° 289. Retrieved June 24, 2020, from https://www.acoss.fr/files/Publications/Acoss_Stat/Acoss_stat_289.pdf

Basically, the effective current system of state support of the micro-enterprise makes it the most suitable and convenient form to start one's own business.

Conclusion

The following conclusions could be drawn from the analysis. Micro-enterprises take an important place in the French economy by providing one fifth of the employment in the country and the same share of value added. Meanwhile, micro-enterprises are oriented towards export extremely weak because their activities are concentrated in the services sector and target mainly at the local markets. Moreover, while large and intermediate-sized enterprises are centered in the industrially developed regions, SMEs (including micro-enterprises) are largely oriented to the hotel and restaurant business sphere and operate mainly in the south of the country.

Micro-enterprises contribute little to research and development and remain far below the enterprises of other categories, considering the percentage of total expenditure on research and development and the percentage of total employment in scientific research sector. Besides, by spending almost one third of its turnover on researches and considering the share of direct financial assistance from the state in total expenditures on scientific researches, micro-business is an absolute leader in terms of research and development intensity. Another important feature of research and development is that micro-business provide a high degree of its concentration in the service sector (unlike large enterprises that conduct researches mainly in high and medium technology branches of industry).

To date, a sufficiently effective system of public support to micro-business has been formed in France. Apart from providing financial assistance, the system includes substantial tax benefits and simplified taxation schemes, easy reporting system and simple procedures for filing tax return, facilitated social regime, simplification of major bureaucratic formalities and strong information support in all stages of functioning of an enterprise.

References

- Arlotto, J., Cyr, A., Meier, O., & Pacitto, J.-C. (2011). Très petite entreprise et croissance: À la découverte d'un continent inexploré. *Management & Avenir*, (43), 16–36.
- Barinova, V.A., Zemcov, S.P., Knobel', A.Yu., & Loshchenkova, A.N. (2019). *Malyy i srednij biznes kak faktor ekonomicheskogo rosta Rossii* [Small and Mid-Sized Business as a Factor of Economic Growth in Russia]. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy. (In Russ.)
- Goffee, R., & Scase, R. (2016). *Entrepreneurship in Europe. The Social Process*. Routledge (Routledge Revivals).
- Komissarova, Zh.N. (2015). Nalogovaya sistema Francii [French Tax System]. *Mirovye i nacional'noye hozyajstvo* [World and National Economy], 2(33), 24–33. (In Russ.)
- Kushnir, K., Mirmulstein, M., & Ramalho, R. (2010). *Micro, Small, and Medium Enterprises around the World: How Many Are There, and What Affects the Count?* World Bank Group.
- Marniesse, S. (2000). *Analyse des disparitions de microentreprises à l'aide d'un modèle pro-bit et d'un modèle de durée*. Paris.
- OECD. (2016). *Financing SMEs and Entrepreneurs 2016: An OECD Scoreboard*.
- OECD. (2017). *Small, Medium, Strong. Trends in SME Performance and Business Conditions*.
- Vlasova, N.L. (2015). *Rol' i mesto malogo i srednego biznesa v nacional'noj ekonomike v sovremennykh usloviyakh* [The Role and Position of Small and Medium-sized Enterprises in the National Economy in Contemporary Environment]. Moscow. (In Russ.)
- Zakharova, N.V., & Labudin, A.V. (2017). Maloe i srednee predprinimatel'stvo v evropejskikh stranah: Osnovnye tendencii razvitiya [Small & Medium Entrepreneurship in European Countries: Main Tendencies of the Development]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], (2), 64–77. (In Russ.)

Article history:

Received: 30 June 2020

Revised: 1 August 2020

Accepted: 31 August 2020

For citation:

Komissarova, Zh.N. (2020). Micro-business in France: specificity, role in the national economy, system of state support. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 765–777. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-765-777>

Bio note:

Zhanna N. Komissarova, PhD in Economics, Associate Professor at the World Economy Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO University). E-mail: Jeanne.25@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-765-777

Научная статья

Микробизнес во Франции: специфика, роль в национальной экономике, система государственной поддержки

Ж.Н. Комиссарова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России

Российская Федерация, 119454, Москва, пр-кт Вернадского, 76

Аннотация. Деятельность микробизнеса существенно влияет на состояние экономики и социальной сферы любой страны. Французский образец примечателен тем, что стране, которая давно стремилась к развитию больших групп, только за два десятилетия

удалось построить успешную систему государственной поддержки микробизнеса, включающую как конкретные, так и общие меры для малых и средних предприятий. В исследовании сделана попытка выявить современные тенденции развития микробизнеса во Франции, а также проанализировать эффективность системы государственной поддержки деятельности рассматриваемой категории хозяйствующих субъектов. В зависимости от характера предмета исследования автор использовал такие методы и подходы научного познания, как индукция и дедукция, анализ и синтез, системно-структурный, сравнительный и статистический анализ. В исследовании подробно анализируются текущие тенденции развития микробизнеса во Франции, включая его отраслевую и региональную специфику, оценивается вклад микропредприятий в экономическое и социальное развитие страны и глубоко исследуется система государственной поддержки. Микропредприятия занимают важное место во французской экономике, обеспечивая пятую часть рабочих мест в стране и такую же долю добавленной стоимости. Между тем микропредприятия довольно слабо ориентированы на экспорт, поскольку их деятельность нацелена в основном на местные рынки и сосредоточена в секторе услуг. Микропредприятия мало вносят вклад в исследования и разработки (с учетом процента общих расходов на исследования и разработки и процента от общей занятости в секторе научных исследований). Однако микробизнес остается безусловным лидером по интенсивности исследований и разработок, тратя почти треть своего оборота на исследования и учитывая долю прямой финансовой помощи государства в общих расходах на научные исследования. На сегодняшний день во Франции сформирована достаточно эффективная система государственной поддержки микробизнеса. Помимо финансовой помощи, система включает существенные налоговые льготы и упрощенные схемы налогообложения, удобную систему отчетности и простые процедуры подачи налоговой декларации, упрощенный социальный режим, упрощение основных бюрократических формальностей и надежную информационную поддержку на всех этапах функционирования предприятия.

Ключевые слова: экономика Франции, микропредприятия, роль микробизнеса в национальной экономике, система государственной поддержки микробизнеса, режим микропредприятия, освобождение от налогов

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30 июня 2020 г.

Дата проверки: 1 августа 2020 г.

Дата принятия к печати: 31 августа 2020 г.

Для цитирования:

Komissarova Zh.N. Micro-business in France: specificity, role in the national economy, system of state support // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. No. 4. С. 765–777. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-765-777>

Сведения об авторе:

Комиссарова Жанна Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: Jeanne.25@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-778-786

UDC 339:339.9

Research article

Impact of labor migrants from Tajikistan on the economic security of the Russian Federation

Abubakr Kh. Rakhmonov¹, Roman V. Manshin^{1,2}

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

²Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of
Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
6 Fotieva St, bldg 1, Moscow, 119333, Russian Federation

Abstract. The article deals with the problems of the influence of migration flows from Tajikistan on the economic security of Russia, the contribution of Tajik labor migrants to the economy of the Russian Federation, the role of remittances and the consequences of Tajik labor migrants for the financial sector of the Russian Federation, as well as the reasons for the reorientation of Tajik labor migrants from Russia to other foreign countries. With the development of the economy, Russia has become a major migration center, a capacious labor market. With a low birth and a high mortality rates, Russia, like most European countries, needs a positive migration growth, an effective mechanism for attracting labor. As in other countries, the boundaries of migration capacity are determined by factors: trends and prospects for economic development, the situation on the labor market, and the availability of social infrastructure. The migration attractiveness of a country determines the level of migration flows to Russia. The Republic of Tajikistan is currently the second country after Uzbekistan that provides Russia with labor migrants. Tajik migrants have a big influence on the economy, financial sphere, as well as on other spheres of activity of the Russian Federation. Every year Tajik labor migrants make a big contribution to the Russian economy.

Keywords: migration flows, economic security, migration policy, emigration, Tajikistan, Russia, national security, remittances, reorientation of migrants

The relevance of research

In modern Russia, in recent decades, the problems of the country's security have become extremely urgent due to the impact of migration processes. Modern mass migration, acquiring a global character, is the bearer of an unprecedented contradiction between settlers and permanent residents of host countries. Migration processes affect all aspects of social life. Such an impact requires an assessment by society and the development of a migration policy of the state in order to effectively use the advantages provided by international migration of the population and, if possible, mitigate its negative consequences on the economic security

© Rakhmonov A.Kh., Manshin R.V., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

of Russia. The purpose of this study is to identify criteria and indicators that reflect the relationship between migration, socio-economic processes and national security. The subject of this research is the nature of the impact of migration on the national security system and their interaction with the socio-economic development of the state. Methods of statistical and comparative analysis are used as research methods, in addition, a sociological method – a survey of experts was conducted, as well as among citizens of the Russian Federation about their attitude towards labor migrants from Tajikistan.

The concept of economic security

According to Alexander Litvinenko: “Economic security is a complex socio-economic category, which is influenced by constantly changing conditions of material production, external and internal threats to the economy. Economic security is the basis of the national security of the state. Ensuring national security is the main responsibility of the state, which is carried out in close cooperation with economic agents. National security reflects the ability of the relevant political, legal and economic institutions of the state to protect the interests of their key subjects in the national economic traditions and values. Therefore, its development must be considered in the general context of the formation of a national security state” (Litvinenko, 2013).

I.A. Maksimtseva, D.Yu. Miropolsky and L.S. Tarasevich in the book “Eurasian Political Economy”, write that economic security creates a basis that can be used to successfully solve all other internal and external problems of the economic system that determine the direction of its further development to increase competitiveness in the world economy and ensure national security in general (Maksimtseva et al., 2016).

According to the ILO approach: “Economic security consists of basic social security defined by access to infrastructure of basic needs related to health, education, housing, information and social protection, and security related to work” (ILO, 2004).

G. Vechkanov understands economic security as a complex indicative system that includes national interests in the economic sphere, as well as threats and threshold values of economic security indicators (Vechkanov, 2005).

Inflow of labor migrants from Tajikistan to the labor market of the Russian Federation

At present, Tajikistan is the second country after Uzbekistan that provides Russia with labor migrants. According to the data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in 2017 (see Figure), 63,467 labor migrants from Tajikistan stayed in the Russian Federation, compared to 1997, this is 2.8 times more.

According to the Ministry of Internal Affairs of Russia, for the period 2016–2019, 339,840 citizens of Tajikistan were registered at their place of residence in the Russian Federation¹. According to the Head of the Department for Migration Affairs of the Ministry of Labor of Tajikistan, S. Saidov, the number of

¹ Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Retrieved May 23, 2020, from mv.d.rf/Deljatelnost/statistics/migracionnaya

migrants from Tajikistan who were on the territory of Russia in 2019 for the purpose of work could have been about 1.3 million people (Saidov, 2019).

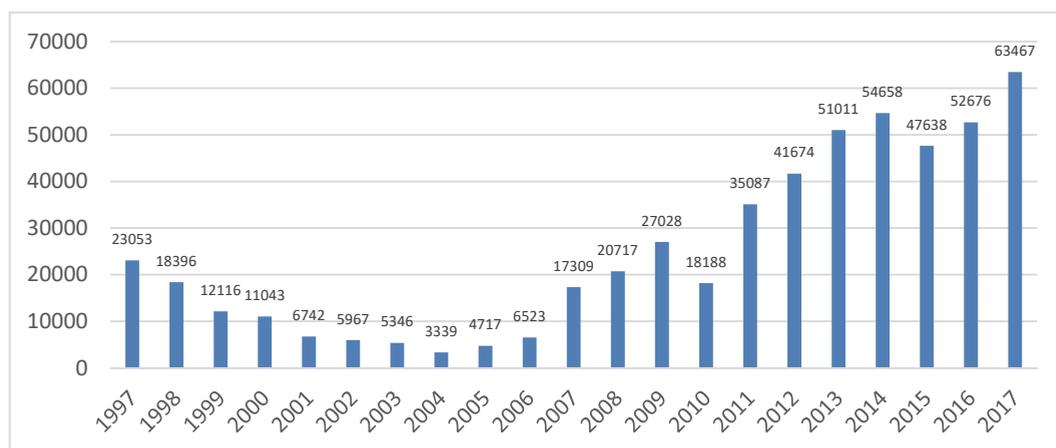

Figure. The number of arrived migrants from Tajikistan to Russia in 1997–2017, people

Source: Data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation.

According to the Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan², in 2014 there were 671 thousand citizens of Tajikistan abroad, which amounted to approximately 8.13% of the country's population. According to the Federal Migration Service of Russia, at the beginning of August 2015, there were 985 thousand Tajik citizens in the country. In 2014, about 626 thousand migrant workers from Tajikistan worked here. According to the FSB of Russia, 523.9 thousand citizens of this country arrived from Tajikistan to Russia in the first half of 2019³.

Most of the Tajik migrants in the Russian Federation are men aged 18–45 years. They work mainly in low-skilled jobs such as handymen at construction sites, movers at markets, janitors, etc. (Ulmasov, 2019). Also, many Tajik migrants come with their families to obtain citizenship and live in Russia. Now one of the popular channels for citizens of Tajikistan has become – the resettlement program. It is through this line that many Tajiks come to Russia. In 2018, more than 269 thousand people received Russian citizenship. Most often, people from Ukraine (83 thousand), Kazakhstan (45.3 thousand), Tajikistan (35.7 thousand), Armenia (27.1 thousand), Uzbekistan (21 thousand), etc.⁴

² Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan. (n.d.). *Labor migration statistics in the Republic of Tajikistan*. Retrieved March 5, 2020, from http://www.cisstat.com/CIS_Labourstat/CIS_Labourstat_2_27-2%202015%20Bishkek%20Statistics%20of%20labor%20migration%20in%20Tajikistan.pdf

³ SPUTNIK Tajikistan. (2019, September 10). *In Tajikistan, labor migration increased by one third*. Retrieved April 13, 2020, from <https://tj.sputniknews.ru/migration/20190910/1029833969/Tajikistan-trudovaya-migratsiya-vyroslo.html>

⁴ Rossiyskaya Gazeta. (2019, March 3). *Ministry of Internal Affairs: The number of those who received Russian citizenship has doubled in five years*. Retrieved March 9, 2020, from <https://rg.ru/2019/03/06/mvd-chislo-poluchivshih-grazhdanstvo-rf-vyroslo-vdvoe-za-pyat-let.html>

Contribution of labor migrants from Tajikistan to the economy of the Russian Federation

Labor migrants, in addition to their own countries, also bring profit to the economy of the host countries. Also, migrants mainly work in non-prestigious niches in the labor market with difficult working conditions, to which local residents do not always agree. Labor migrants bring profit to the RF budget in different ways, one of them is a patent. The presence of a labor patent is one of the prerequisites for the legal work of foreign citizens on the territory of Russia. In 2017, the budget of the Russian Federation received over 50 billion rubles from the sale of patents to labor migrants⁵. In 2018, according to the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1.7 million patents were issued to labor migrants, the income from the sale of patents amounted to 57 billion rubles⁶.

Table 1

**Contribution of Tajik migrants through a patent to the budget of
the Russian Federation for the period 2011–2018**

Year	Average price of a patent in the Russian Federation	The number of citizens of Tajikistan who have received a patent		Contribution of Tajik migrants through a patent to the budget of the Russian Federation, mln	
		Thousand people	% of the total number of patents	Ruble	U.S. dollar
2011	2480,9057	161,1	21,1	399,67	13,6
2012	2480,9057	228,6	21,2	567,14	18,5
2013	2480,9057	301,9	22,3	748,99	23,47
2014	2480,9057	443,5	20,8	1100,28	28,5
2015	3199,8787	423,2	25,1	1354,19	22,08
2016	3706,669	393,4	25,5	1458,2	21,82
2017	3973,5296	432,8	26,2	1719,74	29,5
2018	4127,7701	443,2	26,7	1829,43	29,07
Total		2827,7		9177,64	186,3

Sources: compiled by the authors based on the data: Dynamics of exchange rates of the Central Bank of the Russian Federation. Retrieved June 15, 2020, from <https://ratestats.com/>; Federal State Statistics Service. (n.d.). *Labor and employment in Russia 2019*. Retrieved June 15, 2020, from https://gks.ru/storage/mediabank/Trud_2019.pdf; Magazine "Glavbukh". Retrieved June 15, 2020, from <https://www.glavbukh.ru/art/36974-patent-inostranec-2019>

Every year since 2014 (Table 1), citizens of Tajikistan buy an average of 420 thousand patents. For the period from 2011–2018, on average 23.6% of the total number of patents are patents of citizens of Tajikistan. In about 8 years, the Russian Federation received 9.8 billion rubles from the sale of patents to citizens of Tajikistan.

⁵ Economy and life. (2018, April 24). *In 2017, patents for labor migrants brought 51 billion rubles in income*. Retrieved April 17, 2020, from <https://www.eg-online.ru/news/371510/>

⁶ INTERFAX.RU. (2019, January 25). *In 2018, income from the sale of patents to labor migrants amounted to 57 billion rubles*. Retrieved May 24, 2020, from <https://www.interfax.ru/russia/647712>

In addition, Tajik labor migrants leave part of their wages in the Russian economy, spending on food, transport, accommodation and other services.

Citizens of Tajikistan work in all regions of the Russian Federation. But most of the migrants come to large cities, primarily to Moscow and Saint Petersburg. In Moscow, for the period from 2017 to 2019, 483,057 patents were issued to citizens of Tajikistan (Table 2), the income from advance payments for this period is approximately 2.212 billion rubles.

Table 2

Contribution of Tajik migrants through a patent to the Moscow budget in 2017–2019

Year	The cost of a patent in Moscow	Number of citizens who received a patent	Contribution of Tajik migrants through a patent to the Moscow budget, mln	
			Ruble	U.S. dollar
2017	4200	159 305	669,08	11,48
2018	4500	152 532	686,39	10,91
2019	5000	171 220	856,10	13,25

Sources: compiled by the authors based on the data: Dynamics of exchange rates of the Central Bank of the Russian Federation. Retrieved June 15, 2020, from <https://ratestats.com/>; MigrantMedia. Retrieved June 15, 2020, from <https://migrantmedia.ru/>; Ministry of Internal Affairs of Russia. Retrieved June 15, 2020, from <https://mv.d.rf/>

In 2015, Moscow mayor Sergei Sobyenin announced that the Moscow budget received more money from the sale of labor patents to migrants than from the capital's oil companies⁷. In 2016, income from the sale of patents to the Moscow budget increased by 30% compared to 2015 and amounted to 14 billion rubles (Sharifulin, 2016).

According to the head of the Department of Economic Policy and Development Vladimir Efimov, in the first nine months of 2017, 323 thousand patents were issued to labor migrants, 46% of patents were received by citizens of Uzbekistan, 32% were citizens of Tajikistan, 12% of Ukraine, 7% of Moldova and 3% of Azerbaijan (Sarjeladze, 2017). At the end of 2017, labor migrants brought income to the Moscow budget 15.7 billion, which is 9% more than in 2016⁸.

In January – November 2018, the Moscow budget received 15.9 billion rubles from the sale of patents to labor migrants, an increase of 12%⁹.

In 2019, the Moscow budget revenue from the patent of labor migrants grew by 5.2% compared to 2018 and amounted to 18.3 billion rubles. In 2019, 463.7 thousand labor patents were issued in Moscow, half of the patents were issued to citizens of Uzbekistan, 38% to citizens of Tajikistan, 6% of Ukraine and 3% to citizens of Azerbaijan and Moldova¹⁰.

⁷ RBC. (2016, January 29). *Moscow's revenues from the sale of patents exceeded revenues from oil companies*. Retrieved June 29, 2020, from <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/56ab4f3a9a794770ae03f7d6>

⁸ Multifunctional Migration Center of Moscow (MMC). (2018, January 23). *Over the past year, labor migrants brought 15.7 billion rubles to the capital's budget*. Retrieved February 20, 2020, from <https://mc.mos.ru/ru/about/piece-of-news/248>

⁹ SPUTNIK Tajikistan. (2019, January 25). *It became known how much Russia earned on labor migrants in 2018*. Retrieved March 9, 2020, from <https://tj.sputniknews.ru/migration/20190125/1028085906/russia-dohod-trudovye-migranty.html>

¹⁰ TASS. (2020, February 10). *Moscow's income from patents of labor migrants in 2019 increased by 5.2%*. Retrieved May 12, 2020, from <https://tass.ru/ekonomika/7725753>

Contribution of labor migrants from Tajikistan to the financial sector of the Russian Federation

Tajik labor migrants have an impact on both the budget of the Russian Federation and its entire financial system. Once on the Russian labor market, Tajik migrants are already becoming the object of taxation. In addition to labor migrants, employers using labor migrant workers also pay certain portions of taxes and fees. The collection of taxes from the salaries of immigrants also grows with the growth of their inflow (state duties, advance payments, etc.).

The main factors that influence the financial impact of labor migration depend to a large extent on the specific characteristics of the migrants themselves, such as reasons for migration and age. A study by the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) has shown that low-skilled young labor migrants pay more taxes and fees than the government spends on them (Grebnyuk, 2018).

Another positive consequence of labor migrants is an increase in payments for the consumption of utilities, as well as the use of dwellings by Tajik migrants. This effect depends on the amount of traffic and infrastructure development, as well as the rental market. In general, the growing influx of migrant workers stimulates the construction of hostels and residential buildings. At the same time, the compact distribution of migrants and the formation of ethnic ghettos can reduce the value of real estate in these areas, which reduces property tax revenues when calculated on a value-based basis.

Also, another positive consequence of labor migrants on the financial sphere of Russia is the slowdown in inflation due to the increased propensity for savings on the part of foreign workers and transfers abroad. In fact, savings and remittances out of the country can reduce the amount of money in circulation, which should have a positive impact on inflation.

Due to remittances of Tajik migrants, the exchange rate of the Russian ruble is also strengthening. If labor migrants transfer money from the Russian Federation in rubles to Tajikistan, the rate of the Russian national currency (ruble) will strengthen. The greater the effect, the greater the amount of money transferred abroad. But if a Tajik migrant receives a salary in rubles, buys US dollars and makes a transfer, then the demand for foreign currency increases, which may put some pressure on the Russian ruble exchange rate.

Results

In our study, we showed that migrants from Tajikistan have a big influence on the economy, financial sphere, as well as on other spheres of activity of the Russian Federation. Every year Tajik labor migrants make a big contribution to the Russian economy. For example, for the period from 2014 to 2018, Tajik migrants brought 7.47 billion rubles to the budget of the Russian Federation only due to the patent (Table 1). In addition to patents, they also leave part of their salaries in the Russian Federation, paying for food, utilities and other services. It is safe to say that every year migrants from Tajikistan bring a lot of money to the budget of the Russian Federation.

The role of Tajik migrants in the financial sphere of the Russian Federation is also significant. For example, the national currency of Russia (ruble) is being streng-

thened due to remittances from Tajik migrants. Another positive consequence is an increase in payments for the use of housing and utilities by Tajik migrants.

Accordingly, we can say that Tajik labor migrants make a great contribution in all spheres of activity.

Conclusion

Migration processes have both positive and negative impact on the socio-political and economic situation. The emerging migration situation has a direct impact on the problems of state security, especially political and economic, since we are talking about the need to ensure economic development, the population of the territory of Russia and, consequently, the territorial integrity and security of the state. The purpose of the migration security of the Russian Federation is to ensure the national security of the Russian Federation by achieving maximum security, comfort, well-being of the population, stabilizing and increasing the number of resident population that meets the needs of the Russian economy in terms of labor, modernization and innovative development, increasing the competitiveness of their industries. Labor migrants from Tajikistan make a great contribution to the social and economic sphere of the Russian Federation. Labor migrants from Tajikistan bring a lot of income to the RF budget. Russia remains attractive to Tajik labor migrants. The advantages of Russia are the absence of a language barrier, no need to obtain a visa and work permit, a common mentality, the prospects for obtaining citizenship. However, the harshness of the migration policy and the fall in salaries in Russia may force migrants from Tajikistan to find another channel of emigration. In these conditions, Russia should reduce the unreasonable pressure of migration control on Tajik migrants in the registration procedures and checks by the police. Otherwise, the active participation of intermediaries in the employment of migrants, as well as an active policy of attracting labor migrants from Central Asian countries to the OECD will lead to the loss of a significant part of Russia's migration potential.

References

- Grebenyuk, A. (2018). *How does labor migration affect the economy of recipient countries?* Retrieved June 15, 2020, from <http://www.ictsd.org/bridges-news/bridges/news/as-labor-migration-influences-the-economy-of-the-recipient-countries-labor-forces>
- ILO. (2004). *The program of socio-economic security*. Retrieved June 15, 2020, from <http://www.oit.org/public/english/protection/ses/download/docs/definition.pdf>
- Litvinenko, A.N. (2013). Economic and national security: The problem of correlation of concepts. *Scientific review. Economic science*, 3(173), 9–15.
- Maksimseva, I.A., Miropolsky, D.Yu. & Tarasevich, L.S. (2016). *Evraziiskaya politicheskaya ekonomiya [Eurasian political economy]*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics and Finance Publ. (In Russ.)
- Saidov, S. (2019). *Mintruda Tadjikistana usomnilos' v rossijskoj statistike migrantov [Ministry of Labor of Tajikistan doubted the Russian statistics of migrants]*. (In Russ.) Retrieved June 15, 2020, from <https://tj.sputniknews.ru/migration/20190725/1029490147/mintruda-tajikistan-statistika-migranty.html>
- Sarjveladze, C. (2017). *Chislo vydannyykh migrantam patentov v Moskve v etom godu prevysilo 300 tys. [The number of issued patents to migrants in Moscow this year exceeded 300 tys.]*

300 thousand]. (In Russ.) Retrieved June 15, 2020, from <https://www.rbc.ru/politics/19/10/2017/59e8908a9a7947b5d39647a8>

Sharifulin, V. (2016). *Moskva poluchila na 30% bol'she dokhoda ot prodazhi patentov migrantov v 2016 godu* [Moscow received 30% more income from the sale of patents migrants in 2016]. (In Russ.) Retrieved June 15, 2020, from <https://tass.ru/moskva/3911864>

Ulmasov, R. (2019). *Vliyanie vneshnei migratsii na brachnost' i razvodimost' migrantov* [The impact of external migration on the marriage rate and the divorce rate of migrants]. *RIAC*. (In Russ.) Retrieved June 15, 2020, from <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/vliyanie-vneshney-migratsii-na-brachnost-i-razvodimost-migrantov/>

Vechkanov, G.S. (2005). *Ekonomicheskaya bezopasnost'* [Economic security]. Saint Petersburg, Vektor Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 2 July 2020

Revised: 20 July 2020

Accepted: 17 August 2020

For citation:

Rakhmonov, A.Kh., & Manshin, R.V. (2020). Impact of labor migrants from Tajikistan on the economic security of the Russian Federation. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 778–786. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-778-786>

Bio notes:

Abubakr K. Rakhmonov, postgraduate student of the Department of International Economic Relations of the Faculty of Economics of the Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: abubak.93@mail.ru

Roman V. Manshin, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of International Economics of the Faculty of Economics of the Peoples Friendship University of Russia (RUDN University); leading researcher of the Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Sciences. E-mail: manshin-rv@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-778-786

Научная статья

Влияние трудовых мигрантов из Таджикистана на экономическую безопасность РФ

А.Х. Рахмонов¹, Р.В. Маньшин^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

^{1,2}Институт социально-политических исследований

Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук

Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы влияния миграционных потоков из Таджикистана на экономическую безопасность России, вклад таджикских трудовых мигрантов в экономику Российской Федерации, роль денежных переводов и выгоды, получаемые от таджикских трудовых мигрантов финансовой сферой Российской Федерации, а также причины переориентации таджикских трудовых мигрантов на другие

зарубежные страны. С развитием экономики Россия превратилась в крупный миграционный центр, емкий рынок труда. При низкой рождаемости и высокой смертности России, как и большинству европейских стран, необходим положительный миграционный прирост, эффективный механизм привлечения рабочей силы. Как и в других странах, границы миграционного потенциала определяются факторами: тенденциями и перспективами экономического развития, ситуацией на рынке труда, наличием социальной инфраструктуры. Миграционная привлекательность страны определяет уровень миграционных потоков в Россию. В настоящее время Таджикистан является второй страной после Узбекистана, которая обеспечивает Россию трудовыми мигрантами. Таджикские мигранты имеют большое влияние на экономику, финансовую сферу, а также на другие сферы деятельности Российской Федерации. Ежегодно таджикские трудовые мигранты вносят большой вклад в экономику России.

Ключевые слова: миграционные потоки, экономическая безопасность, миграционная политика, эмиграция, Таджикистан, Россия, национальная безопасность, денежные переводы, переориентация мигрантов

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 июля 2020 г.

Дата проверки: 20 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 17 августа 2020 г.

Для цитирования:

Rakhmonov A.Kh., Manshin R.V. Impact of labor migrants from Tajikistan on the economic security of the Russian Federation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 778–786. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-778-786>

Сведения об авторах:

Рахмонов Абубакр Хасанович, аспирант кафедры международных экономических отношений экономического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: abubak.93@mail.ru

Маньшин Роман Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук. E-mail: manshin-rv@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-787-796

УДК 332.1

Научная статья

Структурные особенности западного и российского рынка страхования жизни

А.С. Дмитриев

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики
по Волгоградской области (Волгоградстат)
Российская Федерация, 400066, Волгоград, ул. Володарского, 1

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью развития финансового сектора отечественной экономики, ставшей очевидной в условиях глобального экономического кризиса. Изучаются структурные особенности рынков страхования жизни в России и на Западе. Цель исследования состоит в оценке состояния конкурентной среды на рассматриваемых рынках и формировании выводов относительно барьеров вхождения на рынки для новых игроков. Методология работы включает в себя структурный, статистический, системный, логический и иные виды анализа, а также синтез полученных результатов. На примере российского и западных рынков страхования жизни оценивается роль географических сегментов в формировании общей рыночной конъюнктуры. На основании результатов исследования обосновывается необходимость частичной трансплантации западной модели формирования рыночной среды, основанной на монополистической конкуренции участников рынка.

Ключевые слова: страхование, финансовый сектор, отраслевые рынки, конкуренция, олигополия, рыночная экономика, трансплантация экономических институтов

Введение

Очевидно, что наступивший в связи с пандемическим положением глобальный экономический кризис существенно видоизменит все формы экономического взаимодействия как между странами – субъектами международных отношений, так и внутри них. Трансформируется отраслевая структура экономики, а существенная часть фирм, действующих на различных рынках, окажется вынужденной их покинуть. Рынок страхования жизни примечателен тем, что характер его функционирования в 2020 году довольно сложно спрогнозировать: это связывается со спецификой страховых продуктов и желанием населения компенсировать возможные потери в случае возникновения внештатных ситуаций. В этой связи представляется необходимым рассмотреть конъюнктуру рынка по состоянию на конец 2019 года, чтобы определить, каким было его состояние на момент вступления в кризис, а также сравнить структуру отечественного рынка страхования жизни с таковой на Западе.

© Дмитриев А.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Обзор литературы

Исследованиями в области формирования конъюнктуры отечественного и зарубежных рынков страхования жизни занимались А.М. Авакян (Авакян, 2014), О.Ю. Донецкова и А.Б. Плужник (Донецкова, Плужник, 2018), О.В. Чернова (Чернова, 2017), А.А. Мироненко (Мироненко, 2015), А.С. Дмитриев и А.А. Назарова (Дмитриев, Назарова, 2020) и многие другие (Цыганов, Брызгалов, 2018; Цыганов, Кириллова, 2018). Однако упомянутые исследования практически не затрагивали вопросов сравнения рыночных структур, а ряд иных данных, в них отраженных, нуждается в актуализации ввиду непрерывной трансформации рынков как в России, так и за рубежом.

Методы и подходы

Методология настоящего исследования включает структурный, статистический, системный, логический и иные виды анализа, а также синтез полученных результатов, направленный на формирование единой точки зрения относительно предмета исследования.

Результаты

Российский рынок страхования жизни на конец 2019 года был представлен 31 действующей компанией. Существенное расхождение в показателях между сферой страхования в целом и рынком страхования жизни обуславливается тем, что далеко не все страховщики могут осуществлять деятельность подобного рода: для этого необходимы дополнительные лицензии, сотрудники, помещения и иные ресурсы, требующие значительных вложений капитала. В этой связи следует говорить о том, что на рынке страхования жизни действуют наиболее крупные российские компании. Общее число субъектов рынка указывает на потенциальную возможность наличия на нем совершенной конкуренции, однако реальное положение дел указывает скорее на олигополистический характер рынка. В табл. 1 отражены данные по объемам страховых премий, собранных в 2019 году ведущими рыночными игроками, а также определена контролируемая ими доля рынка.

Согласно данным табл. 1, «Сбербанк страхование жизни» является неоспоримым лидером рынка: объем собранных им страховых премий в 2,65 раз превысил таковой у ближайшего конкурента – «АльфаСтрахование-Жизнь». К слову, объем страховых премий, собранных «Сбербанком», на 32,83 % превысил объем страховых премий, собранных фирмами, не вошедшими в пятерку лидеров. Его рыночная доля составила 35,96 %, а доля «АльфаСтрахования» – 13,56 %. Разрыв по объемам собранных премий между «АльфаСтрахование» и «СОГАЗ-ЖИЗНЬ» оказался далеко не таким существенным, как в случае с лидером рынка: доля собранных премий первого превысила таковую у второго на 21,65 %. Доля рынка «СОГАЗ-ЖИЗНЬ» составила 11,14 %. «Ренессанс Жизнь» и «Капитал Лайф Страхование Жизни», занявшие четвертую и пятую строки рейтинга соответственно, контролировали 7,97 и 4,29 % рынка соответственно. Объемы страховых премий, собранных «Ренессанс-Страхованием», были на 28,46 % ниже таковых у «СОГАЗ-ЖИЗНЬ». В свою очередь, объем

премий, приходящийся на долю «Капитал Лайф», оказался на 46,18 % ниже принадлежащего «Ренессанс Страхованию».

Таблица 1

Характеристика лидеров рынка страхования жизни в 2019 году

№	Наименование компании	Собрано страховых премий, млн руб.	Доля рынка, %
1	«Сбербанк страхование жизни»	147 228,44	35,96
2	«АльфаСтрахование-Жизнь»	55 494,13	13,56
3	«СОГАЗ-ЖИЗНЬ»	45 617,89	11,14
4	«Ренессанс Жизнь»	32 633,14	7,97
5	«Капитал Лайф Страхование Жизни»	17 562,10	4,29
6	Прочие компании	110 838,39	27,08

Источник: составлено автором по материалам РА Эксперт: рэнкинг российских страховщиков. URL: https://www.raexpert.ru/rankingtable/insurance/insurance_2019/1.1.1 (дата обращения: 19.04.2020).

Table 1

Characteristics of the leaders of the life insurance market in 2019

No.	Company	Collected insurance premiums, mln rubles	Market share, %
1	"Sberbank strakhovaniye zhizni"	147 228,44	35,96
2	"AlfaStrakhovaniye-Zhizn"	55 494,13	13,56
3	"SOGAZ-ZHIZN"	45 617,89	11,14
4	"Renessans Zhizn"	32 633,14	7,97
5	"Kapital Layf Strakhovaniye Zhizni"	17 562,10	4,29
6	Other companies	110 838,39	27,08

Source: compiled by the author based on materials Expert RA: ranking of Russian insurers. URL: https://www.raexpert.ru/rankingtable/insurance/insurance_2019/1.1.1 (accessed: 19.04.2020).

Подобные значения указывают на олигополию, сложившуюся на рынке. Данное утверждение можно подтвердить при помощи ряда статистических методов, включающих индекс концентрации (CR_5), индекс Херфиндала – Хиршмана (НИ) и кривую Лоренца, предназначенную для графического отображения особенностей структуры распределения рыночных долей.

1. Индекс концентрации (CR_5) – рассчитывается как сумма рыночных долей ведущих компаний. Представляет собой наиболее простой способ оценки уровня рыночной концентрации, однако обладает рядом недостатком, одним из которых является игнорирование весов показателей. Значение индекса выше 60 свидетельствует о потенциальной возможности наличия на рынке олигополии. Индекс концентрации для исследуемого рынка составляет:

$$CR_5 = 35,96 + 13,56 + 11,14 + 7,97 + 4,29 = 72,92. \quad (1)$$

Подобное значение индекса свидетельствует о том, что на исследуемом рынке сложилась олигополия: 72,92 % его находится под контролем пяти ведущих компаний, тогда как остальные 26 фирм делят между собой оставшиеся 27,08 %. Разумеется, на основании одного только индекса концентрации нельзя сделать однозначный вывод о конкурентной среде на отечественном рынке страхования жизни. Для этого необходимо рассмотреть другие показатели.

2. Индекс Херфиндаля – Хиршмана (ННІ) представляет собой взвешенный показатель, основанный на возведении в квадрат рыночных долей компаний¹. Значения индекса, не превышающие 1000, свидетельствуют о слабой концентрации рынка. От 1000 до 1800 – об умеренной. Значения выше 1800 говорят о том, что рынок сильно концентрирован и на нем имеется масса барьеров для вхождения новых игроков. Максимальное значение индекса – 10 000 – указывает на монополию. Данный индекс активно используется при оценке рыночной концентрации в различных странах, в том числе и в России. С его помощью Центральный банк следит за уровнем развития конкуренции на финансовых рынках. Он считается одним из наиболее достоверных показателей рыночной концентрации, тем не менее рядом ученых отмечаются завышения значимости долей лидеров рынка при возведении их в квадрат – по их мнению, это существенно снижает объективность получаемой оценки. Значение индекса Херфиндаля – Хиршмана для исследуемого рынка составило:

$$\text{ННІ} = 35,96^2 + 13,56^2 + 11,14^2 + 7,97^2 + 4,29^2 = 1683,31. \quad (2)$$

Значение показателя свидетельствует о приближении значения индекса к порогу сильной концентрации. На исследуемом рынке существует ряд входных барьеров для новых компаний – это указывает на олигополистический его характер. Согласно действующему законодательству, подобное значение индекса указывает на необходимость ограничения сделок слияния и поглощения на исследуемом рынке во избежание еще более ощутимого усиления монопольной власти лидирующих на нем субъектов.

3. Особенности распределения объемов собранных страховых премий между компаниями, действующими на исследуемом рынке, можно рассмотреть при помощи графика кривой Лоренца. Кривая Лоренца является одним из классических методов отражения уровня концентрации отраслевых рынков. По горизонтальной оси отложены значения доли фирм в процентах от общего их числа. На вертикальной оси размещены отметки, соответствующие рыночным долям, контролируемым фирмами. Диагональная линия демонстрирует идеальное распределение рыночных долей между субъектами, возможное при совершенной конкуренции. Кривая отражает реальное распределение.

Распределение, представленное на рисунке, свидетельствует о том, что 76,7 % совокупных сумм полученных страховых премий на отечественном рынке страхования жизни сосредоточено в руках 20 % ведущих компаний. Под контролем следующей двадцатки находится 13,5 % рынка. 6,6 % принадлежит компаниям третьей двадцатки, а четвертая и пятая занимают 2,7 и 0,5 % рынка соответственно. Средняя доля рынка по двадцаткам составляет: первая – 12,37 %; вторая – 2,18 %; третья – 1,06 %; четвертая – 0,44 %; пятая – 0,08 %.

Сложившееся на рынке положение однозначно препятствует развитию конкуренции и формированию здоровой рыночной среды. Учитывая, что при трансплантации страховых институтов в ходе рыночных реформ 1990-х годов российские предприниматели и государство опирались преимущественно на

¹ Индекс Херфиндаля – Хиршмана // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/economics/text/4664610> (дата обращения: 28.04.2020).

опыт Запада, целесообразным представляется рассмотрение зарубежной модели рынка страхования жизни. При этом, разумеется, следует оговорить разницу между рассматриваемыми институциональными средами: добровольным страхованием в России еще не стало.

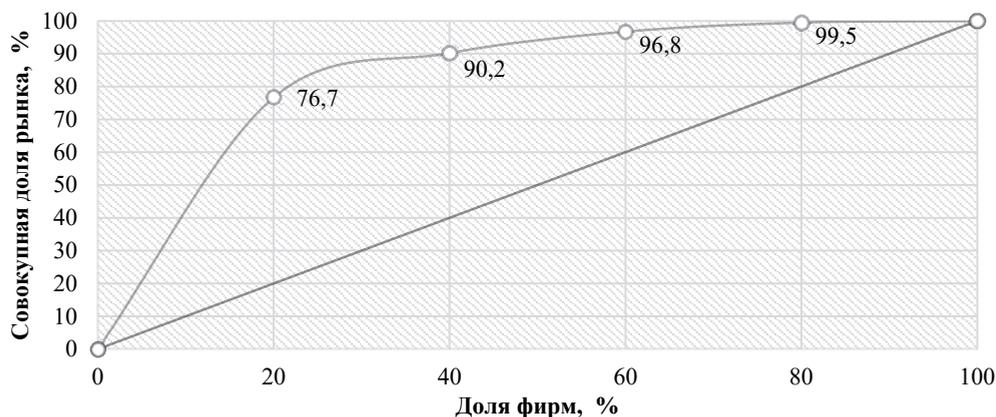

Рис. График кривой Лоренца для российского рынка страхования жизни в 2019 году
[Figure. Graph of the Lorenz curve for the Russian life insurance market in 2019]

Источник: составлено автором по материалам РА Эксперт: рэнкинг российских страховщиков. URL: https://www.raexpert.ru/rankingtable/insurance/insurance_2019/1.1.1 (дата обращения: 19.04.2020).

На основании данных об объемах собранных страховых премий страховых компаний США, Канады и Американского Самоа в 2019 году была построена табл. 2, в которой отражены данные об объемах страховых премий, собранных лидерами рынка.

Таблица 2

Характеристика лидеров западного рынка страхования жизни в 2019 году, млн долл.
[Table 2. Characteristics of the leaders of the Western life insurance market in 2019, mln doll.]

№ [No.]	Наименование компании [Company]	Собрано страховых премий, млн долл. [Collected insurance premiums, \$ mln]	Доля рынка, % [Market share, %]
1	NORTHWESTERN MUT GRP	11 278,80	6,48
2	NEWYORK LIFE GRP	11 053,78	6,35
3	METROPOLITAN GRP	10 767,18	6,19
4	LINCOLN NATL GRP	9651,12	5,54
5	PRUDENTIAL OF AMER GRP	9642,36	5,54
	Прочие компании [Other companies]	121 679,48	69,90

Источник: составлено автором по материалам The NAIC. URL: <https://content.naic.org> (дата обращения: 12.05.2020).

На рынке страхования жизни в США, Канаде и Американском Самоа, согласно табл. 2, лидирует группа Northwestern, основанная в 1857 году. Объем страховых премий, собранных ею в 2019 году, составляет в относительном выражении 6,48 % от общего показателя по рынку. Цифры не выглядят внушительными – одно только положение лидера рынка наталкивает на мысль о невозможности наличия на нем олигополии. Незначительно отстает от ведущего

игрока группа New York Life, в руках которой на конец 2019 года было сосредоточено 6,35 % совокупного объема страховых премий, собранных всеми субъектами исследуемого рынка. New York Life Insurance Company обладает 175-летним опытом в деле страхования жизни: компания была основана в 1845 году и с тех пор пользуется доверием и авторитетом среди миллионов клиентов. Холдинг Metropolitan Life Insurance Company, зародившийся в 1863 году в виде компании National Union Life and Limb Insurance Company, а ныне более известный под сокращенным названием MetLife, по результатам 2019 года имел в распоряжении 6,19 % от суммарного объема страховых премий по рынку. The Lincoln National Life Insurance Company, основанная в 1905 году и находящаяся в составе группы Lincoln National Corporation собрала 5,54 % совокупного объема премий по рынку, как и Prudential Financial (основанная в 1875 году), с незначительным отставанием разместившаяся на пятой строке рейтинга лидеров рынка. Оставшиеся компании располагали в сумме 69,90 % рынка. На основании имеющихся данных были оценены значения показателей, ранее применявшихся для рассмотрения ситуации на российском рынке страхования жизни.

1. Индекс концентрации (CR_5):

$$CR_5 = 6,48 + 6,35 + 6,19 + 5,54 + 5,54 = 30,10. \quad (3)$$

Полученное значение индекса свидетельствует о слабой концентрации рынка страхования жизни на Западе, однако более точные выводы позволит сделать индекс Херфиндаля – Хиршмана.

2. Индекс Херфиндаля – Хиршмана (НИ):

$$НИ = 6,48^2 + 6,35^2 + 6,19^2 + 5,54^2 + 5,54^2 = 181,99. \quad (4)$$

Значение индекса также свидетельствует о слабой концентрации на западном рынке страхования жизни. Имеет место монополистическая конкуренция между действующими на нем компаниями. При этом существует ряд структурных особенностей данного рынка: в частности, речь идет о географических сферах влияния его участников.

Лидеры рынка действуют в составе групп, что, как и в России, является признаком априорного наличия барьеров для вхождения на рынок новых компаний. При этом сохранение рыночных долей в разумных пределах позволяет безбоязненно проводить сделки слияния и поглощения. Рассмотрение географии влияния компаний свидетельствует о том, что в ряде штатов в лидерах оказываются компании, не входящие в общий топ. Основываясь на полном отчете о рынке страхования жизни за 2018 год, следует отметить, что на Аляске 28,86 % рынка контролируется LIA HOLDINGS GRP, занимающая 88 место в общем списке страховщиков по США и Канаде, а значение НИ по рынку составляет 1116,51, что свидетельствует о его олигополизации; в Делавэре 14,18 % рынка занимает NATIONWIDE CORP GRP, находящаяся на одиннадцатой строке общего рейтинга. В Американском Самоа 23,14 % совокупных страховых премий по рынку находится в руках 5 STAR LIFE INS CO, расположившейся на девяносто восьмом месте общего рейтинга. В России наблюдается похожая ситуация, с тем исключением, что на региональных рынках всегда лидируют одни и те же компании, входящие в общий список лидеров.

Диверсификация деятельности, осуществляемая западными группами, чаще всего не выходит за пределы финансового сектора экономики: деятельность группы может быть представлена страхованием, кредитованием, доверительным управлением, операциями с недвижимостью, биржевым посредничеством и др. В России все обстоит несколько иначе: так, в составе группы «Сбербанк», помимо собственно крупнейших в России банка, страховых и управляющей компании, брокерских организаций и прочего, находится санаторно-курортный комплекс «Мрия»; в составе группы «Альфа-Групп», содержащей в том числе компанию «Альфа-Страхование», находится IDS Bojomi International – крупная компания, специализирующаяся на производстве минеральной воды. Крупная страховая компания «СОГАЗ» является дочерней компанией транснациональной компании ПАО «Газпром» (как и «Газпромбанк», стабильно попадающий в топ-30 крупных российских банков). Осуществление деятельности в реальном секторе позволяет компаниям добиваться перекрестной потребительской лояльности.

Лояльность потребителей на Западе обуславливается не столько повсеместным проникновением компании или дочерних ее структур, сколько историческими факторами, которые задействуют механизмы культурной инерции. Страховщики, лидирующие на западном рынке страхования жизни, существуют уже более ста лет (самой «молодой» компании из топа рейтинга – The Lincoln National Life Insurance Company – 105 лет), а потому они уже давно снискали уважение и доверие со стороны потребителей (мы предполагаем это, поскольку в противном случае их бы уже не существовало). В отличие от России, где страхование как вид предпринимательской деятельности и неотъемлемый элемент всех сторон рыночных отношений, было «заморожено» по наступлении Октябрьской революции 1917 года и с тех пор осуществлялось централизованно, на Западе оно прошло через все экономические потрясения XX века, приняв наконец форму, адекватную надеждам и желаниям клиентов. В России же страхование развивалось медленно как до революции, так и после нее. И в первом, и во втором случаях причиной тому был, во-первых, недостаточный уровень реальных доходов граждан, а во-вторых, отсутствие финансовой грамотности населения.

Рыночные реформы, начавшиеся в конце 1980-х годов в СССР и не завершившиеся по сей день, обусловили необходимость быстрого формирования действующей модели рынка. Государственные деятели, опиравшиеся ранее на постулаты административно-командной системы, оказались в тупике: не было соответствующего опыта, как не существовало и готовых рецептов формирования рыночных институтов. Современная российская модель рынка создавалась на основе таковых на Западе (в большей степени) и странах Европы (в меньшей степени). Перестроение некогда государственных структур сопровождалось массой неэффективных и ошибочных решений. В частности, это касалось финансового сектора экономики. Частные финансовые пирамиды, организованные по схеме Понци, государственная пирамида ГКО, ваучерная система приватизации и многое другое – все это привело к росту недоверия граждан финансовым структурам, действующим в стране. Гиперинфляция, приведшая к деноминации российской валюты в 1998 году, закрепила в общественном сознании представление о неустойчивости рубля. Низкие (а подчас и отсутству-

ющие в классическом представлении) заработные платы на рубеже 1990-х и 2000-х годов также значительно сужали круг альтернативных вариантов вложения средств для граждан; в этих условиях ни о каком развитии финансовых институтов по западному образцу не могло быть и речи.

Рост уровня реальных доходов населения способствовал популяризации добровольного страхования, однако полноценному его развитию препятствовало обязательное страхование, в частности – медицинское, отчисления на которое независимо от воли работника вычитаются из его заработной платы и направляются в фонды ОМС. Бесплатная медицинская помощь также не позволяет добровольному страхованию развиваться в полную силу, однако она вместе с тем препятствует искусственному повышению спроса на страховые продукты. В условиях низкого уровня реальных доходов граждан подобная ситуация была бы катастрофической. На Западе, в свою очередь, не существует бесплатной медицинской помощи, а потому страховые продукты пользуются куда большим, чем в России, спросом. Платежеспособный спрос порождает борьбу фирм за внимание клиентов, а потому западный рынок страхования жизни постоянно находится в движении, что и порождает монополистическую конкуренцию. Финансовый сектор отечественной экономики остается малопривлекательным для новых рыночных игроков, поскольку риски для них существенно превышают возможности заработка. Слабый приток новых компаний, тенденция к сжатию рынка, появление новых барьеров для вхождения – все это приводит к усилению монопольной власти ведущих компаний.

Заключение

В условиях объективной невозможности (и нецелесообразности) коренной трансформации институциональной среды наиболее здравым решением представляется частичная трансплантация западных страховых институтов, которая может выражаться:

- в диверсификации портфеля страховых услуг для отдельных субъектов рынка с целью формирования как премиальных, так и доступных широким слоям населения продуктов;
- осуществлении деятельности по повышению финансовой грамотности населения с целью развенчания сложившихся мифов о бесполезности и дороговизне страхования;
- усилении надзорных мер со стороны Банка России в целях ограничения сделок слияния и поглощения на рынке, который и без того характеризуется олигополистической структурой.

Таким образом, российский рынок страхования жизни является развивающимся, и на пути к институционализации страхования и популяризации ее среди граждан ему предстоит пройти еще несколько стадий развития. Данные этапы будут связаны в первую очередь с выработкой страховых продуктов, чья цена будет адекватна уровню реальных доходов населения, а также с повышением финансовой грамотности россиян. Олигополия не может быть устранена в одночасье, однако она является одним из основных факторов стагнации финансового сектора, что превращает борьбу с ней в одну из ключевых задач развития национальной экономики.

Список литературы

- Авакян А.М. Страхование жизни: зарубежный опыт и необходимость развития в России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 15. С. 137–139.
- Дмитриев А.С., Назарова А.А. Тенденции развития страхового рынка в России: институциональный аспект // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 1. С. 159–167.
- Донецкова О.Ю., Плужник А.Б. Развитие страхового бизнеса в условиях новых вызовов времени // АНИ: экономика и управление. 2018. № 4 (25). С. 97–100.
- Мироненко А.А. Перспективы развития страхового рынка в условиях кризиса // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 108–115.
- Цыганов А.А., Брызгалов Д.В. Цифровизация страхового рынка: задачи, проблемы и перспективы // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 111–120.
- Цыганов А.А., Кириллова Н.В. Страховой рынок Российской Федерации: региональный аспект // Экономика региона. 2018. № 4. С. 1270–1281.
- Чернова О.В. Концентрация рынка страхования жизни в России как один из факторов прогнозируемого замедления темпов роста отрасли // Вестник ВГУИТ. 2017. № 1 (71). С. 460–463.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26 мая 2020 г.

Дата проверки: 23 июня 2020 г.

Дата принятия статьи: 10 июля 2020 г.

Для цитирования:

Дмитриев А.С. Структурные особенности западного и российского рынка страхования жизни // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 787–796. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-787-796>

Сведения об авторе:

Дмитриев Алексей Сергеевич, экономист Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6988-8990>, eLIBRARY SPIN-код: 5255-8998. E-mail: basement.dmitriev@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-787-796

Research article

Structural features of life insurance markets in Russia and the West

Alexey S. Dmitriev

Territorial Office of the Federal State Statistics Service for the Volgograd Region (Volgogradstat)
1 Volodarskogo St, Volgograd, 400066, Russian Federation

Abstract. The relevance of this research is due to the need to develop the financial sector of the domestic economy, which has become obvious in the context of the global economic crisis. This paper examines the structural features of life insurance markets in Russia and the West. The purpose of the study is to assess the state of the competitive environment in the markets under consideration and draw conclusions about the barriers to entry for new companies. The methodology of the work includes structural, statistical, system, logical, and other

types of analysis, as well as the synthesis of the results obtained. Using the example of the Russian and Western life insurance markets, the role of geographical segments in shaping the overall market environment is evaluated. Based on the results of the research, the necessity of partial transplantation of the Western model of market environment formation based on monopolistic competition of market participants is justified.

Keywords: insurance, financial sector, industry markets, competition, oligopoly, market economy, transplantation of economic institutions

References

- Avakian, A.M. (2014). Strahovanie zhizni: Zarubezhnyj opyt i neobhodimost razvitiya v Rossii [Life insurance: Foreign experience and the need for development in Russia]. *Theory and practice of social development*, (15), 137–139. (In Russ.)
- Chernova, O.V. (2017). Koncentracija rynka strahovanija zhizni v Rossii kak odin iz faktorov prognoziruemogo zamedlenija tempov rosta otrasli [Concentration of the life insurance market in Russia as one of the factors of the projected slowdown in the industry growth rate]. *Vestnik VGUIT*, 1(71), 460–463. (In Russ.)
- Dmitriev, A.S., & Nazarova, A.A. (2020). Tendencii razvitiya strahovogo rynka v Rossii: Institucionalnyj aspekt [Trends in the development of the insurance market in Russia: The institutional dimension]. *Vestnik Instituta jekonomiki RAN*, (1), 159–167. (In Russ.)
- Donetskova, O.Yu., & Pluzhnik, A.B. (2018). Razvitie strahovogo biznesa v uslovijah novyh vyzovov vremeni [Development of insurance business in the conditions of new challenges of time]. *ANI: Jekonomika i upravlenie*, 4(25), 97–100. (In Russ.)
- Mironenko, A.A. (2015). Perspektivy razvitiya strahovogo rynka v uslovijah krizisam [Prospects for the development of the insurance market in the crisis]. *Bulletin of state and municipal administration*, (1), 108–115. (In Russ.)
- Tsyganov, A.A., & Bryzgalov, D.V. (2018). Cifrovizacija strahovogo rynka: Zadachi, problemy i perspektivy [Digitalization of the insurance market: Tasks, problems and prospects]. *Economy. Taxes. Law*, (2), 111–120. (In Russ.)
- Tsyganov, A.A., & Kirillova, N.V. (2018). Strahovoj rynek Rossijskoj Federacii: Regionalnyj aspekt [Insurance market of the Russian Federation: Regional aspect]. *Regional economy*, (4), 1270–1281. (In Russ.)

Article history:

Received: 26 May 2020

Revised: 23 June 2020

Accepted: 10 July 2020

For citation:

Dmitriev, A.S. (2020). Structural features of life insurance markets in Russia and the West. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 787–796. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-787-796>

Bio note:

Alexey S. Dmitriev, economist of the Territorial Office of the Federal State Statistics Service for the Volgograd Region (Volgogradstat). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6988-8990>, eLIBRARY SPIN-code: 5255-8998. E-mail: base-ment.dmitriev@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-797-806

УДК 330.322.4

Научная статья

Моделирование оптимизационных процессов инвестиционной деятельности профессиональной спортивной организации

А.И. Матвиенко

Полоцкий государственный университет
Республика Беларусь, 211440, Новополоцк, ул. Блохина, 29

Аннотация. В статье рассматривается моделирование инвестиционного регулирования деятельности профессиональных спортивных организаций в Республике Беларусь. Выявлены подходы ученых и исследователей к исследуемому вопросу. Для решения обозначенной проблемы, разработана модель инвестиционного регулирования профессиональной спортивной организации, которая позволяет оперативно и обоснованно проводить распределение инвестиционных ресурсов на основе имитационно-итерационных возможностей. Предложенная экономико-математическая модель дает возможность в общих экономических показателях учесть вклад каждого сегмента дохода в совместные результаты операционной деятельности и, как следствие, способствует более тесной интеграции менее потенциальных из них, что приводит к синергетическому эффекту. Проведена апробация разработанной динамической имитационной модели инвестиционного регулирования на примере профессиональной спортивной организации, результаты подтверждают эффективное распределение инвестиционных средств, за счет чего наблюдается положительный экономический эффект в виде совокупного прироста доходов.

Ключевые слова: инвестиционное регулирование, экономико-математическое моделирование, максимизация доходов, профессиональный спорт, Республика Беларусь

Введение

Профессиональный спорт в Республике Беларусь проходит начальный этап развития коммерциализации в своей индустрии, что позволяет потенциальным инвесторам полноценно осуществлять вложения в определенный сегмент спортивного рынка.

Основные проблемы профессионального спорта в Республике Беларусь связаны с неэффективной, устаревшей моделью функционирования субъектов спортивного хозяйства на национальном уровне. Для решения настоящей задачи в мировой практике используются инструменты, главным образом основанные на внедрении современных инновационных технологий системы оптимального распределения ресурсов.

© Матвиенко А.И., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Доля потенциальных потребителей футбольного продукта в Республике Беларусь, как и во всем мире, традиционно преобладает среди остальных видов профессионального спорта. В связи с чем данное исследование проводилось на примере футбольных организаций, что, однако, не умаляет важности полученных результатов, поскольку они могут быть применимы и к другим видам спорта.

Основополагающая задача эффективного инвестиционного регулирования в профессиональной спортивной организации заключается в оптимальном ранжировании выделяемых вложений на развитие и поддержание сегментов дохода в условиях реального дефицита таких средств и получении положительного экономического эффекта от них.

Рациональным инструментарием для решения проблемы избрания оптимального механизма распределения инвестиционных средств профессиональной спортивной организации являются методы оптимизации, которые позволяют на практике эффективно максимизировать доход от всех сегментов организации в синергетической плоскости.

Обзор литературы

На современном этапе развития мировой экономической мысли появился ряд исследований, посвященных инвестиционному регулированию профессиональных спортивных организаций.

Так, *канадские* исследователи, профессора Рональд МакКарвилл (Университет Ватерлоо) и Венди Фрисби (Университет Британской Колумбии) осуществляли изучение канадских корпораций, которые непосредственно принимают участие в спонсировании профессионального спорта, и выявили, что важную роль играет возврат вложенных инвестиций (Frisby, McCarville, 1996). Профессор Брэд Хамфрис (Альбертский университет) построил экономическую модель инвестиций в человеческий капитал в профессиональном спорте, которая прогнозирует оптимальный уровень спонсорской поддержки, государственной дотаций и субсидий в странах с развитой рыночной экономикой (Humphreys, Munich, 2008).

Ученые из *США*, Стив МакКельвей (Массачусетский университет) и Джон Грейди (Университет Южной Каролины) рассмотрели реализацию и эффективность различных стратегических программ защиты инвестиций официальных спонсоров и их целостности в изменяющихся условиях рынка (McKelvey, Grady, 2008). Заслуженный профессор Джон Кромптон (Техасский университет A & M) и профессор Дэннис Ховард (Орегонский университет) спрогнозировали экономические последствия инвестиций в спортивные проекты, обосновали затраты, издержки и чистую прибыль от таких вложений, определили масштабы и направленность государственных инвестиций в спортивные объекты (Crompton, Howard, 2003; 2013).

Швейцарский ученый, профессор Хельмут Дитль совместно с Мартином Гроссманном и Урсом Тринкнером (Университет Цюриха) представили модель инвестиций в спортивные таланты с постоянной эластичностью предельных расходов, что повышает конкурентное равновесие (Grossmann et al., 2008).

Исследователь из *Германии*, профессор Маттиас Кракел (Боннский университет) рассматривал оптимальное распределение доходов в профессиональной спортивной лиге (Krakel, 2007).

Французский ученый, заслуженный профессор Владимир Андрефф (Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна) сравнил четыре модели финансирования в профессиональном спорте, оценил изменения, происходящие на рынках труда и продуктивность этих моделей (Andreff, Staudohar, 2009).

Ученые *Израиля*, профессора Хаим Кедар-Леви и Майкл Бар-Эли (Университет имени Бен-Гуриона) представили теоретическую модель для оценки и расчета инвестиций в развитие профессиональных спортивных организаций с учетом возможных рисков (Kedar-Levy, Bar-Eli, 2008).

Немаловажный вклад внес ученый из *Российской Федерации* А.Г. Дмитриев, разработав модель анализа текущей трансферной деятельности профессионального футбольного клуба, методику оценки потенциала футбольных клубов и эффективности его реализации, модель управления изменением трансферной стратегии клуба, модель управления спекулятивной стратегией клуба и построив экономико-математическую модель производства игроков клубом (Дмитриев, 2011).

Наряду с этим вопросы определения оптимальных размеров выделения инвестиционных средств на поддерживающие и развивающие сегменты профессиональной спортивной организации негативно влияют на развитие индустрии профессионального спорта в стране. Все это определяет актуальность и целесообразность разработки данной проблемы в настоящем исследовании.

Методико-аналитическая основа построения динамической имитационной модели множественной линейной регрессии

На сегодняшний день существует программное обеспечение, которое обладает возможностями имитационного моделирования в экономике, но многие из данных продуктов имеют свои недостатки, особенно для применения в такой специализированной области исследований, как экономика профессионального спорта. В связи с чем для эффективного решения прикладных задач в настоящем исследовании был разработан автоматизированный продукт Optimod pro, который дает возможность непрерывно генерировать точные выходные данные распределения инвестиционных ресурсов профессиональной спортивной организации на основе построенной имитационной модели.

Для построения имитационной модели определим ее основные составляющие: переменные, компоненты, параметры, ограничения, функциональные зависимости и целевые функции. В связи с чем рассмотрим логико-математическое описание моделируемой системы регулирования инвестиций профессиональной спортивной организации, в основе которой лежит следующее выражение:

$$B_j = \sum_{i=1}^n P_{ij} - (C_{il} \cdot k_{il}^d) - F_l - \sum_{i=1}^n P_{ij} \cdot k^f,$$

где B_j – бюджет профессиональной спортивной организации на j -й (отчетный) период; P_{ij} – доходы от i -го сегмента за j -й (отчетный) период; C_{il} –

инвестиции на развитие и поддержание i -го сегмента на l -й (будущий) период; F_l – расходы по основным статьям профессиональной спортивной организации на l -й (будущий) период; k_{il}^d – коэффициент развития (поддержания) i -го сегмента на l -й (будущий) период; k^f – коэффициент резервного фонда; n – число сегментов ($i = 1, n$).

Формирование всех составляющих в приведенной логико-математической модели рассмотрим более подробно и определим их значение при различных условиях. В начале определим для функционирования реальной системы, каков удельный вес доходов от каждого сегмента, принесенного в бюджет. На основе анализа годового отчета компании Deloitte – Football Money League 2020¹ и сравнительного отчета по лицензированию клубов УЕФА «Ландшафт европейского клубного футбола» за 2018 финансовый год² составлен перечень основных статей дохода профессиональной спортивной организации, характерных для национального чемпионата Республики Беларусь. Они учтены в имитационной модели и оказывают непосредственное существенное влияние на формирование бюджета профессиональной спортивной организации, а именно это доходы от продажи билетов и сезонных абонементов, призовые УЕФА, доходы от трансферных операций, продажи прав на трансляции и медиа, спонсорских программ и коммерческой деятельности и некоторые другие.

Доходы от таких сегментов, как продажа прав на трансляции (медиа) и поступления по прочим статьям, зависят от экономического положения и показателей эффективности игровой деятельности, в связи с чем целесообразно при распределении средств на будущий период не учитывать данные сегменты. Призовые от выступления команды профессиональной спортивной организации в еврокубках зависят от возможности выхода клуба в следующие стадии борьбы за победу в еврокубках, поэтому данный сегмент носит непостоянный характер при формировании статей доходов.

Рассмотрим формирование структуры статей доходов в бюджете профессиональной спортивной организации на примере национального первенства по футболу Республики Беларусь (рис. 1).

Как видно из диаграммы, структура по основным статьям доходов представлена примерно в равных долях, за исключением статей дохода от билетных программ и продажи прав на трансляции (медиа), которые не получили широкого распространения и поддержки в нашем национальном первенстве. Показатель дохода от трансферных операций, как правило, преобладает над остальными в крупных европейский лигах в связи с тем, что данная статья дохода напрямую связана с оплатой труда профессиональных спортсменов, которая у многих профессиональных спортивных организациях занимает наибольший удельный вес в составе расходов на ее развитие,

¹ Deloitte Football Money League 2020 / Deloitte. 2020. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/uk/Documents/sports-business-group/deloitte-uk-deloitte-football-money-league-2020.pdf> (accessed: 15.01.2020).

² The European Club Footballing Landscape. Club Licensing Benchmarking Report: Financial Year 2018 / UEFA. 2020. URL: https://www.uefa.com/MultimediaFiles/Download/OfficialDocument/uefaorg/Clublicensing/02/63/79/75/2637975_DOWNLOAD.pdf (accessed: 18.01.2020).

однако в белорусском национальном чемпионате это направление находится на первоначальном этапе своего развития в клубной политике.

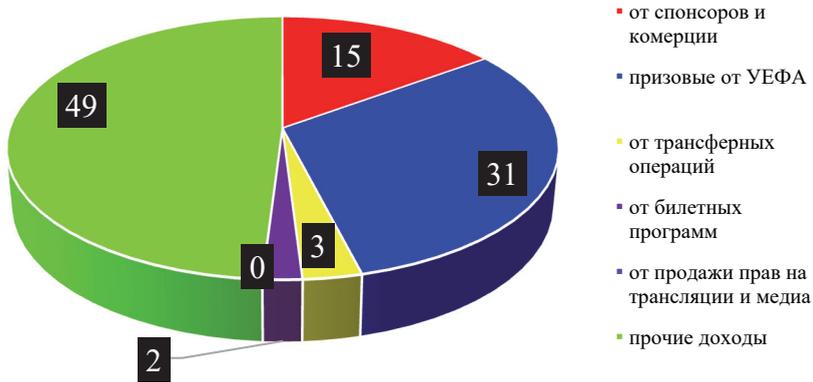

Рис. 1. Усредненная структура доходов профессиональной спортивной организации по сегментам, %
 [Figure 1. Average structure of income generated by a professional sports organization by segment, %]

Источник: собственная разработка на основе анализа данных Deloitte Football Money League 2020 / Deloitte. 2020. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/uk/Documents/sports-business-group/deloitte-uk-deloitte-football-money-league-2020.pdf> (accessed: 15.01.2020); The European Club Footballing Landscape. Club Licensing Benchmarking Report: Financial Year 2018 / UEFA. 2020. URL: https://www.uefa.com/MultimediaFiles/Download/OfficialDocument/uefaorg/Clublicensing/02/63/79/75/2637975_DOWNLOAD.pdf (accessed: 18.01.2020).

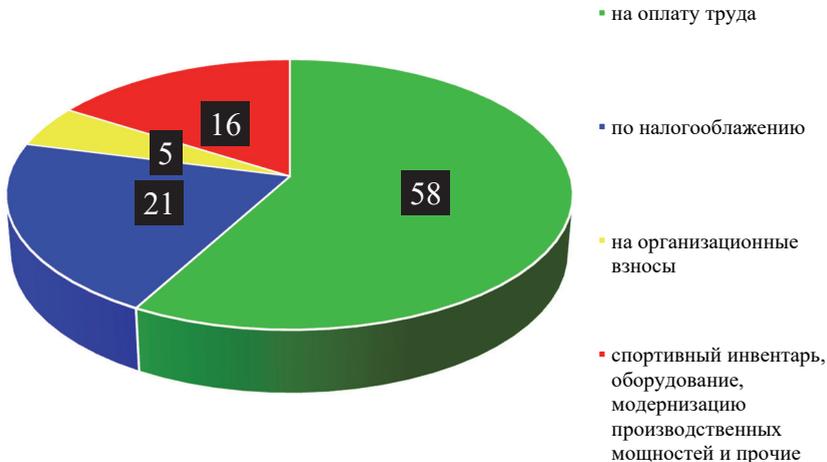

Рис. 2. Усредненная структура постоянных расходов профессиональной спортивной организации по направлениям, %
 [Figure 2. Average structure of fixed expenses of a professional sports organization in the areas, %]

Источник: собственная разработка на основе анализа данных Deloitte Football Money League 2020 / Deloitte. 2020. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/uk/Documents/sports-business-group/deloitte-uk-deloitte-football-money-league-2020.pdf> (accessed: 15.01.2020); The European Club Footballing Landscape. Club Licensing Benchmarking Report: Financial Year 2018 / UEFA. 2020. URL: https://www.uefa.com/MultimediaFiles/Download/OfficialDocument/uefaorg/Clublicensing/02/63/79/75/2637975_DOWNLOAD.pdf (accessed: 18.01.2020).

При определении постоянных расходов на предстоящий период по направлениям и их соотношения возьмем за основу национальные первенства по игровым видам спорта Республики Беларусь (рис. 2). Оплата труда профес-

сиональных спортсменов и налогообложение занимают наибольший удельный вес в составе расходов, что наблюдается и в зарубежной практике ведущих профессиональных спортивных организаций мира. Размер остальных статей расходов по удельной доле в структуре соответствуют общепризнанной практике в игровых видах спорта.

Для определения оптимальных значений весовых коэффициентов поддержания и развития сегментов, а также для отчисления в резервный фонд необходимо прогнозирование при различных условиях на предстоящий период.

С помощью экономико-математических, расчетно-аналитических и статистических методов данное прогнозирование в настоящее время, скорее всего, не представляется возможным, в связи с чем для принятия обоснованных решений необходимо опираться на опыт, знания и интуицию специалистов – экспертов в исследуемой области и, соответственно, использовать метод экспертных оценок, который широко применяется для проведения подобных исследований.

Специалистам, ученым и практикам в исследуемой области было предложено определить оптимальные весовые коэффициенты для принятия решений с целью оптимального распределения части бюджета профессиональной спортивной организации в резервный фонд, а также в целях инвестирования на поддерживающие и развивающие сегменты.

Проверка высказанных профессиональных мнений экспертов показала, что они согласовываются по ключевым позициям, содержащимся в техническом задании. Результаты расчетов весовых коэффициентов, присвоенных каждым из экспертов, производились по методу средних арифметических и методу медиан, после чего полученные данные были систематизированы и сведены в таблицу.

Таблица

Показатели весовых коэффициентов по результатам экспертных оценок
[Table. Indicators of weight coefficients based on the results of expert evaluations]

Отчисления в резервный фонд при распределении инвестиций организации, % [Contributions to the reserve fund when distributing investments of the organization, %]											
5											
Сегменты [Segments]	Прибыль, приносимая сегментами [Profit by segments], % (p)										
	0–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–50	51–60	61–65	66–80	81–90	91–100
Трансферные операции [Transfer operations]	$p \cdot 1,8$	$p \cdot 1,7$	$p \cdot 1,6$	$p \cdot 1,5$	$p \cdot 1,4$	$p \cdot 1,3$	$p \cdot 1,2$	$p \cdot 1,1$	$p \cdot 1,0$	$p \cdot 0,9$	$p \cdot 0,8$
Коммерческая деятельность [Commercial activity]	p (с понижением или повышением в равных долях, в зависимости от изменения k^i)										
Пиар-технологии продвижения [PR-technologies]	(with decrease or increase in equal shares, in accordance with changing of k^i)										

Источник: собственная разработка на основе экспертных оценок.

Для получения весового коэффициента по сегменту (направлению доходов), связанного с трансферными операциями (k^i), используется корректирующий коэффициент в связи с тем, что трансферные операции напрямую связаны с оплатой труда профессиональных спортсменов, которая занимает наибольший удельный вес в составе расходов. В свою очередь, для поддержа-

ния данного сегмента в конкурентном состоянии необходим предложенный корректирующий коэффициент в зависимости от удельной прибыли, которую данный сегмент принес. По остальным сегментам весовые коэффициенты определяются в соответствии с показателями принесенной данными сегментами прибыли, выраженной в процентном соотношении (p), с понижением или повышением в равной степени между ними доли от весового коэффициента по трансферным операциям после их корректировки.

Апробация разработанной экономико-математической модели инвестиционного регулирования

Все составляющие логико-математической модели были рассмотрены и определены их значения, характерные для национальных первенств по игровым видам спорта Республики Беларусь. Таким образом, с использованием разработанного программного продукта построим структурно-логическую схему имитационной модели, которая позволит осуществлять программирование в долгосрочной перспективе на основе полученных данных и ориентирована на непрерывное моделирование.

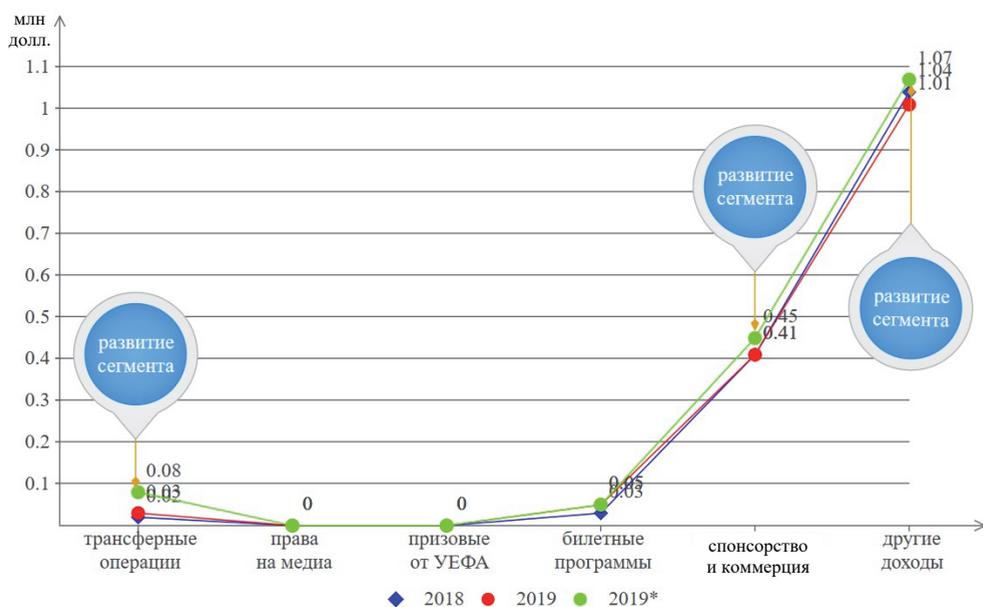

Рис. 3. Значения показателей дохода по сегментам профессиональной спортивной организации, рассчитанных на основе использования имитационной модели в Optimod pro
[Figure 3. Values of income indicators by segments of a professional sports organization, calculated based on the use of a simulation model in Optimod pro]

Примечание. * – при использовании весовых коэффициентов поддержания и развития сегментов.

Источник: собственная разработка на основе полученных данных в Optimod pro.

Применим созданную динамическую имитационную модель с установленными весовыми коэффициентами в разных вариациях на предмет соответствия реальным рыночным условиям для оптимизации инвестиционного регулирования на примере футбольного клуба «Минск». За основу возьмем бюджет клуба на 2018–2019 годы, который составляет 1,5 млн долл. за каждый отчетный год (рис. 3). За базисную основу был принят бюджет 2018 года,

показатели оптимизации поддержания и развития сегментов рассчитывались на 2019 год. Полученные показатели дохода по сегментам профессиональной спортивной организации имитационной моделью в *Optimod pro* иллюстрируют эффективное распределение вложений в развитие потенциальных направлений на основе весовых коэффициентов, за счет чего наблюдается положительный экономический эффект в виде совокупного прироста доходов по данным сегментам в размере 0,15 млн долл.

Анализ выходных данных с помощью созданной модели (рис. 3) показал, что в результате рационального распределения вложений в *Optimod pro* на постоянные расходы и инвестиции в сегменты появляется возможность для экономии средств в резервный фонд, что снижает риски в форс-мажорных обстоятельствах. Полученная имитационная модель оптимизационного инвестиционного регулирования профессиональной спортивной организации выступает в роли автоматизированного инструмента для оценки различных сценариев и стратегических вариантов по результатам имитационного моделирования на основе итерационных имитационно-оптимизационных возможностей.

Заключение: перспективы применения разработанной модели на спортивном рынке»

Разработанная модель инвестиционного регулирования профессиональной спортивной организации направлена на прогнозирование оптимальных размеров выделения инвестиционных средств на поддерживаемые и развиваемые сегменты (направления деятельности) организации на основе использования имитационного моделирования и прикладного программного продукта. Имитационная модель, апробированная на основе использования структурно-логического моделирования посредством применения языка программирования Java, отображает структуру экономической деятельности профессиональной спортивной организации в виде алгоритма, связывающего все сегменты (направления деятельности), приносящие доход, и статьи расходов.

Для прикладной реализации данной модели разработан авторский автоматизированный продукт (программное обеспечение) *Optimod pro*, который позволяет оперативно и обоснованно осуществлять качественное распределение инвестиционных ресурсов. Практическая значимость модели заключается в том, что предлагаемый алгоритм расчета дает возможность эффективно учесть вклад каждого сегмента (направления) доходов в совместные результаты операционной деятельности организации и, как следствие, спрогнозировать оптимальные условия, которые способствуют более эффективному использованию совокупности имеющихся ресурсов за счет более качественного использования менее потенциальных сегментов, что приводит к общему синергетическому эффекту.

Разработанная модель инвестиционного регулирования прошла апробирование на профессиональной спортивной организации, что позволило определить ее соответствие реальным рыночным условиям, следовательно, может представлять значительный интерес для основных функционеров индустрии профессионального спорта.

Список литературы / References

- Andreff, W., & Staudohar, P.D. (2000). The Evolving European Model of Professional Sports Finance. *Journal of Sports Economics*, 1(3), 257–276.
- Crompton, J.L., & Howard, D.R. (2013). Costs: The Rest of the Economic Impact Story. *Journal of Sport Management*, 27(5), 379–392.
- Crompton, J.L., Howard, D.R., & Var, T. (2003). Financing Major League Facilities: Status, Evolution and Conflicting Forces. *Journal of Sport Management*, 17(2), 156–184.
- Deloitte. (2020). *Deloitte Football Money League 2020*. Retrieved January 15, 2020, from <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/uk/Documents/sports-business-group/deloitte-uk-deloitte-football-money-league-2020.pdf>
- Dmitriev, A.G. (2011). Modeli optimizacii transfernoj strategii professional'nogo futbol'nogo kluba [Models for optimizing the transfer strategy of a professional football club] (Abstract of the Dissertation of the Candidate of Economic Sciences). Moscow. (In Russ.)
Дмитриев А.Г. Модели оптимизации трансферной стратегии профессионального футбольного клуба: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 24 с.
- Frisby, W., & McCarville, R. (1996). Understanding the sport sponsorship process from a corporate perspective. *Journal of Sport Management*, 10(1), 32–48.
- Grossmann, M., Dietl, H.M., & Trinkner U. (2008). The Effect of Marginal Cost Elasticity on Competitive Balance. *Journal of Sports Economics*, 9(4), 339–350.
- Humphreys, B.R., & Munich, D. (2008). Sport participation and migration. *International Journal of Sport Management and Marketing*, 3(4), 335–347.
- Kedar-Levy, H., & Bar-Eli, M. (2008). The Valuation of Athletes as Risky Investments: A Theoretical Model. *Journal of Sport Management*, 22(1), 50–81.
- Krakel, M. (2007). A Note on Revenue Sharing in Sports Leagues. *Journal of Sports Economics*, 8(3), 309–316.
- McKelvey, S., & Grady, J. (2008). Sponsorship Program Protection Strategies for Special Sport Events: Are Event Organizers Outmaneuvering Ambush Marketers? *Journal of Sport Management*, 22(5), 550–586.
- UEFA. (2020). *The European Club Footballing Landscape. Club Licensing Benchmarking Report: Financial Year 2018*. Retrieved January 18, 2020, from https://www.uefa.com/MultimediaFiles/Download/OfficialDocument/uefaorg/Clublicensing/02/63/79/75/2637975_DOWNLOAD.pdf

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 июня 2020 г.

Дата проверки: 15 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 16 августа 2020 г.

Для цитирования:

Матвиенко А.И. Моделирование оптимизационных процессов инвестиционной деятельности профессиональной спортивной организации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 797–806.
<http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-797-806>

Сведения об авторе:

Матвиенко Александр Игоревич, старший преподаватель кафедры экономики финансово-экономического факультета Полоцкого государственного университета. E-mail: alexsandr.psu@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-797-806

Research article

Modeling of optimization processes of investment activity of a professional sports organization

Aliaksandr I. Matviyenka

Polotsk State University
29 Blokhina St, Novopolotsk, 211440, Republic of Belarus

Abstract. The article deals with modeling of investment regulation of professional sports organizations in the Republic of Belarus. The approaches of scientists and researchers to the issue under study are identified. To solve indicated problem, a model of investment regulation of a professional sports organization has been developed, which makes it possible to operatively and reasonably allocate investment resources based on simulation and iterative capabilities. The proposed economic and mathematical model makes in general economic indicators it possible to take into account the contribution of each segment of income to the joint results of operating activities and, as a result, promotes closer integration of the less than potential from them, which leads to a synergistic effect. The developed dynamic simulation model of investment regulation has been tested on the example of a professional sports organization, the results confirm the effective distribution of investment funds, due to which there is a positive economic effect in the form of total income growth.

Keywords: investment regulation, economic and mathematical modeling, maximizing income, professional sport, Republic of Belarus

Article history:

Received: 15 June 2020

Revised: 15 July 2020

Accepted: 16 August 2020

For citation:

Matviyenka, A.I. (2020). Modeling of optimization processes of investment activity of a professional sports organization. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 797–806. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-797-806>

Bio note:

Aliaksandr I. Matviyenka, senior lecturer of the Department of Economics of the Faculty of Finance and Economics of the Polotsk State University. E-mail: aleksandr.psu@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-807-825

УДК 334:338:339

Научная статья

Перспективы рынков товаров двойного назначения ОДКБ в области грузовых автомобилей

С.Ю. Черников¹, З.Б. Ахметова²

¹Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Казахский национальный университет имени Аль-Фараби

Республика Казахстан, 050040, Алма-Ата, пр-кт аль-Фараби, 71

Аннотация. В статье рассматриваются практические аспекты реализации взаимодействия стран ОДКБ в рамках производства и обеспечения грузовыми автомобилями как товарами двойного назначения. Изучено текущее макроэкономическое положение стран – участниц соглашения в разрезе возможностей для обеспечения самостоятельного производства указанных товаров. Показаны ключевые марки и производители, обеспечивающих рынки стран ОДКБ грузовыми автомобилями, а также ситуация с производящими возможностями и текущими сложностями нахождения баланса между эффективностью, ценой и диверсификацией своего парка гражданских и военных транспортных средств повышенной грузоподъемности. Выявлено достаточно устойчивое положение российских производителей как на национальном рынке, так и на рынках рассматриваемых стран. При этом показана одна из ключевых сложностей ближайших перспектив рынков грузовых автомобилей стран ОДКБ – растущее влияние и зависимость от КНР как на макро-, так и на микроуровне.

Ключевые слова: ОДКБ, грузовые автомобили, рынок тяжелых грузовиков, КамАЗ, автомобильная промышленность, товары двойного назначения

Введение

Экономическая обстановка в мировой экономике остается сложной, как вследствие продолжающихся в странах мероприятий по преодолению пандемии, так по причине санкционных и протекционистских действий многих ведущих экономик мира. Многие международные организации в своих публикациях оценивают текущую ситуацию как достаточно тревожную и отличающуюся от прошлых кризисов. Так, в своем недавнем обзоре мировой экономики МВФ оценивает потери производства, связанные с чрезвычайной ситуацией и мерами сдерживания пандемии, как превышающие ущерб, нанесенный глобальным финансовым кризисом 2008–2009 годов. При этом сохраняется серьезная неопределенность относительно продолжительности и интенсивности кризиса, что существенно меняет роль экономической политики

© Черников С.Ю., Ахметова З.Б., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

государств. В основном отмечается сложность дополнительной монетарной стимуляции экономической активности через совокупный спрос, что в условиях мер сдерживания пандемии не дает желаемого эффекта. Эксперты международных организаций прогнозируют частичное восстановление на 2021 год, но предполагают, что уровень ВВП останется ниже довирусного тренда¹. Например, МВФ предполагает, что мировая экономика в 2020 году сократится на 3 %, при этом экономика трех ведущих экономик мира – США, ЕС и Китай – сократится на –5,9, –7,5, +1,2 % соответственно.

Безусловно, в данных условиях особую роль начинают играть региональные взаимосвязи стран и наднациональные объединения как экономического, так и политического характера. Страны – члены ЕАЭС и ОДКБ имеют в целом общую тенденцию развития, так как с 1991 по 2020 год прошли несколько стадий развития: от момента становления и формирования до трансформации и кризисных явлений. Существенным является тот факт, что страны делают уверенные шаги на пути к интеграции в самых разных аспектах. В целом после создания Таможенного союза, ЕАЭС и единого экономического пространства торговые операции на рынках стран активизировались, возросла покупательная способность населения, что привело к оживлению ввоза и повышению качества импортируемых товаров. При этом в силу нарастающих угроз военного характера из-за нестабильности мировых отношений существенное значение приобретает оборот как вооружения, так и товаров двойного назначения между союзными государствами. Одним из ключевых подвидов последних являются грузовые автомобили, обеспечивающие мобильность войск в современных динамичных боевых столкновениях, а также являющихся платформами для многих систем вооружения. С этой позиции поставщики и каналы поставок грузовых автомобилей на рынках стран ОДКБ обладают большим влиянием на способность государств полноценно реализовывать свои обязательства в рамках союзных соглашений.

Таким образом, цель данного исследования состоит в прогнозировании перспектив рынков грузовых автомобилей стран ОДКБ как одного из ключевых типов товаров двойного назначения.

Методы и подходы

Одним из наиболее удобных и доступных методов работы со вторичной информацией, когда дело касается таких сложных и комплексных явлений, как производство товаров двойного назначения, является метод контент-анализа. Поиск и описание проблемы в данной научной публикации осуществлялся с использованием данного метода, а именно:

- эмпирически определялась проблема исследования;
- изучались открытые источники информации, включая официальные данные правительств соответствующих стран;
- уточнялась проблема и ее характеристики через субъективное восприятие информации о состоянии рынков грузовых автомобилей стран ЕАЭС и ОДКБ.

¹ Отчет МВФ «Перспективы развития мировой экономики», 2020. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020> (дата обращения: 02.07.2020).

При изучении массива вторичной информации о состоянии экономики стран выявлялись те направления, которые соответствуют изучаемой проблеме: оценка сильных и слабых сторон, коннотация мнений экспертов о развитии изучаемых стран.

Обзор литературы

Вопросами функционирования ОДКБ занимается большое количество российских авторов, однако наблюдается дефицит работ по сравнительному анализу функционирования конкретных рынков и в целом экономического взаимодействия данных стран. Наиболее близко к данной тематике располагаются работы Е.А. Дегтерева, А.М. Чернышевой, Д.О. Ямпольской, исследующие хозяйственные механизмы взаимодействия стран ОДКБ в военной сфере и области взаимной торговли товарами двойного назначения. Также касаются этих вопросов в своих исследованиях А.В. Смолин, К.Ю. Голуб, Ю.Г. Голуб и А.А. Крутько, рассматривающие различные исторические и политико-экономические проблемы, возникающие при выстраивании прочных союзных отношений внутри договора.

При этом существует не так много исследований рынков обращения товаров двойного назначения в рамках ЕАЭС и ОДКБ. Можно выделить исследования В.В. Иосифова, Э.Э. Бобылева, А.В. Пасько, которые посвящены анализу современного состояния мирового и российского рынков автомобилестроения. В частном же случае рынка грузовых автомобилей можно отметить работы Е.Н. Ковалевой, А.О. Егоровой, О.И. Курылевой, А.В. Лящук, М.В. Тихоновой, С.В. Сафонова, А.А. Галстяна, А.М. Тингаева, А.И. Чернявской. Данные работы рассматривают тенденции развития рынка грузового автотранспорта (преимущественно российского), а также факторы, влияющие на его динамику продаж и экспорта.

Следует отметить, однако, что публикации, посвященные рыночному взаимодействию на рынке грузовых автомобилей в рамках ОДКБ, практически отсутствуют в российском научном дискурсе, что указывает на необходимость дальнейшего исследования данного вопроса.

Результаты

Закупки и производство грузовых автомобилей достаточно сильно коррелируют с макроэкономическими показателями стран, особенно с динамикой развития некоторых отраслей, таких как строительство и розничная торговля. В странах ОДКБ уровень развития существенно различается и диспропорции постепенно растут. Всего несколько лет назад, в 2016–2017 годах, макроэкономическая ситуация практически во всех странах постсоветского пространства стабилизировалась, темпы экономического роста относительно двух предыдущих лет несколько возросли, а темпы инфляции замедлились. Улучшилась динамика курса национальных валют по отношению к доллару США, хотя эффект от их резкого обесценения в 2014 году преодолен не был. После относительного улучшения ситуации экономики стран-участниц потерпели падение в 2020 году в результате пандемии COVID-19. «Экономика стран региона столкнулась с существенным оттоком инвестиций, вызванным

“бегством в качество”, и расширением спреда по облигациям. Относительная слабость валют способствовала росту стоимости заимствований, а резкое сокращение экспорта усугубило нагрузку на платежный баланс», – говорится в июньском докладе Всемирного банка «Перспективы мировой экономики». В экономике региона всемирным банком прогнозируется спад на 4,7 %, рецессия затронет почти все страны. По сценарию, предполагающему постепенное сглаживание последствий пандемии и восстановление торговли и инвестиций, ожидается, что в 2021 году экономика Европы и Центральной Азии оживится и покажет рост на 3,6 %².

При этом страны ОДКБ можно условно поделить на две группы по уровню общего промышленного развития: в первой группе окажутся Таджикистан, Киргизия и Армения, во второй – РФ, Казахстан и Белоруссия. Первая группа показывает достаточно позитивную динамику ВВП, хотя причины для этого разнятся, о чем будет идти речь далее (рис. 1). Во второй группе ситуация не настолько радужная, однако также наблюдается позитивная динамика (рис. 2 и 3).

По данным МВФ, на 2018 год Российская Федерация по уровню ВВП среди стран СНГ находится на первом месте с показателем 11,3 тыс. долл. Согласно прогнозам Всемирного банка, в РФ, как и в других странах, в 2020 году ожидается замедление экономического роста вследствие пандемии и нестабильности цен на нефть. В ряду ключевых негативных факторов – продолжающиеся экономические санкции, ухудшение настроений на финансовом рынке, продолжающееся падение реальных доходов населения, усложнение условий мировой торговли и сложная динамика цен на нефть.

Также наблюдающийся в последнее время двузначный рост кредитования домохозяйств может поставить под угрозу финансовую стабильность в случае ухудшения макроэкономической ситуации. При этом считается, что рост эффективности государственных инвестиций зависит от успешной и эффективной реализации инициатив нового правительства в части обновления инфраструктуры³.

Второе место по уровню ВВП на душу населения в ОДКБ занимает Казахстан со значением 9,2 тыс. долл. Рост экономики Казахстана в 2019 году составил около 4,5 %, причем основными драйверами экономического роста в стране стала сфера строительства, транспорта, торговли и связи. Реальные доходы населения выросли на 5,5 %, инвестиции в основной капитал – на 8,5 %.

Экономика страны в целом успешно развивается в последние десятилетия. Благодаря продолжающемуся экономическому подъему и увеличению размера заработной платы в начале 2019 года реальная заработная плата выросла на 8,9 % и сохранилась потребность в рабочей силе. Официаль-

² ЕБРР ухудшил прогноз по Армении и ожидает спад ВВП на 1,5 % // Arka. URL: http://arka.am/ru/news/analytics/vb_ukhudshil_prognoz_po_ekonomike_armenii_i_ozhidaet_spada_vvp_v_2020_godu_v_2_8/ (дата обращения: 02.07.2020).

³ Всемирный банк назвал риски для экономики России // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6532230> (дата обращения: 02.07.2020).

ный уровень безработицы остался ниже 5 %. В условиях роста заработной платы и увеличения размера социальной помощи уровень бедности продолжил снижение до 8,5 % в 2019 году, который стал третьим годом подряд, когда наблюдалось снижение бедности⁴. Сегодня власти делают все возможное, чтобы сдержать распространение пандемии, однако, естественно, спад деловой активности неизбежно повлечет за собой предсказуемые негативные явления в экономике – снизится уровень возвратов кредитов, потребления и розничной торговли.

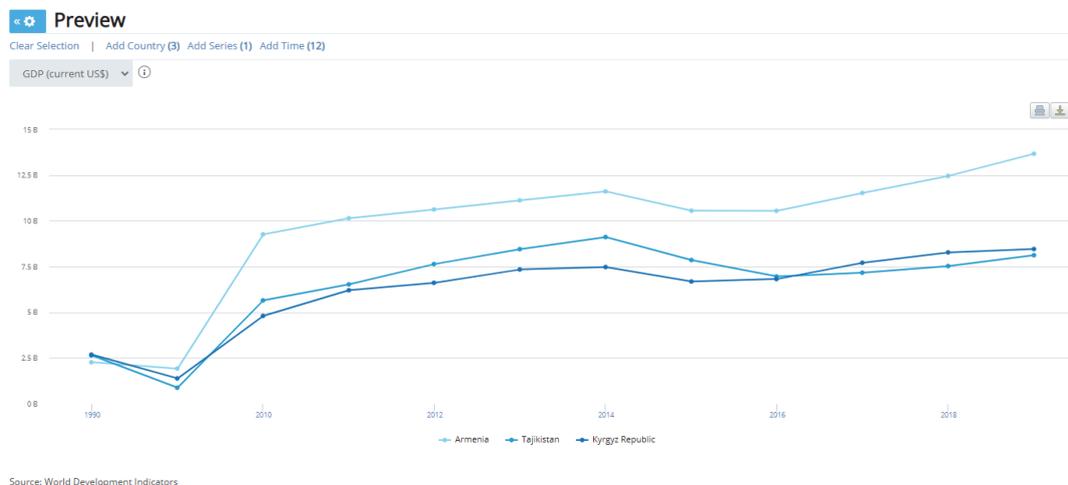

Рис. 1. Динамика ВВП Армении, Таджикистана и Киргизии до 2019 г., долл. США
 [Figure 1. GDP dynamic of Armenia, Tajikistan and Kyrgyzstan till 2019, USD]

Источник: World Development Indicators. URL: databank.worldbank.org (дата обращения: 02.07.2020).

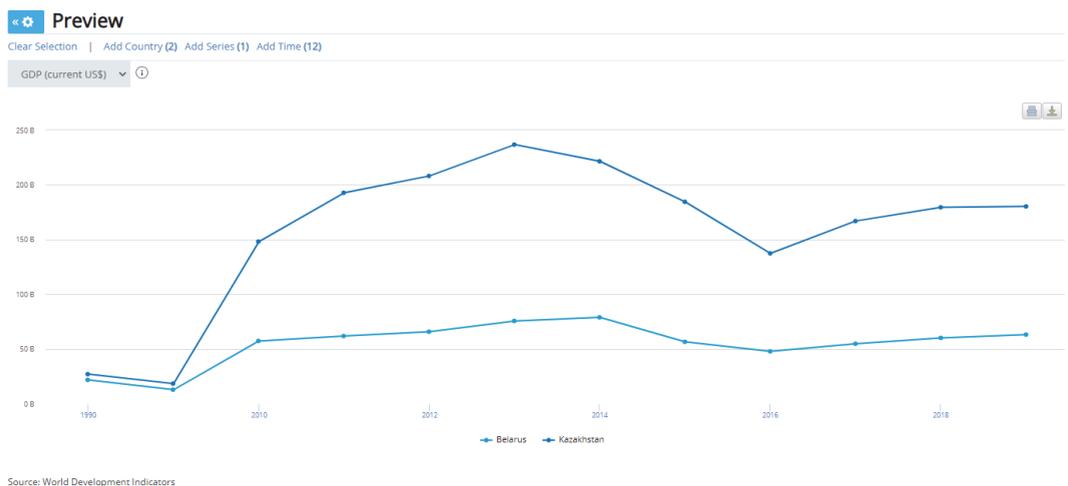

Рис. 2. Динамика ВВП Белоруссии и Казахстана до 2019 г., долл. США
 [Figure 2. GDP dynamic of Belorussia and Kazakhstan till 2019, USD]

Источник: World Development Indicators. URL: databank.worldbank.org (дата обращения: 02.07.2020).

⁴ Обзор по Казахстану / Всемирный банк. URL: <https://www.vsemirnuybank.org/ru/country/kazakhstan/overview> (дата обращения: 02.07.2020).

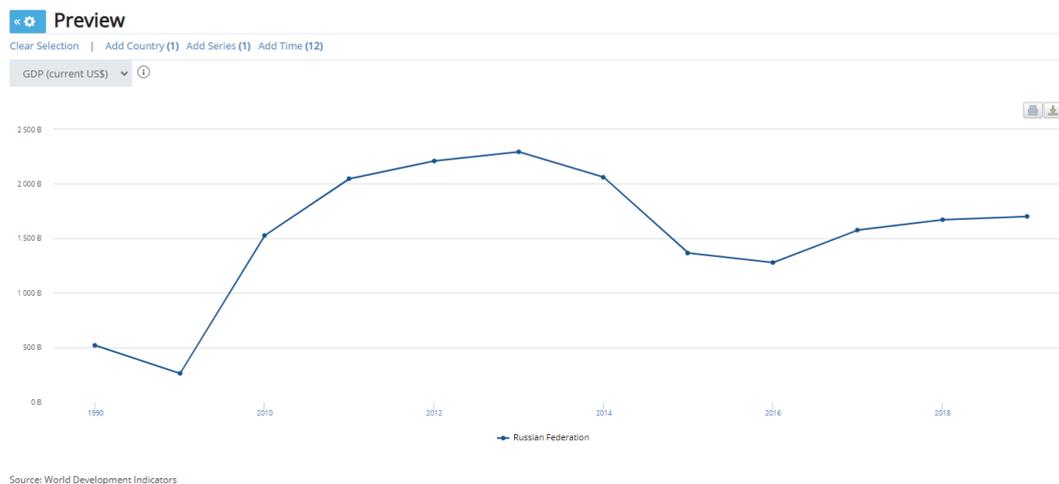

Рис. 3. Динамика ВВП России до 2019 г., долл. США
[Figure 3. GDP dynamic of Russia till 2019, USD]

Источник: World Development Indicators. URL: databank.worldbank.org (дата обращения: 02.07.2020).

Третьей страной в списке стран СНГ по уровню ВВП является Белоруссия – 6,3 тыс. долл. Благодаря особенностям структуры экономики и Союзному государству с Россией (что обеспечивает дешевые энергоресурсы и доступность рынков сбыта), страна в целом устойчиво развивалась последнее десятилетие. Власти концентрировались на обеспечении экономического роста, снижением численности домашних хозяйств, находящихся за чертой бедности, и ростом доходов 40 % наименее обеспеченных домашних хозяйств. Этому способствовали мероприятия по росту реальной заработной платы, субсидирование цен на коммунальные услуги и сохранение занятости на государственных предприятиях (даже при их неконкурентоспособности). В товарной структуре экспорта страны преобладают топливно-энергетические товары, продукция химической промышленности, а также машины, оборудование и транспортные средства. Эти три позиции дают около 60 % всего объема экспорта (Ямпольская, 2019). Однако по состоянию на 2020 год можно признать, что факторы, лежавшие в основе прошлых успехов, утратили свое воздействие. ВВП в 2019 году вырос на всего на 1,2 %, при этом в 2017 году рост составлял 2,4 %, а в 2018 даже 3 %. Исчерпаны возможности накопления капитала для стимулирования экономического роста, сокращаются субсидии на поставку энергоносителей, предусмотренные двусторонними соглашениями с Российской Федерацией, увеличивается размер госдолга по отношению к ВВП. Становится все сложнее покрывать разрыв между внутренними сбережениями и инвестициями за счет внешних заимствований⁵. Последние события по итогам президентских выборов в августе 2020 года также оказали угнетающее воздействие на экономику, и предполагается, что рост экономики останется крайне низким.

⁵ Обзор по Республике Беларусь / Всемирный банк. URL: <https://www.vsemimyjbank.org/ru/country/belarus/overview> (дата обращения: 02.07.2020).

В 2019 году Армения опередила все страны другие страны ОДКБ по темпам роста ВВП, который поднялся более чем на 7,5 % и составил около 10 тыс. долл. США. При этом существенных сдвигов ни в росте промышленности, ни в торговле не произошло, а в некоторых сферах (строительстве и энергокомплексе) рост даже замедлился. Предполагается, что это результат проводимой страной антикоррупционных мероприятий, которые привели к выводу из тени существенных доходов, поднявшие налоговые поступления 2019 года на 43,6 % по сравнению с 2017 годом и на 20 % по сравнению с 2018 годом. При этом собственно машиностроительный потенциал страны остается достаточно низким, уступая в развитии другим отраслям, особенно услугам и сельскому хозяйству. Что касается нынешней ситуации, МВФ ожидает спад экономики Армении в 2020 году на уровне 1,5 %⁶.

Неравномерность в своем экономическом развитии демонстрирует и Киргизия, которая в 2019 году показала рост на уровне 3,6 % в национальной валюте и 2,1 % в долларах США, хотя прогнозы были еще более оптимистичными. Особенность экономики данной страны в ее жесткой монопродуктовой структуре. Практически вся динамика ВВП зависит от производства на руднике Кумтор и строительной отрасли. Вклад золота, добываемого оператором рудника «Кумтор голд компани», в экономику страны настолько велик, что эксперты и правительственные органы зачастую публикуют две версии макроэкономических показателей – с учетом и без учета экспорта драгоценного металла. Объем промышленной продукции Киргизии в 2019 году превысил 278 млрд сомов и по сравнению с 2018 годом увеличился на 6,9 %. Это произошло благодаря росту объемов производства металлических руд – на 28,5 %, одежды – на 18,3 %, добычи сырой нефти и природного газа – на 17 %, производства основных металлов – на 12,3 %, стройматериалов – на 8,8 %, добычи угля – на 6,9 %, а также производства пищевых продуктов – на 4,3 %. Положительные тенденции наблюдались в минувшем году и в сельском хозяйстве, где рост объемов составил 2,6 %, в оптовой и розничной торговле – 4,7 % и в строительстве – 10,6 %⁷.

Наконец, последний участник ОДКБ – Таджикистан – показал в 2019 рост ВВП на 7,8 % в долл. США. Согласно данным Всемирного банка, за последнее десятилетие Таджикистан достиг устойчивого прогресса по развитию своей экономики. Снижился уровень бедности, а темпы роста экономики с 2000 по 2017 год составляли в среднем 7 % в год. Однако экономика по-прежнему остается уязвимой к воздействию внешних факторов из-за узкой экспортной структуры, высокой импортной зависимости, а также значительной доли валютных поступлений от зарубежных мигрантов. При этом самыми значимыми отраслями экономики Таджикистана являются гидроэлектроэнергетика и особенно сельское хозяйство – его доля в ВВП страны редко составляет менее 20 %. Другие отрасли – промышленность, торговля, транспорт, связь, сфера услуг, строительство и другие – существенно отстают.⁸ Данная ситуация со-

⁶ World Economic Outlook 2020 / Международный валютный фонд. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (дата обращения: 02.07.2020).

⁷ Национальный статистический комитет Республики Кыргызстан. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/1/> (дата обращения: 02.07.2020).

⁸ Статистика по Республике Таджикистан // Банк данных / Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/country/tajikistan> (дата обращения: 02.07.2020).

храняется в стране уже долгие годы и позволяет предположить, что в ближайшее время не следует ожидать серьезных изменений.

Оценивая экономику стран – участниц ОДКБ и ЕАЭС с точки зрения производства товаров двойного назначения, можно сделать не очень оптимистичные выводы. Промышленность этих стран зачастую базируется на советском экономическом фундаменте и развивается недостаточно активно. Только Белоруссия более или менее удачно поддерживает и развивает инновационный потенциал своей экономики в силу отсутствия возможности рассчитывать на экспорт полезных ископаемых или внешние источники. При этом Россия, Казахстан и Белоруссия обладают существенным потенциалом для совместного производства электронной продукции, а также транспорта и других двигательных установок. Несмотря на сложности последних десятилетий удалось сохранить и развить производство таких товаров, как навигационные приборы, средства связи (в том числе космической), оборудование для электронной промышленности, прецизионное оборудование для оптической промышленности, а также изделия для транспортных средств двойного назначения (Ямпольская, 2019).

Все страны – члены ОДКБ и ЕАЭС осуществляют свое военно-техническое и военно-экономическое сотрудничество в рамках военно-промышленной кооперации, основным поставщиком в которой является Россия. Поэтому остальные страны – члены ОДКБ стремятся снизить степень влияния России, диверсифицировав свои закупки в военной сфере и осуществляя военно-промышленную кооперацию с третьими странами (Дегтерева, Чернышева, 2019).

Текущее состояние рынков грузовых автомобилей стран ОДКБ

Наличие собственной отрасли производства грузовых автомобилей является признаком высокого уровня развития экономики страны. Эффективными промышленными комплексами в сфере производства грузовых автомобилей обладают такие наиболее передовые в экономическом и технологическом отношении страны, как США, Япония и Германия. Активным развитием этого сегмента промышленности занимаются и те страны, которые уже в ближайшем будущем будут претендовать на звание передовых экономик⁹.

Как было отмечено выше, Россия является лидирующей страной (наряду с Белоруссией) на постсоветском пространстве по производству грузовых автомобилей (рис. 4), поэтому целесообразно начать обзор рынка грузовиков именно с анализа ситуации в России. В 2019 году в Российской Федерации наблюдалось снижение роста экономики в области продаж грузовой техники (рис. 5)¹⁰. Это было связано со снижением активности в розничной торговле и строительстве. Более того, в 2018 году завершился цикл обновления парка, что способствовало уменьшению объема продаж. Экономический спад влияет на предпочтения потребителей, что создает благоприятные условия

⁹ Рынок грузовых автомобилей – 2016: аналитический обзор / Центр развития НИ ВШЭ. URL: <https://dcenter.hse.ru/data/2017/02/13/1167169381/Рынок%20грузовых%20авто-мобилей%202016.pdf> (дата обращения: 02.07.2020).

¹⁰ Российский рынок автомобилей: пережить 2020-й // Автоиндустрия. URL: <https://ai-media.ru/news/rossijskij-rynok-gruzovyh-avtomobilej-perezhit-2020-j/> (дата обращения: 02.07.2020).

для роста доли отечественных производителей на рынке. КАМАЗ и ГАЗ увеличили свои доли в 2019 году на 3 и 1 % соответственно. Перечислим наиболее крупные и известные предприятия отрасли: КАМАЗ, УАЗ, ГАЗ, Саранский завод автосамосвалов, «Бецема», Брянский автомобильный завод. Также имеются иностранные сборочные производств: «Форд Соллерс Елабуга», «ДаймлерКамаз Рус» («Мерседес-БенцТракс Восток»), «Вольво Восток», ГК «Автотор», «Ивеко-АМТ». Лидирующими марками являются КАМАЗ, ГАЗ и Вольво. Именно эти три марки составляют 60 % всего арсенала грузовых автомобилей в России (рис. 6).

КАМАЗ является крупнейшим российским производителем тяжелых грузовых автомобилей, а также автобусов, комбайнов, тракторов, самосвалов и другой техники. Чистая прибыль КАМАЗа по международным стандартам финансовой отчетности за 2018 год составила 1,588 млрд руб., что в 2,2 раза ниже показателя 2017 года¹¹. При этом КАМАЗ постоянно вкладывается в автоматизацию производства для роста качества выпускаемой продукции. Так, в конце мая 2019 года началось производство кабин поколения К5 на новом заводе, построенном совместно с компанией Daimler. Уровень автоматизации на производстве достиг 80 %, оставив для человеческого персонала функции контроля качества, укладки деталей на сборочную линию и логистических задач¹². Естественно, КАМАЗ также производит военную технику. Модель «КамаЗ-4326» является вторым по количеству грузовиком, находящимся на вооружении у армии РФ. Данный грузовой автомобиль имеет отличную проходимость и используется на всей местности России. Российский рынок не единственный – продукция данной марки реализуется в более чем 40 странах, в том числе в странах ОДКБ. Например, в 2019 году Казахстан, несмотря на наличие своего завода по производству бронированных автомобилей, приобрел КамАЗ-53949 «Тайфун-К 4×4», а позже КАМАЗ запустил и новое сборочное производство в Узбекистане.

Необходимо подчеркнуть, что особенно в последние годы экспорт автомобилей из РФ увеличился в связи с девальвацией рубля (автомобили стали дешевле в долларовом эквиваленте, что повысило спрос на росавтопром). Большая часть экспорта автомобилей приходится именно на страны СНГ. Например, основными покупателями машин КАМАЗа являются Казахстан, Белоруссия и Украина. Но техника данного производителя не менее известна и в Латинской Америке. Более того, КАМАЗ активно создает свои сборочные предприятия в развивающихся странах – Индии, Пакистане, Казахстане и Вьетнаме. В целом экспорт грузовиков КАМАЗа в 2019 году достиг рекордных показателей (58 %).

Хотелось бы отметить, что такое развитие экспорта неразрывно связано с государственной программой стимулирования экспорта, в рамках которой экспортерам возмещается часть таможенных платежей. Таким образом, продажи грузовых автомобилей из России за рубеж только растут. По данным Федеральной таможенной службы, доходы от поставок в 2019 году выросли на 12,7 %.

¹¹ Чистая прибыль КАМАЗа по МСФО за 2018 год сократилась в 2,2 раза // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3954994> (дата обращения: 02.07.2020).

¹² Как устроен новый завод кабин КАМАЗа // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/05/29/kak-ustroen-novyy-zavod-kabin-kamaz.html> (дата обращения: 02.07.2020).

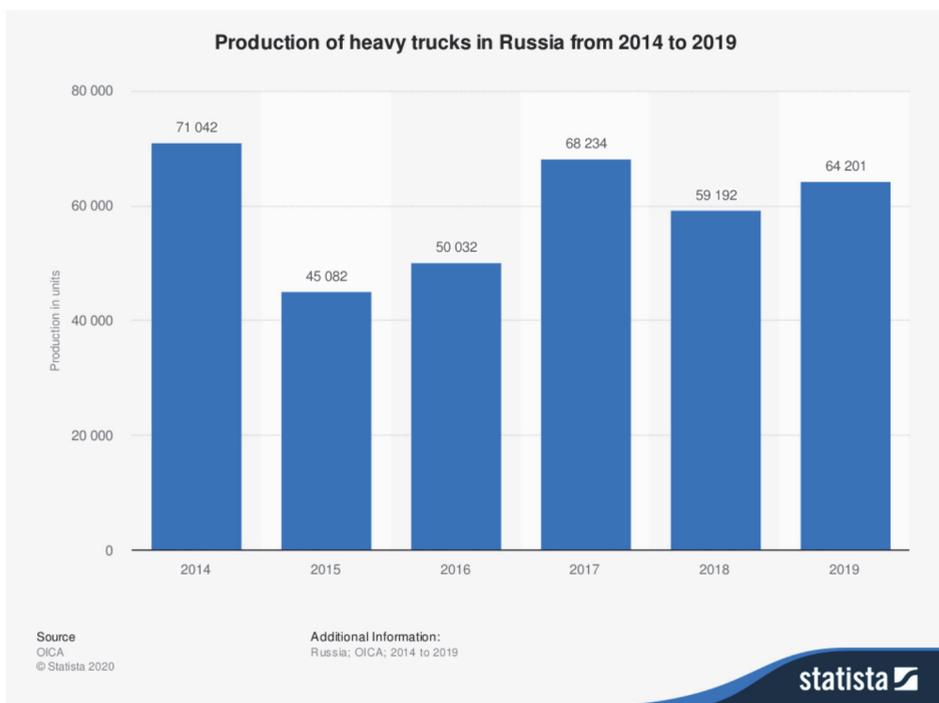

Рис. 4. Производство грузовых автомобилей на российском рынке, 2014–2019 гг.
 [Figure 4. Production of tracks on the Russian market, 2014–2019]

Источник: База Statista. URL: <https://www.statista.com/topics/5493/automotive-industry-in-russia/> (дата обращения: 02.07.2020).

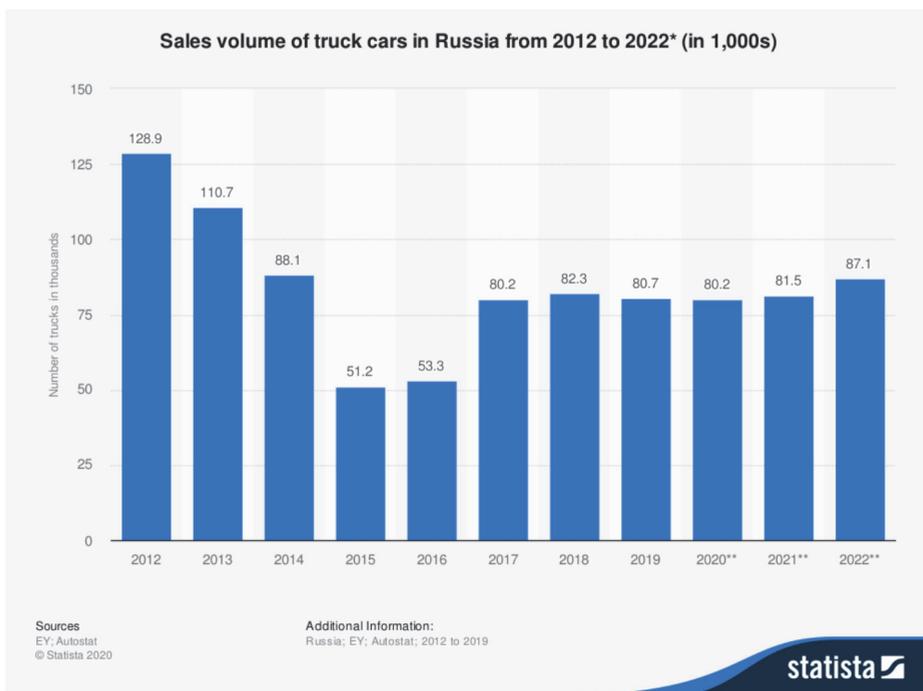

Рис. 5. Совокупные продажи грузовых автомобилей на российском рынке и прогноз до 2022 г.
 [Figure 5. Stock sales of tracks on the Russian market and prospect to 2022]

Источник: База Statista. URL: <https://www.statista.com/topics/5493/automotive-industry-in-russia/> (дата обращения: 02.07.2020).

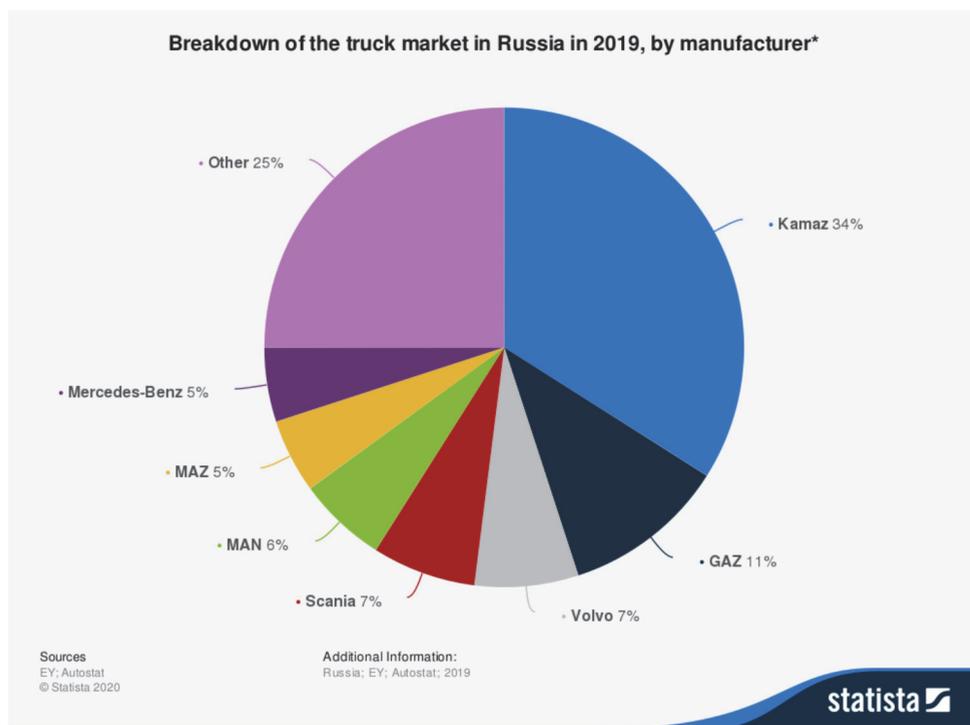

Рис. 6. Бренды грузовых автомобилей на российском рынке, 2019 г.
[Figure 6. Brands of tracks on the Russian market, 2019]

Источник: База Statista. URL: <https://www.statista.com/topics/5493/automotive-industry-in-russia/> (дата обращения: 02.07.2020).

В последние несколько лет российский автопроизводитель – компания «ГАЗ» также смогла существенно увеличить объемы поставок своих автомобилей за границу. Флагманом ассортиментного ряда является, безусловно, модель «Газель-Next», которая продается более чем в 20 странах Европы, Латинской Америки и Северной Африки.

ГАЗ наравне с КАМАЗом выпускает и военную технику. Наиболее распространенной моделью является ГАЗ-3308, которую также именуют «Садко». Автомобиль ценится за высокую проходимость, хорошую грузоподъемность и используется для перевозки личного состава.

Еще одним крупным производителем грузовых автомобилей является АО «Автомобильный завод «УРАЛ»». Завод выпускает бортовые грузовики (в том числе для целей Вооруженных сил РФ): Урал-43206 (с модификациями), Урал-532301, Урал-632302, вахтовые автобусы, седельные тягачи и т. п. В 1994 году на базе российского завода «УралаЗ» совместно с итальянским автоконцерном Iveco было основано российско-итальянское предприятие тяжелых грузовиков «Ивеко-УралаЗ» (впоследствии «Ивеко-АМТ»), выпускающее самосвалы, седельные тягачи, лесовозы и шасси по лицензии Iveco. Производственная мощность завода на 2001 год – до 35 000 автомобилей в год¹³. Экспорт грузовых автомобилей данной марки осуществляется в основном в страны Ближ-

¹³ Официальный сайт автомобильного завода «УРАЛ». URL: <https://uralaz.ru/> (дата обращения: 02.07.2020).

него Востока. Что касается дальнего зарубежья, 2015 год экспорт составил около 7000 автомобилей, на долю Египта приходилось около 90 % поставок.

Наиболее востребованной моделью данной марки является Урал-4320. Данный автомобиль выпускается с 1977 года и до сих пор пользуется спросом. Ценится благодаря своей универсальности – используется как военная машина, а также способен перевозить цистерны, личный состав, грузы, боевые ракетные системы и другое.

В других странах – членах ОДКБ, как правило, отсутствует промышленная инфраструктура для обеспечения производства полного цикла грузовых автомобилей (за исключением Минского автомобильного завода в Белоруссии). Можно сказать, что развитие собственных автопромов и привлечение инвестиций в эту отрасль в данных странах только начинается. На текущий момент, в большей части ввоз автомобилей двойного назначения государств – членов ОДКБ происходит преимущественно из России, однако данная ситуация имеет шанс измениться в ближайшее время.

Так, в Киргизии не производят отечественных автомобилей. Узбекское подразделение General Motors, АО «Уз авто санаат» планировало открыть заводы по сборке легковых и, что важно, грузовых автомобилей в нескольких городах страны. Однако в начале 2020 года данные планы так и не реализовались из-за бюрократических препятствий¹⁴. Руководство страны заинтересовано в собственном сборочном производстве, но следует отметить, что все переговоры на данную тему касаются в основном легковых автомобилей и легких грузовиков. На текущий момент в Киргизии зарегистрировано около 1,3 млн автомобилей, 10 % из которых – грузовые¹⁵. Большая доля рынка при этом принадлежит КАМАЗу, который настолько уверен в потенциале данного рынка, что даже планирует открыть полномасштабную крупноузловую сборку своих моделей¹⁶. При этом нельзя не отметить, что в последние годы в стране активно расширяются продажи китайских брендов, в первую очередь DongFeng и FAW. В вооруженных силах первой ласточкой стало использование грузовиков повышенной проходимости SX2190 от китайского автомобильного концерна Shaanxi, которые были получены в качестве безвозмездной военно-технической помощи из КНР.

В Таджикистане наиболее популярными марками грузовых автомобилей являются КАМАЗ и Mercedes-Benz. Также на дорогах можно встретить грузовики марок Fiat, Ford, Iveco, Renault, Volkswagen разных (порой весьма отдаленных) годов выпуска. Из собственного производства можно отметить совместный таджикско-турецкий завод «Акиа Авесто Автоматив Индастри» в Душанбе¹⁷, планирующий в будущем сборку 3–8-тонных грузовиков, и таджикско-

¹⁴ Ждать ли узбекский автозавод в Кыргызстане – ответ властей // Sputnik. Узбекистан. URL: <https://uz.sputniknews.ru/world/20191210/12985052/Pochemu-Uzbekistan-ne-otkryvaet-avtozavod-v-Kyrgyzstane---otvet-vlastey.html> (дата обращения: 03.07.2020).

¹⁵ Автомобильный транспорт / Межправительственная комиссия «Трасека». URL: <http://www.traseca-org.org/ru/strany/kyrgyzstan/avtomobilnyi-transport/> (дата обращения: 03.07.2020).

¹⁶ В Кыргызстане, возможно, начнут собирать КАМАЗы // Sputnik. Узбекистан. URL: <https://ru.sputnik.kg/economy/20190327/1043772607/kyrgyzstan-krupnyj-proekt-kamaz.html> (дата обращения: 03.07.2020).

¹⁷ В Таджикистане появятся автобусы и грузовики Made in Tajikistan / Разио Озоди. URL: <https://rus.ozodi.org/a/29406708.html> (дата обращения: 03.07.2020).

узбекскую компанию «ТАЛКО-КРАНТАС»¹⁸, собирающую спецтехнику на базе китайского шасси Shacman. Они позиционируются как более адаптированные к горной местности страны, однако более важным преимуществом является их относительная дешевизна. Последний фактор в целом ведет к постепенному росту доли китайских грузовых авто.

Казахстанская автомобильная промышленность включена в число 12 приоритетных направлений индустриального развития несырьевого сектора и является объектом последовательной государственной поддержки. По итогам 2019 года доля автомобильной промышленности в машиностроении РК составила 26 %, произведено свыше 50 тыс. единиц техники, экспортировано порядка 2,7 тыс. автомобилей, в страну начали привлекаться глобальные игроки. В целом Казахстан к 2019 году достиг 30 % локализации по легковым автомобилям, 50 % по коммерческой технике и автобусам и планируют в 2020 год достичь 20 % дополнительной локализации по автозапчастям для легковых авто. При этом первым крупным производителем, пришедшим в Казахстан в 2005 году, стал АО «КАМАЗ-Инжиниринг», занимающий примерно 30 % рынка¹⁹. Важно, что национальные производства выполняют государственные заказы министерства обороны и создают большую часть грузовой техники для нужд обороны. Ключевыми производителями (крупноузловая сборка) тяжелых грузовиков являются ТОО «СарыаркаАвтоПром» с базовой моделью IVECO-682 и СемАЗ с опорными китайскими брендами Shacman и Foton²⁰. Несмотря на то что в 2019 году предприятия Казахстана произвели около 4 тыс. грузовых автомобилей, необходимо признать серьезные сложности, которые испытывают все производители тяжелой техники на рынке страны. Наблюдается ужесточение конкуренции между российскими, белорусскими, китайскими и с недавних пор – узбекскими производителями. Однако, несмотря на инфраструктурные и добывающие проекты, стимулирующие закупку и обновление техники (большая часть грузовиков Казахстана старше 15 лет), для широкого обновления парка потребуются дополнительные государственные стимулы. При этом в стране уже длительное время наблюдается рост спроса на китайские грузовики, которые не только хороши в соотношении «цена – качество», но и имеют существенную отечественную поддержку со стороны китайского правительства.

В Белоруссии, также как в Казахстане, крайне развита автомобильная промышленность. БССР в составе СССР специализировалась на выпуске именно грузовых автомобилей, в том числе большой грузоподъемности, что удалось во многом сохранить и в некоторых случаях даже приумножить²¹.

¹⁸ В чем преимущество собранных в Таджикистане грузовых автомашин? // Asia-Plus. URL: <https://asiaplus.tj.info/ru/news/tajikistan/economic/20190327/v-chem-preimutshestvo-sobrannih-v-tadzhikistane-gruzovih-avtomashin> (дата обращения: 03.07.2020).

¹⁹ Автомобильная промышленность Казахстана: как развивается и каковы перспективы // Законодательство республики Казахстан. URL: <https://www.zakon.kz/5008101-avtomobilnaya-promyshlennost-kazahstana.html> (дата обращения: 03.07.2020).

²⁰ Производство коммерческой грузовой техники в Казахстане будет прирастать скромными темпами... // Курсив. URL: <https://kursiv.kz/news/avto/2019-04/proizvodstvo-kommercheskoj-gruzovoy-tekhniki-v-kazahstane-budet-prirastat> (дата обращения: 03.07.2020).

²¹ Автотехника Беларуси // Автопром Беларуси. URL: <https://belautoprom-g2n.jimdofree.com/> (дата обращения: 03.07.2020).

Ключевыми элементами именно грузового машиностроения Белоруссии является Минский автомобильный завод и его подразделения – МЗКТ (Минский завод колесных тягачей), МАЗ-МАН (Совместное белорусско-германское предприятие) и БелАЗ (наиболее известный своими карьерными самосвалами). МАЗ является известным на мировом рынке производителем, даже имеющим возможность создавать зарубежные совместные предприятия (Вьетнам СП «МАЗ Азия»). Однако на собственном рынке он не является монополистом – около половины рынка занимают марки DAF, MAN, Mercedes, Volvo и Scania. При этом компания активно расширяет сотрудничество с Китаем – обсуждаются перспективы развития совместного предприятия «МАЗ-Вейчай» по производству двигателей Weichai для тягачей МАЗ, строительство в 2020 году производственного корпуса по выпуску коробок передач совместного предприятия ООО «ФАСТ-МАЗ» в китайско-белорусском индустриальном парке «Великий Камень», внедрение осей от компании HanDe Axle в конструкторскую документацию ОАО «МАЗ», а также сотрудничество с крупнейшим китайским производителем грузовиков Sinotruk Group²². К такому обширному сотрудничеству МАЗ подталкивает ожесточающаяся конкуренция и внутренние проблемы. Некогда мощный автозавод постепенно теряет свои традиционные рынки сбыта из-за падающего качества продукции – так, в 2012 году основной автопроизводитель Белоруссии выпустил 22 854 грузовых автомобиля и более 2000 автобусов, но уже к середине 2016 года эти цифры сократились едва ли не в 10 раз (не в последнюю очередь из-за прекращения закупок российским Министерством обороны в пользу КАМАЗ). Стратегический инвестор MAN не стремится расширять производство, а рынки сбыта в России и других странах СНГ постепенно занимают российские и китайские конкуренты²³. В 2019 году МАЗ поставил на рынок России 3709 машин.

Наконец, страна ОДКБ с наименее развитой автомобильной промышленностью – Армения. Рынок как грузовых, так и легковых автомобилей в ней заполнен исключительно импортными машинами. Автомобилей собственной сборки в Армении почти не осталось. Исключение составляет единичное предприятие AA Trucks, осуществляющую мелкосерийную сборку специальных грузовиков американского происхождения. Наиболее востребованными марками на армянском рынке грузовых авто являются КАМАЗ, Volvo, Mercedes-Benz и Scania. В скором времени в Армении планируется запустить сборку автомобилей КАМАЗ, что связано в первую очередь с обновлением вооружения и технического оснащения армии²⁴. Важно отметить, что именно Российская Федерация много лет остается главным поставщиком вооружений для Армении.

²² МАЗ планирует расширить сотрудничество с китайскими компаниями // АТИ. URL: <https://news.ati.su/news/2020/01/17/maz-planiruet-rasshirit-sotrudnichestvo-s-kitayskimi-kompaniyami-155500/> (дата обращения: 03.07.2020).

²³ МАЗ умирает в одиночестве // Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2016/10/17_a_10254839.shtml (дата обращения: 03.07.2020).

²⁴ Компания «КАМАЗ» готова начать сборку автомобилей в Армении // EurAsia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/03/20/kompaniya-kamaz-gotova-nachat-sborku-avtomobiley-v-armenii> (дата обращения: 03.07.2020).

Заключение

Макроэкономическая ситуация стран ОДКБ и текущее состояние в них производства грузовых автомобилей, способных классифицироваться как товары двойного назначения позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, развитие данной отрасли среди исследуемых стран достаточно неравномерно. Российские бренды (прежде всего КАМАЗ) имеют устойчивую позицию на рынках всех стран ОДКБ, в том числе в военной сфере. Однако, несмотря на макроэкономические успехи последних двух лет, в рассматриваемых странах не происходит существенного экономического роста, что ограничивает дальнейшее расширение рынка грузовых автомобилей и вынуждает производителей концентрироваться на возможностях по обновлению парка, а также отбирать потребителей у других марок.

Во-вторых, рынки стран ОДКБ являются достаточно диверсифицированными. Однако макроэкономическая ситуация ограничивает финансовые возможности покупателей, особенно в ключевых для грузовых автомобилей отраслях – оборона, строительство и розничная торговля. Это неизбежно ведет к ценовому давлению и стремлению к выбору оптимальных по соотношению «цена – качество» изделий, что создает ключевую для российских марок проблему на рынках данных стран – активный рост продаж китайских грузовых автомобилей.

Далеко не секрет, что КНР давно проводит активную экономическую политику в государствах Средней Азии, как в рамках ШОС, так и в силу реализации стратегии «Один пояс, один путь». Данная политика подразумевает не только льготы собственным производителям при экспорте товаров (в том числе и грузовых автомобилей), но и обширное кредитование государств третьего мира. Несмотря на опасения перед растущим китайским влиянием, практически все государства Средней Азии являются реципиентами инвестиций в отношении КНР. Так, Казахстан должен КНР сумму в размере 3,6 % от своего ВВП, Киргизия – около 30 %, Таджикистан – 16 %²⁵, Белоруссия – около 5,2 %. Высокие долги и сложности с их обслуживанием в периоды экономического спада открывают возможности для Китая в смысле обеспечения дополнительных преимуществ в странах членах ОДКБ. Например, Таджикистан, столкнувшись с проблемами в обслуживании своих китайских кредитов, предложили крупной китайской компании ТВЕА добывать золото на двух государственных рудниках вплоть до возмещения долга размером более 300 млн долл.

Кроме того, в последнее время Китай также начал предоставлять государствам – членам ОДКБ военно-техническую помощь, в основном в виде безвозмездных финансовых вливаний на модернизацию вооружений, строительство блокпостов на границе и жилья для военных. В разрезе темы данной статьи особенно примечательно, что в 2015 году КНР передал Казахстану на безвозмездной основе 30 тягачей «Цзефан» и 30 большегрузных прицепов (общая стоимость около 3,2 млн долл.). При этом передача техники на безвозмездной основе вовсе не безобидна с рыночной точки зрения. Пере-

²⁵ Китай меняет стратегию в Центральной Азии // Eurasianet. URL: <https://russian.eurasianet.org/%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%B9-%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%8F%D0%B5%D1%82-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8E-%D0%B2-%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B8> (дата обращения: 03.07.2020).

данные бесплатно грузовые автомобили встают «в строй» и начинают выполнять оперативные задачи согласно планам местного Министерства обороны. Следовательно, необходимо содержать запас запасных частей и обучать персонал для ремонта, что создает базу для дальнейшего расширения парка уже на возмездной (пусть на первых порах и льготной) основе. Можно признать, что подобные «подарки» ведут к постепенному снижению доли российских грузовых автомобилей в рядах вооруженных сил стран ОДКБ.

Активная экономическая политика Китая приводит к поступательному росту зависимости стран ОДКБ от импорта китайских товаров, и рынок грузовых автомобилей не является исключением. При рассмотрении рынков стран было заметно, что доля китайских грузовиков, ввозимых или даже собираемых в странах ОДКБ, поступательно растет. Необходимо отметить, что эпидемия коронавируса существенно ударила как по экономикам стран ОДКБ, так и по их производственным возможностям. На время антипандемических мероприятий многие заводы были закрыты, а после возобновления работы столкнулись с трудностями сбыта в виде снижения спроса и роста отказов от ранее сделанных заказов. Однако это с высокой вероятностью будет иметь положительный эффект для дальнейшего роста доли китайских марок грузовиков по причине низкой цены и приемлемого качества. По мере расширения этой доли, высока вероятность соответствующей переориентации также и заказов военных грузовиков стран ОДКБ – как в ответ на невозможность финансировать кредиты, так и в силу более низкой стоимости в условиях экономического кризиса.

Безусловно, на текущий момент практически во всех странах членах ОДКБ российские производители имеют существенную долю, однако для сохранения ее в среднесрочной перспективе требуется разработка целевой программы экспортной поддержки. Постоянно возникающие в РФ противоречия между текущими фискальными задачами и выстраиванием долгосрочной программы развития регулярно приводят к сложностям с привлечением в отрасль инвестиций и обеспечением конкурентоспособности экспортируемой продукции. Однако в текущих условиях мировой экономической турбулентности отсутствие последовательной поддержки своего технологического экспорта способно существенно подорвать поставки даже в союзных странах.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Активизация военно-экономического сотрудничества на пространстве Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического союза в контексте санкционной политики развитых стран и развития импортозамещения в РФ», проект № 18-010-01132.

Список литературы

- Голуб К.Ю., Голуб Ю.Г. ОДКБ: истоки многопрофильного мандата и современные инструменты его реализации // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т.13. № 1. С. 193–203.
- Дегтерева Е.А., Чернышева А.М. Военно-экономическое сотрудничество государств – членов ОДКБ и ЕАЭС с третьими странами: вызовы и угрозы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 4. С. 663–678.

- Дегтерева Е.А., Чернышева А.М.* Совершенствование финансовых механизмов военно-технического сотрудничества стран – участниц ОДКБ на примере опыта ЕС // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16. № 2 (383). С. 383–396.
- Егорова А.О., Курьелева О.И.* Основные тенденции развития ключевых сегментов автомобильного рынка России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 7 (41). С. 18–24.
- Иосифов В.В., Бобылев Э.Э.* Развитие российского рынка электромобилей: тенденции, перспективы, барьеры // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. Т. 10. № 11. С. 1273–1289.
- Ковалева Е.Н.* Развитие экспорта в России и Беларуси: структурные особенности и реализация возможностей инфраструктурной поддержки // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 1. С. 11–18
- Крутько А.А.* Организация договора о коллективной безопасности – востребованный институт военно-политического сотрудничества // Известия института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2018. № 2. С. 51–56.
- Ляцук А.В., Тихонова М.В.* Стратегический анализ внутренних факторов предприятий грузового автомобилестроения в условиях цифровой трансформации экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 3. С. 102–109.
- Сафонов С.В., Галстян А.А., Тингаев А.М.* Анализ российского рынка грузовых автомобилей и опыта создания совместных производств // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 1 (28). С. 150–160.
- Смолин А.В.* Проблемы поставок вооружений в страны СНГ и пути их разрешения // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 1. С. 866–884.
- Чернявская А.И.* Тенденции и анализ рынка грузовиков и грузовых автозапчастей // Молодой ученый. 2020. № 7 (297). С. 195–199.
- Ямпольская Д.О.* Перспектива выпуска продукции двойного назначения в странах ОДКБ и ЕАЭС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 4. С. 706–721.
- World Economic Outlook / IMF. 2020, April. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (accessed: 01.06.2020).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 июня 2020 г.

Дата проверки: 15 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 18 августа 2020 г.

Для цитирования:

Черников С.Ю., Ахметова З.Б. Перспективы рынков товаров двойного назначения ОДКБ в области грузовых автомобилей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 807–825. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-807-825>

Сведения об авторах:

Черников Сергей Юрьевич, кандидат экономических наук, MBA, LL.M, доцент кафедры маркетинга экономического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: chernikov-syu@rudn.ru

Ахметова Зауреш Болатхановна, кандидат экономических наук, заведующая кафедрой «Бизнес-технологии» Казахского национального университета имени Аль-Фараби. E-mail: kafedra.bt@mail.ru

Prospects of the CSTO dual-use goods markets in the field of freight trucks

Sergey Yu. Chernikov¹, Zauresh B. Akhmetova²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

²Al-Farabi Kazakh National University
71 Al-Farabi Ave, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan

Abstract. The article deals with practical aspects of the implementation of cooperation between the CSTO countries in the production and supply of trucks as dual-use goods. The current macroeconomic situation of the countries participating in the agreement in terms of opportunities for self-production of these goods is considered. It shows the key brands and manufacturers that provide the markets of the CSTO countries with freight trucks, as well as the situation with production capabilities, and the current difficulties of finding a balance between efficiency, price and diversification in their fleet of civil and military vehicles. The research reveals a fairly stable position of Russian producers both on the national market and on the markets of the countries under consideration. At the same time, the study points out one of the key difficulties in the near-term prospects of the CSTO truck markets – the growing influence and dependence on China at both the macro and micro levels.

Keywords: CSTO, trucks, heavy truck market, KAMAZ, automotive industry, dual-use goods

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the RFFR in the framework of the research project “Activation of military-economic cooperation in the space of the Collective Security Treaty Organization and the Eurasian Economic Union in the context of the sanctions policy of developed countries and the development of import substitution in the Russian Federation”, project No. 18-010-01132.

References

- Chernjavskaja, A.I. (2020). Tendencii i analiz rynka gruzovikov i gruzovyh avtozapchastej [Trends and analysis of the truck and truck auto parts market]. *Molodoj uchjonyj*, 7(297), 195–199. (In Russ.)
- Degtereva, E.A., & Chernysheva, A.M. (2019). Military-economic cooperation of the CSTO and EAEU member states with third countries: challenges and threats to Russia. *RUDN Journal of Economics*, 27(4), 663–678. (In Russ.)
- Degtereva, E.A., & Chernysheva, A.M. (2020). Sovershenstvovanie finansovyh mehanizmov voenno-tehnicheskogo sotrudnichestva stran – uchastnic ODKB na primere opyta ES [Improving the financial mechanisms of military-technical cooperation of the CSTO member states on the example of the EU experience]. *National Interests: Priorities and Security*, 16(2–383), 383–396. (In Russ.)
- Egorova, A.O., & Kuryljova, O.I. (2019). Osnovnye tendencii razvitiya kljuchevyh segmentov avtomobil'nogo rynka Rossii [Main trends in the development of key segments of the Russian automobile market]. *Innovation economy: Prospects and Security*, 7(41), 18–24. (In Russ.)
- Golub, K.Ju., & Golub, Ju.G. (2018). ODKB: Istoki mnogoprofil'nogo mandata i sovremennye instrumenty ego realizacii [CSTO: Origins of the multi-disciplinary mandate and

- modern tools for its implementation]. *International Organisations Research Journal*, 13(1), 193–203. (In Russ.)
- IMF. (2020, April). *World Economic Outlook*. Retrieved June 1, 2020, from <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>
- Iosifov, V.V., & Bobyl'ov, Je.Je. (2017). Razvitie rossijskogo rynka jelektromobilej: Tendencii, perspektivy, bar'ery [Development of the Russian electric vehicle market: Trends, prospects, barriers]. *Financial Analytics: Science and Experience*, 10(11), 1273–1289. (In Russ.)
- Kovaleva, E.N. (2020). Razvitie jeksporta v Rossii i Belarusi: strukturnye osobennosti i realizacija vozmozhnostej infrastruktornoj podderzhki [The development of export to Russia and Belarus: Structural features and implementation of infrastructure support capabilities]. *Scientific journal NRU ITMO. Series: Economics and Environmental Management*, (1), 11–18. (In Russ.)
- Krutko, A.A. (2018). Organizacija dogovora o kollektivnoj bezopasnosti – vostrebovannyj institut voenno-politicheskogo sotrudnichestva [Collective Security Treaty Organization – a sought-after Institute of Military and Political Cooperation]. *News of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan*, (2), 51–56. (In Russ.)
- Ljashhuk, A.V., & Tikhonova, M.V. (2020). Strategicheskij analiz vnutrennih faktorov predpriyatij gruzovogo avtomobilstroenija v uslovijah cifrovoj transformacii jekonomiki [Strategic analysis of internal factors of truck manufacturing enterprises in the context of digital transformation of the economy]. *Bulletin of Saint Petersburg University of Economics and Finance*, (3), 102–109. (In Russ.)
- Safonov, S.V., Galstjan, A.A., & Tingaev, A.M. (2019). Analiz rossijskogo rynka gruzovyh avtomobilej i opyta sozdaniya sovmestnyh proizvodstv [Analysis of the Russian truck market and experience in creating joint productions]. *Alley of Science*, 1(1–28), 150–160. (In Russ.)
- Smolin, A.V. (2019). Problemy postavok vooruzhenij v strany SNG i puti ih razreshenija [Problems of arms supplies to the CIS countries and ways to resolve them]. *Post-Soviet Union Issues*, 2(1), 866–884. (In Russ.)
- Yampolskaya, D.O. (2019). The prospect of dual-use products production in the CSTO and EAEU countries. *RUDN Journal of Economics*, 27(4), 706–721. (In Russ.)

Article history:

Received: 15 June 2020

Revised: 15 July 2020

Accepted: 18 August 2020

For citation:

Chernikov, S.Yu., & Akhmetova, Z.B. (2020). Prospects of the CSTO dual-use goods markets in the field of freight trucks. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 807–825. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-807-825>

Bio notes:

Sergey Yu. Chernikov, PhD in Economics, MBA, LL.M., Associate Professor of the Department of Marketing of the Economic Faculty of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: chernikov-syu@rudn.ru

Zauresh B. Akhmetova, PhD in Economics, Head of the Department of Business Technologies of the Al-Farabi Kazakh National University. E-mail: kafedra.bt@mail

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-826-841

УДК 339.5:339.9

Научная статья

Внешнеторговые отношения Республики Корея и США в условиях развития интеграционных процессов

И.В. Андропова¹, Н.В. Дюжева¹, К.А. Андронов²

¹Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России

Российская Федерация, 119454, Москва, пр-кт Вернадского, 76

Аннотация. В статье рассматривается процесс заключения, реализации и обновления соглашения о свободной торговле между США и Южной Кореей, выделяются основные проблемные аспекты функционирования зоны свободной торговли и последствия для двусторонней торговли стран. Исследование показало, что Южная Корея получила значительные преимущества от согласованного в соглашении либерального торгового режима с США. Резко увеличилось сальдо положительного торгового баланса Южной Кореи с США – до исторического максимума в 25 млрд долл. (в 2015 г.), значительно вырос южнокорейский экспорт высокотехнологичных товаров и товаров с высокой добавленной стоимостью. Для США участие в соглашении обернулось увеличением дефицита торгового баланса, ростом экспорта ресурсов, сельскохозяйственных товаров и продукции низких переделов. Наблюдаемые последствия привели к применению США жесткой дискриминационной политики, пересмотру положений соглашения, военно-политическим уступкам со стороны Южной Кореи. В результате дефицит американского торгового баланса с Южной Кореей за год сократился на 17,3 %, ожидаются изменения в товарной структуре взаимной торговли стран. Проведенный анализ доказывает формирование единообразного формата внешнеторговой политики США по отношению к странам – торговым партнерам в рамках соглашений о зонах свободной торговли, лежащего в русле нового протекционизма и направленного на обеспечение американских геополитических и экономических интересов.

Ключевые слова: соглашение о зоне свободной торговли, KORUS, Республика Корея, Южная Корея, США, внешняя торговля, экспорт, импорт, интеграция, протекционизм, внешнеторговая политика

Введение

Развитие интеграционных процессов между странами является одной из основных характеристик современного мирового хозяйства. В ВТО нотифицировано около 550 зон свободной торговли и таможенных союзов, и их число продолжает увеличиваться. Республика Корея (РК) не является ис-

ключением и имеет 15 соглашений о зоне свободной торговли со всеми ключевыми странами – торговыми партнерами, в том числе с США.

При разделении Корейского полуострова между США и Югом сложились особые отношения. Американское военное правительство в Корее в 1945–1948 гг. напрямую участвовало в создании Южнокорейского государства. Если до 1960-х гг. Южная Корея представляла интерес для США исключительно с точки зрения обеспечения американских стратегических позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, то с приходом к власти Пак Чонхи и переходом страны к экспортно ориентированной модели экономического развития между странами начали укрепляться торговые отношения. По мере роста и диверсификации южнокорейской экономики, занимавшей лидирующие позиции в мире по темпам роста экспорта, США стали придавать особое значение развитию экономического сотрудничества с РК, страна вошла в число стратегических внешнеторговых партнеров США.

Заинтересованность США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в РК в частности, равно как и успешность интеграционных процессов в НАФТА, подтолкнули США к разработке и заключению соглашений о свободной торговле (ССТ) со странами региона. После ряда исследований по анализу перспектив заключения ССТ с Южной Кореей администрация США определила заключение такого соглашения как первоочередную задачу, что было обусловлено экономической заинтересованностью США в корейском рынке и укреплении партнерства с РК, высокими ввозными пошлинами в Корее (особенно на сельскохозяйственную продукцию – 48,6 % против 5 % в США), застопорившимся процессом интеграции в АТЭС, растущей экономической мощью КНР и ее влиянием на экономику РК.

Для Южной Кореи, в свою очередь, создание зоны торговли с США являлось важнейшим направлением внешнеторговой политики, поскольку доля США в экспорте РК в 1988 г. достигала 53 %. Однако в первой половине 1990-х гг. дальше исследований усилия стран не продвинулись.

Активизировал интерес к ССТ с США азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., ставший крайне тяжелым вызовом для Кореи, и администрация Ким Дэчжуна вынуждена была пересмотреть подходы к экономической политике страны. Южная Корея пошла по пути расширения внешнеэкономических связей и более активной интеграции в мировую экономику. Ставший в 2002 г. президентом, Но Мухен сделал участие Кореи в интеграционных процессах стратегической задачей, заявив о необходимости заключения ССТ с США.

Ответный интерес к заключению ССТ со стороны США усилился в конце 2004 г. после избрания Джорджа Буша младшего на второй президентский срок. Между экспертами двух стран начались двусторонние консультации, 1 апреля 2007 г. стороны объявили о завершении обсуждения, а 30 июня 2007 г. было подписано американо-корейское соглашение о свободной торговле.

Несмотря на подписание договора его ратификация затягивалась. Контролируемый Демократической партией Конгресс США выступил против ССТ, ссылаясь на несправедливость соглашения по отношению к американским производителям. Лишь три года спустя, 26 июня 2010 г., президенты

стран Барак Обама и Ли Менбак вновь заявили о готовности ратифицировать договор к ноябрю 2010 г. После обсуждений на саммите G-20 в Сеуле в ноябре 2010 г. и дальнейших переговоров 4 декабря 2010 г. в Мэриленде консенсус по обновленной версии соглашения был достигнут, а 15 марта 2012 г. ССТ вступило в силу.

Обзор литературы

Теоретические аспекты международных интеграционных процессов и их трансформация в современных условиях широко рассмотрены в научной литературе (Шишков, 2001; Ханиев, 2007; Воронина, 2010). Соглашения о зонах свободной торговли как наиболее распространенные варианты интеграции в мире исследуются преимущественно с точки зрения выявления последствий для экономик стран-участниц и их влияния на взаимную торговлю (Бойцова и др., 2019; Андропова и др., 2020). Политика США по заключению и реализации интеграционных соглашений, ее геополитические и экономические аспекты представлены в трудах специалистов Института США и Канады РАН, Института мировой экономики и международных отношений РАН и других ученых (Пак, 2018; Яковлев, 2019; Коновалова, Ушанов, 2019). Интеграционным процессам в Восточной Азии посвящены публикации ученых Института Востоковедения РАН, Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН и др. (Тимофеев, 2009; Байков, 2012; Костюнина, 2016; Демина, 2018). Вопросы участия Южной Кореи в интеграционных процессах, а также внешнеэкономические связи Южной Кореи с США и особенности ССТ США и РК также исследуются в научной литературе (Сидоров, 2011; Федоровский, 2017; Фархетдинова, 2019).

Методы и подходы

Проводимое в рамках данной статьи исследование строится на анализе положений ССТ США и РК, специфических аспектов переговорного процесса по отдельным положениям ССТ и последующем выявлении трансформации двухсторонней внешней торговли между странами в условиях развития интеграционных процессов.

Для исследования внешней торговли Южной Кореи с США применялась статистическая информация на основе классификации товаров Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (HS 6) с детализацией на уровне товарных групп (01–76, 78–97, 99). В целях выявления изменений, вызванных ССТ, в тенденциях, динамике и товарной структуре экспортно-импортных потоков Южной Кореи и США использовались такие дескриптивные индикаторы, как стоимостные объемы внешнеторгового оборота, экспорта, импорта, сальдо торгового баланса, темпы их роста, доли отдельных товарных групп, позволяющие статистически подтвердить результаты сравнительного анализа и экономического описания. Информационно-статистическую основу исследования составили база данных ООН Comtrade, материалы Корейской ассоциации международной торговли, документы Конгресса США.

Основные положения американо-корейского соглашения о зоне свободной торговли

Соглашение о свободной торговле США и РК (KORUS) состоит из 24 глав и приложений, охватывает внешнюю торговлю товарами, отдельные сферы регулирования внешнеторговой деятельности, содержит положения по либерализации внешней торговли услугами, включает отдельные дополнительные аспекты по внутреннему регулированию рынка стран-участниц, инвестиционному режиму и др.

В главе 2 ССТ конкретизируются сроки и масштабы устранения таможенных пошлин и барьеров. В отдельных приложениях приведены графики снижения таможенных пошлин, а также списки товаров, в отношении которых используются особые схемы либерализации. Главы 3–6 описывают снижение пошлин по ряду «чувствительных» товаров, за которые велась наиболее ожесточенная борьба в ходе переговорного процесса.

Особый интерес представляет глава 3, поскольку в ней затрагивается одна из наиболее чувствительных сфер для корейской экономики – рынок сельскохозяйственной продукции. В соответствии с положениями ССТ, РК должна была немедленно предоставить беспошлинный режим почти двум третям текущего экспорта сельскохозяйственной продукции США. Ввозные пошлины и квоты на большинство других сельскохозяйственных товаров предполагалось устранить в течение последующих 10 лет.

Много усилий ушло на переговоры по положениям, касающимся четырех групп сельскохозяйственных товаров, представлявшим особый интерес для США, – говядины, риса, цитрусовых, свинины.

Таможенные пошлины на американскую говядину и продукты из нее в РК доходили до 40 %, отношения осложнялись тем, что был прецедент запрета ввоза американской говядины из-за вспышек коровьего бешенства. В результате длительных переговоров Южная Корея согласилась отменить 40 % пошлину на мышечное мясо говядины, импортируемое из США, в течение 15 лет, однако достичь соглашения по доступу всей американской говядины на южнокорейский рынок так и не удалось.

Вопрос о доступе американского риса на южнокорейский рынок был полностью снят с повестки дня, в связи проводимой в стране политикой самообеспеченности в производстве риса, опирающейся на национальную идею о том, что производство риса неотделимо от национальной идентичности страны и что выращивание риса сохраняет основу для экономической деятельности в сельской местности.

Что касается цитрусовых, то США стремились добиться полной отмены корейских таможенных пошлин для всех видов продуктов, в то время как Южная Корея хотела сохранить имеющиеся квоты и пошлины, в первую очередь из-за важности цитрусовой промышленности для экономики острова Чеджудо. Достигнув компромисса, участники переговоров согласились на многоплановое решение. Во-первых, была установлена тарифная квота, дающая возможность беспошлинного ввоза из США «сезонных» апельсинов «Невер» (сорт, не выращиваемый в Корее) в рамках квотного объема (изначальная квота в 2500 т должна была увеличиваться на 3 % ежегодно). Поставки сверх квоты в

течение первого шестимесячного периода облагалась пошлиной в 50 %. Во-вторых, было достигнуто соглашение, по которому апельсины, поступающие из США на корейский рынок вне сезона (в период с 1 марта по 31 августа), облагаются 30%-й пошлиной до 2018 г., после чего пошлина была отменена.

Не менее сложными были переговоры по свинине. В результате Южная Корея согласилась снять 25%-ю пошлину на замороженные свиные отрубы из США с 1 января 2016 г., что затронуло около 75 % всего экспорта свинины из США. Южнокорейскую пошлину в размере 22,5 % на охлажденную свинину планируется снять к 2021 г.

Торговле текстилем и одеждой отводится глава 4. На момент подписания ССТ импорт текстиля из Кореи составлял 3 % от общего объема импорта текстиля США, что на 6 % меньше, чем в 1990 г. Соглашение предполагало снижение американских пошлин в 52 % на импорт южнокорейского текстиля и одежды по следующему графику: к 2016 г. они должны были снизиться на 19 %, а к концу 2021 г. – еще на 21 %. Корейской стороной, в соответствии с ССТ, таможенные пошлины на импорт текстиля и одежды из США были снижены на 77 % в 2012 г., после чего к 2015 г. – снижены еще на 13 %, а к 2016 г. – на оставшиеся 10 %.

Либерализация взаимной торговли стран фармацевтической продукцией и медицинскими приборами регулируется главой 5 ССТ. Несмотря на то что фармацевтические препараты и медицинские приборы занимают относительно небольшую долю в двустороннем внешнеторговом обороте США и РК, американские товары являются очень конкурентоспособными на южнокорейском рынке, а зарубежные продажи имеют решающее значение для фармацевтической промышленности США, и южнокорейский фармацевтический рынок, в свою очередь, является одним из крупнейших в Азии.

Стороны договорились о корректировке корейского законодательства для предоставления американским фармацевтическим компаниям большей свободы действия путем вынесения новых инновационных препаратов за рамки имеющихся государственных страховок. Однако для контроля над качеством импортируемой продукции Корея перешла от «отрицательных» списков к «положительным». Это ужесточило процесс выдачи лицензий на определенные препараты и позволило правительству РК контролировать объемы импорта анализируемой продукции.

В главах 6–10 уточняются правила постепенного снижения пошлин, устанавливаются меры по санитарному контролю, техническим барьерам в торговле, таможенным процедурам.

Совместная политика в инвестиционной сфере была закреплена в главе 11, включавшей общие принципы обращения стран с инвесторами и инвестициями одного партнера на территории другого, устанавливающей ограничения на государственную экспроприацию покрываемых инвестиций и делающей возможной ее использование лишь в общественных целях и недискриминационным образом, предусматривающей своевременную и разумную компенсацию пострадавшим инвесторам. ССТ разрешило свободное движение капитала, за исключением случаев, связанных с уголовными преступлениями, запретило устанавливать требования к прибыльности инвестиций компаний. Также была запрещена дискриминация по отношению к гражданству владельца компании, но допускалась квота на количество членов совета дирек-

торов с определенным гражданством. Были установлены процедуры урегулирования споров между инвестором и государством.

Торговля услугами между США и Южной Кореей охватывается главами 12 (торговля услугами), 13 (финансовые услуги) и 15 (телекоммуникации) ССТ. Основной целью США на переговорах было получение южнокорейских обязательств по либерализации инвестиций в сфере услуг, в частности, профессиональных, финансовых, телекоммуникационных услуг и услуг экспресс-доставки.

В целом две страны обязались: содействовать прозрачности в разработке и внедрении нормативных актов, регулирующих сферу услуг; обеспечить своевременное уведомление о решениях правительств о разрешениях на предоставление услуг; запретить ограничения на доступ к рынку, такие как ограничение количества поставщиков услуг, установление потолка общей стоимости предоставленных услуг и общего количества предоставленных услуг, так же как и общего числа лиц, которые могут быть наняты поставщиками услуг; запретить введение требований к прямым иностранным инвестициям; запретить ограничения типов коммерческого присутствия по организационно-правовым формам при предоставлении услуг.

В отношении финансовых услуг в рамках ССТ было установлено, что если местный поставщик в одной из стран разрабатывает и продает новую финансовую услугу на своем внутреннем рынке, то поставщики из страны – партнера по ССТ смогут продавать аналогичные услуги на своем рынке. Соглашение позволяет правительствам вводить ограничения на продажу финансовых услуг для защиты инвесторов и вкладчиков, а также позволяет правительству любого из партнеров ограничить денежные переводы, чтобы обеспечить устойчивость финансовых учреждений.

В сфере телекоммуникаций Южная Корея устранила некоторые ограничения на иностранную собственность южнокорейских телекоммуникационных компаний. С марта 2015 г. инвесторы из США имеют право владеть 100 % акций компаний – провайдеров программного обеспечения, компаний – сетевых операторов и компаний – операторов систем кабельного телевидения. Но эти положения не применяются к крупнейшим корпорациям KT Corporation и SK Telecom Co, для которых останется лимит в 49 % иностранной собственности. Кроме того, США и РК обязались обеспечивать доступ компаний к своим общедоступным телекоммуникационным сетям.

Принципы регулирования конкуренции, либерализации рынка государственных контрактов и закупок, охраны прав интеллектуальной собственности, укрепления сотрудничества в области защиты трудовых прав и окружающей среды, прозрачности регулирующих процедур и разрешения спорных ситуаций и конфликтов были установлены в главах 16–22 ССТ. Глава 23 содержит исключения из ССТ, глава 24 – заключительные положения ССТ.

Влияние Соглашения о свободной торговле на внешнеторговые отношения США и Республики Корея

Одной из главных мотивационных причин заключения ССТ с американской стороны было желание снизить хронический дефицит торгового баланса США в торговле с Южной Кореей.

Однако за первый год действия ССТ экспорт США снизился с 43,3 млрд долл. в 2012 г. до 41,5 млрд долл. в 2013 г., в то же время импорт США вырос с 58,5 до 62,1 млрд долл. соответственно. Несмотря на то что за тот же период экспорт услуг США увеличился с 16,1 до 20,9 млрд долл., а импорт увеличился с 9,7 до 10,8 млрд долл., общее сальдо торгового баланса ушло в еще больший минус. Американский дефицит торгового баланса с РК достиг своего максимального значения в 25,8 млрд долл. в 2015 г. (см. рисунок).

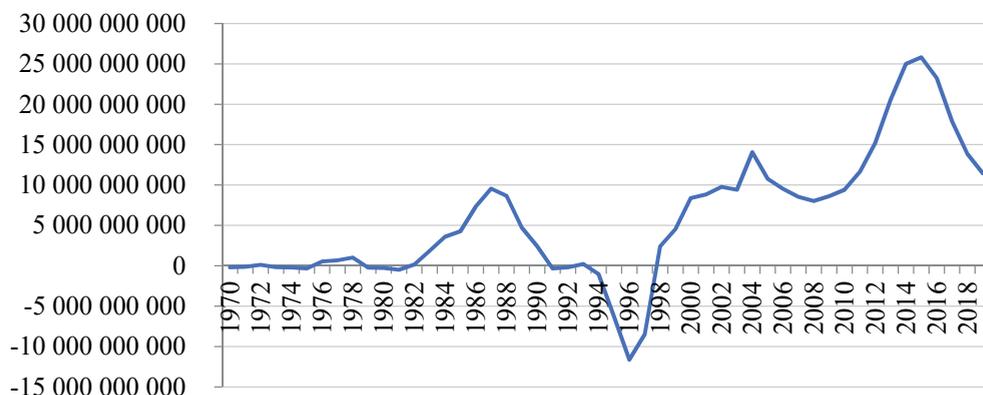

Рис. Торговый баланс Республики Корея с США, долл.
[Figure.] Trade balance of South Korea' trade with U.S., doll.]

Источник: составлено по: The Korea International Trade Association (KITA). URL: http://kita.org/kStat/byCount_AllCount.do (дата обращения: 15.06.2020).

Увеличение дефицита торговли товарами США с РК вызвало обеспокоенность у некоторых аналитиков в Вашингтоне. Уже с 2013 г. республиканские конгрессмены выражали свое недовольство соглашением, обвиняя демократическую администрацию в невыгодности договора для американского производителя.

Общий хронический дефицит торгового баланса США привел не просто к усилению протекционистских настроений в американском обществе, но и к реальным действиям американской администрации. Только в 2015 г. США ввели 90 дискриминационных мер, часть из которых прямо касалась торговли с Южной Кореей (Пак, 2018). Предпринятые меры позволили США сократить дефицит торгового баланса почти вдвое – с 25,8 млрд долл. в 2015 г. до 13,9 млрд долл. в 2018 г.

Одной из главных причин резкого скачка дефицита торгового баланса и в дальнейшем возникновения острых разногласий между странами стало изменение условий торговли средствами наземного транспорта, кроме железнодорожного и трамвайного подвижного состава. После заключения ССТ экспорт по этой статье увеличился с 16,1 млрд долл. в 2012 г., достиг пика в 23,9 млрд долл. к 2015 г., а затем составил 21,5 млрд долл. в 2018 г. В данной категории необходимо выделить экспорт корейских легковых автомобилей, который вырос с 10,5 млрд долл. в 2012 г. до 13,9 млрд долл. к 2018 г.

Снятие таможенных пошлин на реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства привело к росту экспорта РК товаров данной группы на 59 %, составив 16,5 млрд долл. или 22 % от совокупного корейского экспорта в США.

Также вырос экспорт электрических машин и оборудования, их частей, звукозаписывающей и звуковоспроизводящей аппаратуры, аппаратуры для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их частей и принадлежностей. После подписания ССТ доля этих товаров в южнокорейском экспорте выросла до 17,5 % и составила 13,2 млрд долл. против 4 млрд долл. в 2010 г.

Также вырос экспорт свинца с 1 млн долл. в 2012 г. до 257 млн долл. в 2018 г., цинка и продуктов из него – с 729 тыс. долл. до 1,7 млн долл., олова и изделий из него – с 629 тыс. долл. до 4 млн долл., инструментов и приспособлений из драгоценных металлов – с 230 до 369 млн долл. Существенно увеличился корейский экспорт каучука и пластмассы – с 1,5 до 2,8 млрд долл.

Важнейшим событием для южнокорейского экспорта стало снятие пошлин на фармацевтические товары. Корейский экспорт после заключения ССТ увеличился в 10 раз: с 41 млн долл. в 2012 г. до 444 млн долл. в 2018 г. Отмена пошлин позитивно отразилась на экспорте южнокорейских эфирных масел, парфюмерных, косметических и туалетных средств Южной Кореи – наблюдался рост с 79 млн долл. в 2012 г. до 532 млн долл. в 2018 г.

При этом США удалось значительно нарастить объемы экспорта лишь минеральных ресурсов и сельхозпродукции.

Американский экспорт минерального топлива, нефти и продуктов ее перегонки увеличился в 6 раз: с 1,6 до 9,99 млрд долл. При этом экспорт сырой нефти и нефтепродуктов США вырос со 108 тыс. долл. (330 т) в 2012 г. до 5,8 млрд долл. (14 039 млн т) в 2018 г. Экспорт американской нефти и нефтепродуктов, кроме сырой, увеличился с 69 до 464 млн долл. Также укрепились позиции США на газовом рынке РК. Экспорт нефтяных газов и газообразных углеводородов вырос с 35 млн долл. в 2012 г. до 2,9 млрд долл. к 2018 г.

Увеличился экспорт меди из США с 274 млн долл. в 2012 г. до 455 млн долл. в 2018 г., свинца – с 13 до 39 млн долл. В то же время снизился экспорт никеля с 73 до 55 млн долл.

Что касается экспорта сельхозпродукции, то в 2018 г. по сравнению с 2012 г. экспорт говядины и мясных субпродуктов США вырос более чем в 2 раза, составив 2,4 млрд долл., экспорт свинины увеличился почти в 2 раза и составил 595,2 млн долл. Также удалось увеличить экспорт живых деревьев и других растений (с 0,97 до 2,46 млн долл.), овощей и корнеплодов (с 30 до 35 тыс. долл.), кофе, чая и пряностей (с 41,3 до 85,5 млн долл.), злаков (с 1,3 до 1,8 млрд долл.), фруктов (с 680 до 802 млн долл.).

Экспорт алкогольных и неалкогольных напитков обеих стран увеличился, но если корейский экспорт вырос на 43 % (с 72 до 103 млн долл.), то экспорт США вырос на 175 % (с 81 до 223 млн долл.).

Еще одной категорией товаров, за тарифный режим которых шла ожесточенная борьба, были текстиль и одежда. Экспорт шелка, шерсти, пряжи и ткани из конского волоса, хлопка и бумажной пряжи Кореи до соглашения стабильно рос, но после заключения соглашения снизился. Экспорт США, напротив, вырос. Экспорт Кореи ваты, войлока, нетканых материалов, специальной пряжи, бечевки, веревки, канатов, тросов текстильных материалов, трикотажного полотна машинного или ручного вязания снизился с 410 млн долл. в 2012 г. до 375 млн долл. в 2018 г. Что касается экспорта предметов одежды

и других готовых текстильных изделий, то экспорт Кореи снизился с 272 млн долл. в 2012 г. до 265 млн долл. в 2018 г.

Обобщая, можно заключить, что после заключения ССТ у Южной Кореи вырос экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью, высокотехнологичный экспорт, тогда как у США увеличился экспорт ресурсов, сельскохозяйственных товаров и товаров с низкой добавленной стоимостью, что значительно усугубило ситуацию с дефицитом баланса.

Однако стоит выделить еще один эффект от заключения ССТ. Помимо увеличения товарооборота двух стран, эксперты отмечают рост количества рабочих мест. По оценке Министерства торговли США, за счет соглашения в период с 2012 по 2018 г. было создано порядка 410 тыс. рабочих мест в США и РК¹.

Таким образом, влияние ССТ на взаимную торговлю двух стран неоднозначно. С одной стороны, оно способствовало увеличению товарооборота, с другой – выявило серьезные структурные проблемы американской внешней торговли и спровоцировало начало жесткой дискриминационной политики в отношении Южной Кореи и переговоров по пересмотру условий ССТ. Во многом из-за обострения американо-корейских торговых отношений РК, несмотря на недовольство Китая и России, чтобы несколько снизить градус напряженности в 2016 г. заявила о размещении на территории страны американских систем ПРО THAAD.

Новый американо-корейский договор о свободной торговле

Именно из-за неоднозначных результатов ССТ для США американская сторона настояла на пересмотре договора. Обычно подобные соглашения заключаются в пользу более сильного партнера, однако в случае с Южной Кореей и США после 6 лет функционирования первого соглашения США так и не удалось полностью решить проблему с дефицитом платежного баланса.

Впервые вопрос о пересмотре ССТ обсуждался на американо-корейском саммите в июне 2017 г. Вскоре после этого торговый представитель США Роберт Лайтхизер обратился с просьбой о созыве специальной сессии Объединенного комитета KORUS, и в октябре 2017 г. обе стороны согласились начать процесс внесения поправок в текст соглашения. 24 сентября 2018 г. стороны подписали новое соглашение о свободной торговле, вступившее в силу с 1 января 2019 г.

Одной из наиболее значимых поправок к ССТ стало ограничение экспорта стали из Кореи. РК обязалась сократить экспорт стали в США до уровня в 70 % от среднего объема за последние три года. Это было сделано в обмен на бессрочное снятие с Кореи специальной пошлины на сталь, утвержденной администрацией Трампа.

Серьезные уступки были сделаны корейской стороной в части доступа продукции американского автопрома. Были увеличены квоты с 25 до 50 тыс. автомобилей на одного производителя. Кроме того, большинство автомобилей (пикапы) в США были освобождены от более строгих требований Кореи

¹ The Truth about KORUS and Jobs / The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2018/10/the-truth-about-korus-and-jobs/> (accessed: 04.06.2020).

по выбросам углекислого газа. Чтобы достичь этого, был повышен лимит экологических кредитов, которые американские производители могут использовать для «оплаты» за увеличение выбросов CO₂, чтобы соответствовать расхождению между американскими и корейскими стандартами выбросов. Более того, Корея продолжила предоставлять льготные условия по контролю выброса углекислого газа для малого автомобильного бизнеса США.

Важным нововведением стала задержка отмены пошлин на легкие грузовики из Кореи. РК согласилась с требованием США о продлении 25%-й пошлины на экспорт корейских легких грузовиков до 2041 г. Несмотря на то что РК не экспортировала в США данную продукцию, тем не менее на мировом рынке она является конкурентоспособной, и США заранее позаботились о защите своего рынка.

Еще одним изменением в рамках пересмотра ССТ стало внесение правок в корейскую систему ценообразования, возмещения и регулирования инновационных фармацевтических препаратов и медицинских устройств из США. В частности, США добились возможности подавать заявки на более высокий уровень возмещения стоимости лекарств в рамках программы медицинского страхования с одним плательщиком, а также защиты прав интеллектуальной собственности и недопущения на корейский рынок аналогичных дженериков.

По требованиям Южной Кореи были внесены всего три небольших изменения. Во-первых, механизм урегулирования споров между инвестором и государством был незначительно пересмотрен. Было введено понятие «арбитражный процесс», позволяющее иностранным инвесторам предъявлять иски правительствам перед специальной комиссией.

Во-вторых, были внесены поправки, касающиеся усиления прозрачности процедур применения антидемпинговых и компенсационных пошлин, которые стали ответом на частое использование США ограничений на импорт. По состоянию на момент проведения переговоров антидемпинговые пошлины применялись по отношению к 12 товарам, импортируемым из Кореи (в основном к специальным изделиям из нержавеющей стали), а компенсационные пошлины – к 3 южнокорейским товарам². Несмотря на то что изменения в тексте ССТ могут не сильно повлиять на использование США мер защиты внутреннего рынка, повышение прозрачности процесса уже является положительным результатом.

В-третьих, были внесены изменения в требования к правилам происхождения страны текстильных товаров. Предыдущие правила «пряжи вперед» позволяли импортировать текстильные изделия с использованием тарифных преференций ССТ, если они были изготовлены из пряжи и тканей, происходящих из США или РК. США пошли на определенные уступки, расширив подпадания под режим ССТ текстильных изделий из пряжи и тканей из третьих стран при условии, что они в принципе не производятся на территории США или РК. Также США отказались от принципа никогда не распространять режим ССТ на товары, частично произведенные в Зонах внеш-

² Information portal “Everycrsreport”. URL: https://www.everycrsreport.com/reports/RL34330.html#_Точ398734357 (дата обращения: 04.06.2020).

ней переработки Южной Кореи (в частности, в промышленном комплексе Кэсон (Kaesong Industrial Complex, KIC) в Северной Корее, вовлеченной в производство текстильных товаров, электроники, автомобилей).

Таким образом, большинство поправок в ССТ были внесены по инициативе США и отражали желание администрации Трампа продолжить сокращение дефицита торгового баланса с Кореей. Корея же как мировой промышленный хаб, зависящий от зарубежных рынков сбыта, была вынуждена пойти на уступки, в том числе для снижения напряжения в двухсторонних торговых отношениях.

За год функционирования нового соглашения США удалось сократить дефицит торгового баланса РК на 2,4 млрд долл.: с 13,9 млрд долл. в 2018 г. до 11,5 млрд долл. в 2019 г.

Заключение

Анализ соглашения о зоне свободной торговли США и РК показал, что его положения в принципе соответствуют современному подходу США к формированию такого рода интеграций, реализацию которого можно наблюдать в Транстихоокеанском партнерстве, Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве, в новом соглашении ЮСМКА (ранее НАФТА) и других двусторонних соглашениях. Соглашение фактически является «расширенным» и охватывает не только внешнюю торговлю товарами и отдельные меры ее регулирования, но также торговлю услугами, инвестиционный режим, интеллектуальную собственность, экологические нормы и правила, трудовые стандарты, правительственные закупки и другие аспекты.

Изначально ССТ отвечало интересам и США, и Южной Кореи. Обе страны видели в зоне свободной торговли логическое продолжение двухстороннего сотрудничества и перевод его на более высокий уровень. Заключенное в 2012 г. ССТ способствовало увеличению товарооборота за счет облегченного доступа на рынки стран. Однако США не удалось решить проблему дефицита торгового баланса. Помимо этого, усугубились структурные проблемы в американской торговле в РК, поскольку ССТ привело к значительному увеличению корейского экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью, а американский экспорт вырос преимущественно за счет поставок минеральных ресурсов и сельскохозяйственного сырья.

Это стало основной причиной пересмотра ССТ и вступления в силу с начала 2019 г. нового соглашения, в котором США, в соответствии с современной тенденцией американского протекционизма администрации Трампа, получили дополнительные преимущества по экспорту в РК автомобилей и фармацевтических товаров и ограничили импорт корейской стали и легковых грузовиков. Как следствие, отрицательное сальдо торгового баланса США в торговле с Южной Кореей за год сократилось на 17,3 %. Насколько эта тенденция сохранится и будет ли ССТ способствовать укреплению двустороннего сотрудничества, покажет время. Равно как и потенциальные экономические эффекты нового ССТ США и РК нуждаются в дальнейшем исследовании и анализе.

Список литературы

- Андропова И.В., Миновска М., Дюжева Н.В. Влияние соглашения стабилизации и ассоциации на развитие внешней торговли Северной Македонии с ЕС // *Современная Европа.* 2020. № 2. С. 78–89.
- Байков А.А. Казус восточноазиатской интеграции: факторы географии и безопасности // *Вестник МГИМО-Университета.* 2012. № 6. С. 104–111.
- Бойцова М.И., Федоренко К.П., Митрофанова И.Б. Изменения в динамике и структуре российского импорта из Вьетнама после подписания Соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и СРВ // *Российский внешнеэкономический вестник.* 2019. № 3. С. 19–29.
- Воронина Т.В. Эволюция теоретических подходов к анализу развития международной экономической интеграции // *Terra Economicus.* 2010. Т. 8. № 3. Ч. 3. С. 208–215.
- Демина Я.В. Экономическая интеграция стран Восточной Азии // *Вестник института экономики Российской академии наук.* 2018. № 6. С. 181–194.
- Коновалова Ю.А., Ушанов С.А. ЕС в системе торговых интересов США // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика.* 2019. Т. 27. № 2. С. 386–400.
- Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии // *Российский внешнеэкономический вестник.* 2016. № 7. С. 28–39.
- Пак С.Ч. Протекционизм США и нарушение торгового баланса между США и странами Северо-Восточной Азии // *Вестник международных организаций.* 2018. Т. 13. № 2. С. 86–114.
- Сидоров А.А. Американо-корейское соглашение о свободной торговле: предпосылки, проблемы, перспективы // *Вестник московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика.* 2011. № 1. С. 49–75.
- Тимофеев О.А. Модели интеграции в Восточной Азии: влияние Китая и позиция США // *Россия и АТР.* 2009. № 2. С. 48–63.
- Фархетдинова Э.Т. Двусторонние отношения Республики Корея и США в экономической сфере на современном этапе // *Казанский вестник молодых ученых. Политические науки.* 2019. Т. 3. № 1 (9). С. 135–146.
- Федоровский А.Н. Приоритеты участия Республики Корея в интеграционных проектах // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2017. Т. 10. № 4. С. 144–157.
- Ханиев Р.Р. Базовые концепции формирования интеграционных процессов // *Terra Economicus.* 2007. Т. 5. № 4. Ч. 4. С. 177–181.
- Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ? М.: НП III тысячелетие, 2001. 478 с.
- Яковлев П.П. От НАФТА к ЮСМКА: реформа североамериканской интеграции // *Российский внешнеэкономический вестник.* 2019. № 1. С. 75–87.
- CATO institute: Trump's First Trade Deal: the Slightly Revised Korea U.S. Free Trade Agreement. URL: <https://www.cato.org/publications/free-trade-bulletin/trumps-first-trade-deal-slightly-revised-korea-us-free-trade> (accessed: 25.05.2020).
- Comtrade – база данных ООН. URL: <https://comtrade.un.org/data>
- Congressional Research Service: U.S. – South Korea (KORUS) FTA. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10733.pdf> (accessed: 25.05.2020).
- Free Trade Agreement between the Republic of Korea and the USA. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/korus-fta/final-text> (accessed: 25.05.2020).
- International Trade Administration: why a U.S. – Korea trade agreement? URL: <https://www.trade.gov/fta/korea/> (accessed: 25.05.2020).
- Korean economic institute of America: Benefits of KORUS FTA Not Eclipsed by the Trade Deficit. URL: <http://keia.org/benefits-korus-fta-not-eclipsed-trade-deficit> (accessed: 25.05.2020).
- Korean International Trade Association. URL: http://kita.org/kStat/byCount_SpeCount.do (accessed: 25.05.2020).

- National Foundation for American Policy “NFAP Policy Brief” U.S. – South Korea Trade. URL: <http://beaconhill.org/wp-content/uploads/2018/10/KORUS-FTA-NFAP-Policy-Brief-August-2018-1.pdf> (accessed: 25.05.2020).
- Office of the United States Trade Representative: Fact Sheet on U.S. – Korea Free Trade Agreement Outcomes. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2018/september/fact-sheet-us-korea-free-trade> (accessed: 25.05.2020).
- Office of the United States Trade Representative: U.S. – Korea Free Trade Agreement. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/korus-fta> (accessed: 25.05.2020).
- Peterson Institute: the Korea – US FTA: a Summary Assessment. URL: <https://www.piie.com/sites/default/files/publications/pb/pb07-7.pdf> (accessed: 25.05.2020).
- Press Conference with President Obama and President Park of the Republic of Korea: Press Release / The White House. 2014, 25 April. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/press-conference-president-obama-and-president-park-republic-korea> (accessed: 25.05.2020).
- Revised Trade Deal with South Korea Seen as Beneficial for Agriculture. URL: <https://www.agweb.com/article/revised-trade-deal-with-south-korea-seen-as-beneficial-for-agriculture> (accessed: 25.05.2020).
- South Korea: Background and U.S. Relations. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10165.pdf> (accessed: 25.05.2020).
- The Diplomat: The Truth about KORUS and Jobs. URL: <https://thediplomat.com/2018/10/the-truth-about-korus-and-jobs/> (accessed: 25.05.2020).
- The U.S. – South Korea Free Trade Agreement (KORUS FTA): Provisions and Implementation. URL: https://www.everycrsreport.com/reports/RL34330.html#_Toc398734357 (accessed: 25.05.2020).
- U.S. Agriculture Reaps Benefits of Free Trade Agreement with Korea. URL: <https://www.fas.usda.gov/data/us-agriculture-reaps-benefits-free-trade-agreement-korea> (accessed: 25.05.2020).
- U.S. Korea Connect: Benefits of KORUS FTA for the U.S. URL: <https://www.uskoreacconnect.org/benefits-of-korea-us-fta/> (accessed: 25.05.2020).
- US Trade numbers South Korea. URL: <https://www.ustradennumbers.com/country/south-korea/> (accessed: 25.05.2020).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 июня 2020 г.

Дата проверки: 20 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 августа 2020 г.

Для цитирования:

Андропова И.В., Дюжева Н.В., Андронов К.А. Внешнеторговые отношения Республики Корея и США в условиях развития интеграционных процессов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2020. Т. 28. № 4. С. 826–841. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-826-841>

Сведения об авторах:

Андропова Инна Витальевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой международных экономических отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: aiv1207@mail.ru

Дюжева Наталья Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: dioujeva@yandex.ru

Андронов Кирилл Антонович, студент факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: dabr1e67@gmail.com

Foreign trade relations between the Republic of Korea and the United States in the context of the development of integration processes

Inna V. Andronova¹, Natalia V. Dyuzheva¹, Kirill A. Andronov²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

²Moscow State Institute of International Relations (University) of
the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO University)
76 Vernadskogo Ave, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract. The article examines the process of concluding, implementing and updating the Free Trade Agreement between the USA and South Korea, highlights the main problematic aspects of the functioning of the free trade area and the consequences for the bilateral trade of countries. The study found that South Korea benefited significantly from the negotiated liberal trade regime with the USA. The trade balance surplus of South Korea with the USA sharply increased – to a historic maximum of 25 billion dollars (in 2015), also South Korean exports of high-tech goods and high value-added goods increased significantly. For the USA, participation in the agreement led to an increase in the trade balance deficit and in the export of resources, agricultural goods and low value-added products. The observed consequences led to the use of a tough discriminatory policy by the USA, to the revision of the provisions of the Free trade agreement and to the military and political concessions from South Korea. As a result, the deficit of the US trade balance with South Korea decreased by 17.3% over the year, changes in the commodity structure of the countries' mutual trade are expected. The analysis proves the formation of a unified approach in US foreign trade policy towards partner countries within the framework of Free trade agreements, which lies in the mainstream of new protectionism and aimed at ensuring American geopolitical and economic interests.

Keywords: Free Trade Agreement, KORUS, Republic of Korea, South Korea, USA, foreign trade, export, import, integration, protectionism, foreign trade policy

References

- Andronova, I.V., Minovska, M., & Dyuzheva, N.V. (2020). Vliyanie soglasheniya stabilizatsii i asociatsii na razvitie vneshnej trgovli Severnoj Makedonii s ES [The impact of the stabilization and association agreement on the foreign trade of the Republic of North Macedonia with EU]. *Contemporary Europe*, (2), 78–89. (In Russ.)
- Baykov, A.A. (2012). Kazus vostochnoaziatskoj integratsii: Faktory' geografii i bezopasnosti [Factors of geography and security in the integration construction: The case of East-Asian integration]. *MGIMO Review of International Relations*, (6), 104–111. (In Russ.)
- Boitsova, M.I., Fedorenko, K.P., & Mitrofanova, I.B. (2019). Izmeneniya v dinamike i strukture rossijskogo importa iz V'etnama posle podpisaniya Soglasheniya o zone svobodnoj trgovli mezhdu EAE'S i SRV [Vietnam-Russia trade: Changes and structure of Russia's imports after the VN – EAEU FTA]. *Russian Foreign Economic Bulletin*, (3), 19–29. (In Russ.)
- CATO institute: Trump's First Trade Deal: The Slightly Revised Korea U.S. Free Trade Agreement. Retrieved May 25, 2020, from <https://www.cato.org/publications/free-trade-bulletin/trumps-first-trade-deal-slightly-revised-korea-us-free-trade>
- Comtrade – UN Database. Retrieved May 25, 2020, from <https://comtrade.un.org/data>
- Congressional Research Service: U.S. – South Korea (KORUS) FTA. Retrieved May 25, 2020, from <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10733.pdf>

- Dyomina, Ya.V. (2018). E'konomicheskaya integraciya stran Vostochnoj Azii [Economic Integration of East Asian Countries]. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, (6), 181–194. (In Russ.)
- Farkhetdinova, E.T. (2019). Dvustoronnie otnosheniya Respubliki Koreya i SShA v e'konomicheskoy sfere na sovremennom e'tape [Bilateral relations of the Republic of Korea and the USA in the economic sphere at the present stage]. *Kazan Bulletin of Young Scientists*, 3(1–9), 135–146. (In Russ.)
- Fedorovskii, A.N. (2017). Priorityt'y uchastiya Respubliki Koreya v integracionny'x proektax [Priorities of the Republic of Korea in Integration Projects]. *Outlines of global transformations: Politics, economics, law*, 10(4), 144–157. (In Russ.)
- Free Trade Agreement between the Republic of Korea and the USA. Retrieved May 25, 2020, from <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/korus-fta/final-text>
- International Trade Administration: Why a U.S. – Korea trade agreement? Retrieved May 25, 2020, from <https://www.trade.gov/fta/korea/>
- Khaniev, R.R. (2007). Bazovy'e koncepcii formirovaniya integracionny'x processov [Basic concepts of the formation of integration processes]. *Terra Economicus*, 5(4), 177–181. (In Russ.)
- Konovalova, Yu.A., & Ushanov, S.A. (2019). EU in the system of trade interests of USA. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 386–400. (In Russ.)
- Korean economic institute of America: Benefits of KORUS FTA Not Eclipsed by the Trade Deficit. Retrieved May 25, 2020, from <http://keia.org/benefits-korus-fta-not-eclipsed-trade-deficit>
- Korean International Trade Association. Retrieved May 25, 2020, from http://kita.org/kStat/byCount_SpeCount.do
- Kostyunina, G.M. (2016). Integracionny'e processy' v Severo-Vostochnoj Azii [Integration processes in North East Asia]. *Russian Foreign Economic Bulletin*, (7), 28–39. (In Russ.)
- National Foundation for American Policy “NFAP Policy Brief” U.S. – South Korea Trade. Retrieved May 25, 2020, from <http://beaconhill.org/wp-content/uploads/2018/10/KORUS-FTA-NFAP-Policy-Brief-August-2018-1.pdf>
- Office of the United States Trade Representative: Fact Sheet on U.S. – Korea Free Trade Agreement Outcomes. Retrieved May 25, 2020, from <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2018/september/fact-sheet-us-korea-free-trade>
- Office of the United States Trade Representative: U.S. – Korea Free Trade Agreement. Retrieved May 25, 2020, from <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/korus-fta>
- Park, S.-C. (2018). Protekcionizm SShA i narushenie torgovogo balansa mezhdru SShA i stranami Severo-Vostochnoj Azii U.S. [Protectionism and Trade Imbalance between the U.S. and North-East Asian Countries]. *International Organizations Research Journal*, 13(2), 86–114. (In Russ.)
- Peterson Institute: The Korea – US FTA: A Summary Assessment. Retrieved May 25, 2020, from <https://www.piie.com/sites/default/files/publications/pb/pb07-7.pdf>
- Revised Trade Deal with South Korea Seen as Beneficial for Agriculture. Retrieved May 25, 2020, from <https://www.agweb.com/article/revised-trade-deal-with-south-korea-seen-as-beneficial-for-agriculture>
- Shishkov, Yu.V. (2001). *Integracionny'e processy' na poroge XXI veka. Pochemu ne integriruyut-sya strany' SNG? [Integration processes on the threshold of the 21st century. Why the CIS countries are not integrating?]*. Moscow, NP III Ty'syacheletie Publ. (In Russ.)
- Sidorov, A.A. (2011). Amerikano-korejskoe soglashenie o svobodnoj torgovle: Predposy'lki, problemy', perspektivy' [U.S. – South Korea Free Trade Agreement: Background, Challenges, Prospects]. *Moscow University International Relations and World Politics Bulletin*, (1), 49–75. (In Russ.)
- South Korea: Background and U.S. Relations. Retrieved May 25, 2020, from <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10165.pdf>
- The Diplomat: The Truth about KORUS and Jobs. Retrieved May 25, 2020, from <https://thediplomat.com/2018/10/the-truth-about-korus-and-jobs/>

- The U.S. – South Korea Free Trade Agreement (KORUS FTA): Provisions and Implementation. Retrieved May 25, 2020, from https://www.everycrsreport.com/reports/RL34330.html#_Toc398734357
- The White House. (2014, 25 April). *Press Conference with President Obama and President Park of the Republic of Korea: Press Release*. Retrieved May 25, 2020, from <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/press-conference-president-obama-and-president-park-republic-korea>
- Timofeev, O.A. (2009). Modeli integracii v Vostochnoj Azii: Vliyanie Kitaya i poziciya SShA [Models of integration in East Asia: China's influence and the U. S. attitude]. *Russia and the Pacific*, (2), 48–63. (In Russ.)
- U.S. Agriculture Reaps Benefits of Free Trade Agreement with Korea. Retrieved May 25, 2020, from <https://www.fas.usda.gov/data/us-agriculture-reaps-benefits-free-trade-agreement-korea>
- U.S. Korea Connect: Benefits of KORUS FTA for the U.S. Retrieved May 25, 2020, from <https://www.uskoreconnect.org/benefits-of-korea-us-fta/>
- US Trade numbers South Korea. Retrieved May 25, 2020, from <https://www.ustradenumbers.com/country/south-korea/>
- Voronina, T.V. (2010). E'volyuciya teoreticheskix podxodov k analizu razvitiya mezhdunarodnoj e'konomicheskoy integracii [Evolution of theoretical approaches to the analysis of the development of international economic integration]. *Terra Economicus*, 8(3), 208–215. (In Russ.)
- Yakovlev, P.P. (2019). Ot NAFTA k YuSMKA: Reforma severoamerikanskoj integracii [From NAFTA to USMCA: The reform of the North American integration]. *Russian Foreign Economic Bulletin*, (1), 75–87. (In Russ.)

Article history:

Received: 20 June 2020

Revised: 20 July 2020

Accepted: 15 August 2020

For citation:

Andronova, I.V., Dyuzheva, N.V., & Andronov, K.A. (2020). Foreign trade relations between the Republic of Korea and the United States in the context of the development of integration processes. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 826–841. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-826-841>

Bio notes:

Inna V. Andronova, Doctor of Economics, Professor, Head of the International Economic Relations Department of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: aiv1207@mail.ru

Nataliya V. Dyuzheva, Ph.D in Economics, Associate Professor of the International Economic Relations Department of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: dioujeva@yandex.ru

Kirill A. Andronov, student of the Faculty of International Relations of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO University). E-mail: dabr1e67@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-842-857

УДК 339.9

Научная статья

Внешнеторговая политика США как инструмент защиты национальных интересов

Л.Н. Федякина, А.А. Тинькова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Аннотация. В условиях возрастающей конкуренции в мировой экономике меняются национальные экономические интересы, а вместе с ними и вектор внешнеторговой политики ее глобальных игроков, что главным образом прослеживается в протекционистских настроениях США. Цель исследования – выявить и проанализировать эволюцию, взаимосвязи и новые тенденции механизмов торговой политики США. В результате анализа четырех механизмов (международные организации, официальная система финансирования, международная интеграция, тарифное и нетарифное регулирование, а также их вариации в виде торговых войн и санкций в рамках инструмента торговой войны) выявлены теоретические, эволюционные и практические аспекты достижения каждым механизмом цели защиты национальных интересов и их влияние на мировое хозяйство. Приводится авторское мнение о месте и роли санкций в системе механизмов торговой политики, сделана попытка выделить экономический аспект санкций в рамках торговых войн. В заключении отмечается, что в настоящее время США играют активную роль в процессе трансформации международных экономических отношений и имеют возможности максимально извлекать выгоду из исторически сложившегося лидерства по использованию механизмов внешнеторговой политики.

Ключевые слова: внешнеторговая политика, международные организации, экономическая интеграция, регулирование торговли, национальные интересы

Введение

Проблемы политической и экономической нестабильности в современном мире во многом связаны с процессом глобализации. Рост глобальной нестабильности вызван многими факторами: геополитическими, экономическими, цивилизационными, религиозными и др. Глобальные риски во многом определяются усилением политического и экономического соперничества между США и Китаем, ростом конкуренции и возможной сменой глобальных лидеров, переходом к многополярному миру. В настоящее время реальный сектор мировой экономики сосредоточен в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, в основном в Китае, а финансовый – по-прежнему находится в странах

© Федякина Л.Н., Тинькова А.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Запада, что не может не вызывать глобальных противоречий между ними (Лукьянович, Прокофьев, 2015).

С началом президентского срока Д. Трампа США перешли от свободной торговли к так называемой справедливой торговле на основе принципа «Америка превыше всего» (по названию концепции национальной стратегии, в которой, по сравнению с предыдущей версией 2015 г., отсутствуют посылы о свободной торговле). Еще одна страна – Великобритания – родоначальница свободной торговли в настоящее время выступает за деглобализацию, что и нашло свое отражение в Брексите. Такой сдвиг в политике заставляет остальные страны, которые следуют за мировыми лидерами, пересмотреть свои национальные стратегии обеспечения экономического роста, ведь такая «большая» экономика, как США, сильно влияет на глобальную экономику.

Важно отметить, что предпосылки к формированию протекционистской торговой политики США начались еще раньше, чем приход к власти президента Трампа. Экономисты выделяют несколько основных причин такого сдвига: увеличение уровня неравенства доходов населения (на 2015 г. США стала страной с наибольшим уровнем неравенства среди развитых стран по коэффициенту Джини, причем рост неравенства в пользу 1 % самого богатого населения США начался еще в 1995 г.); конкурентный рост китайской экономики, в которую были «вынесены» промышленные предприятия США, в том числе и оборонные; отсутствие серьезных потерь «большой» экономики США в условиях протекционизма по сравнению с «малыми» странами, то есть у США есть возможность функционировать в таких условиях (Пак Санг-Чул, 2018)

В настоящее время Китай составляет США серьезную конкуренцию по объему международной торговли, доля американского экспорта в мировом товарном экспорте падает, а американский рынок сбыта остается наиболее емким для импорта. Торговый дисбаланс между США и странами Северо-Восточной Азии составляет наибольшую долю в дефиците торгового баланса США и имеет место еще с начала 2000-х гг., поэтому его можно назвать структурным в настоящее время. Традиционно участие США во всех формах международных экономических отношений являлось инструментом укрепления своих позиций в мире и механизма воздействия на мирохозяйственные связи. В условиях возрастающей конкуренции на мировых рынках меняются и формы, методы, инструменты внешнеэкономической политики.

Обзор литературы

Система национальных экономических интересов США описана в работах О.Н. Бабуриной и корейского специалиста ВШЭ Пак Санг-Чул (Бабурина, 2012; Пак Санг-Чул, 2018), ставшими опорой при составлении структуры данного исследования. Проблемы торговой политики как механизма продвижения национальных экономических интересов в разные годы занимались И.В. Андропова и Л.Г. Чувахина (Андропова, 2007; Чувахина, 2014) в области международных организаций; А.Н. Спартак и Ю.М. Кукушкина (Спартак, 2010; Кукушкина, 2014) в области международной интеграции; А.Р. Шакиров и Л.Н. Федякина (Шакиров, 2011; Федякина, 2015) в области

официальной системы финансирования; А.А. Сидоров и Е.А. Мытарева (Сидоров, 2017; Мытарева, 2010) в области тарифного и нетарифного регулирования и др.

Эволюция инструментов внешнеторговой политики США

Тарифное регулирование. Первым и главным защитным инструментом внешнеторговой политики всех стран на протяжении столетий были таможенные пошлины. В том числе и в США тарифное регулирование было главным механизмом торговой политики с XIX в. до Великой депрессии, а ставки пошлин поддерживались на уровне 45 %. С этим механизмом регулирования внешней торговли был связан один из крупнейших поворотов торговой политики США и первый современный виток так называемых тарифных войн, когда в 1930 г. в США был принят закон Смута – Хоули, предполагавший значительное повышение уровня таможенного тарифа. В ответ более 60 стран также повысили свои тарифы. Тарифная война привела к тому, что перед Второй мировой войной объем международной торговли сократился почти на 60 % (Сидоров, 2017).

Выйдя из Второй мировой войны самой мощной в экономическом смысле державой, США изменили направление своей внешнеторговой политики на диаметрально противоположное, начав активно продвигать идею либерализации торговли, прежде всего через ГАТТ, а затем и ВТО.

К 1990 г. среднеарифметический таможенный тариф США был ниже чем в среднем по миру и составлял 5,25 %. В период 2012–2016 гг. среднеарифметический таможенный тариф продолжал медленно сокращаться и составил менее 3 %. Однако со сменой президента и выбором нового вектора торговой политики приобрел динамику к росту¹.

В 2020 г. среднеарифметический таможенный тариф США, несмотря на незначительный рост, продолжает оставаться одним из самых низких в мире и составляет 3,4 % (4,9 % на сельскохозяйственную продукцию и 3,2 % на несельскохозяйственную).

Однако к этим цифрам следует относиться с осторожностью. Например, доля ввозимых беспошлинно товарных позиций в таможенном тарифе Америки равна 46 % (один из наивысших показателей в мире), что в два раза больше, чем в ЕС, но пошлины, которые она взимает с остальных, чувствительных с точки зрения национальных экономических интересов Соединенных Штатов товаров, могут быть значительно выше². Например, доля товарных позиций, пошлины на которые в три раза превышают национальный среднеарифметический тариф, равна 7,5 %, и данный показатель является одним из самых высоких в мире среди развитых стран. То есть сама система подсчета среднеарифметического таможенного тарифа дает возможность к манипуляциям. Так, доля импорта товарных групп, в которых доля беспошлинно вво-

¹ WITS AHS Simple average. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/USA/StartYear/1991/EndYear/2018/TradeFlow/Import/Indicator/AHS-SMPL-AVRG/Partner/WLD/Product/all-groups> (accessed: 24.05.2020).

² How open is America? / The Economist. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2018/06/14/how-open-is-america> (accessed: 24.05.2020).

зимых товаров превышает 60 %, в совокупном импорте США составляет 31 %, по данным ВТО на 2019 г.

Кроме того, в США существует система тарифных преференций, которая включает в себя преференции по отношению к наименее развитым странам (44 страны) и странам-интеграционным партнерам³. Но анализ преференциальных соглашений с отдельными странами показал, что они построены исключительно в интересах США, то есть преференции охватывают ту часть зарубежного экспорта, которая не представляет угрозы американским производителям, и, напротив, в каждом соглашении есть перечень исключений, который защищает американского производителя.

Таким образом, США довольно продолжительное время оставались страной, которая, несмотря на низкий среднеарифметический тариф, научилась мастерски использовать тарифное регулирование в национальных интересах, что говорит о высочайшем уровне специалистов, занимающихся данной тематикой, при этом на международной арене оставаясь одним из пионеров продвижения идей либерализации торговли.

Создание системы международных организаций. Как уже было отмечено, одним из главных инструментов продвижения идей либерализации торговли стали созданные Соединенными Штатами международные институты. Еще в 1944 г. в Бреттон-Вудсе США выступили с инициативой создать Международную организацию по торговле и занятости (МТО) в целях либерализации торговли, регулирования международных инвестиций и услуг и системы найма служащих. Однако устав организации так и не был ратифицирован самими США, так как в процессе международных переговоров и столкновения интересов развитых и развивающихся стран документ претерпел множество изменений и уже не отвечал национальным интересам промышленно развитой страны-инициатора (Минкова, 2006)

Лишь четвертая глава устава МТО вступила в действие в 1947 г., получив вид международного соглашения по тарифам и торговле ГАТТ, главной задачей которого было снижение тарифных барьеров, количественных ограничений и которое переросло в полноценную международную организацию только спустя 48 лет.

Важно заметить, что на повестке первых пяти раундов переговоров было лишь снижение тарифов. На современном этапе функционирования Всемирной торговой организации повестка расширилась и усложнилась, именно поэтому последний раунд переговоров – Доха раунд – длится уже почти 20 лет. Причиной такого долгого процесса стало столкновение интересов развитых США и ЕС с развивающимися Китаем, Бразилией и Индией, в основном касающихся субсидирования сельского хозяйства. Ярким примером «торгового лицемерия Америки» было снятие импортных пошлин с 97 % товаров наименее развитых стран (НРС), в то время как на оставшиеся 3 % приходились именно те товары, в производстве которых у НРС было преимущество (Бабурина, 2012).

Кроме ВТО, идею свободной торговли и ее практическую реализацию осуществляют бреттон-вудские институты – Международный валютный фонд

³ Официальный сайт комиссии по международной торговле США. URL: <https://www.usitc.gov/> (дата обращения: 24.05.2020).

и Всемирный банк. Несмотря на то что эти финансовые организации занимаются кредитованием стран, одним из обязательных условий получения кредитов у данных институтов является разработка программ экономических реформ, включающих в том числе обязательства реципиента по либерализации торговли (Андропова, 2007).

Здесь надо отметить, что проведению через международные финансовые институты идей либерализации торговли способствовало то, что США являются не просто инициатором создания данных организаций, но и имеют в них наибольшее количество голосов – около 17 %. А так как для одобрения стратегически важных решений МВФ необходимо 85 % голосов, следовательно, Соединенные Штаты по сути обладают правом вето, хотя это и не предусмотрено уставами. Таким образом, они способны блокировать любые важные решения и оказывать влияние на своих стратегических партнеров. Сегодня такие крупнейшие экономики мира, как страны БРИКС, не обладают реальными возможностями влиять на принятие ключевых решений в рамках МВФ, поэтому они пошли по пути создания новых международных институтов, например Нового банка развития БРИКС и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Но пока ни по количеству участников, ни по объемам располагаемых средств новые институты не могут сравниться с бреттонвудскими, которые призваны укреплять роль и место США в мире.

Официальная система финансирования. Обычно кредиты бреттонвудских институтов, которые страны получают вслед за выполнением обязательств, в том числе и по либерализации торговли, дополняются кредитами отдельных государств (межправительственные и официально поддержанные экспортные кредиты) и официальным финансированием развития (официальная помощь развитию (ОПР) и гуманитарная помощь) (Федякина, 2016).

Развитию этого механизма поспособствовал послевоенный период 1950-х гг., когда США остались единственным платежеспособным государством, что быстро сделало их монопольным кредитором.

Условия и обязательства, которые налагает страна или организация-донор на страну реципиента, главным образом отображают экономические интересы донора, которые выражаются в открытии рынка реципиента для иностранных товаров и капитала. Так как США занимает лидирующую позицию почти всех многосторонних организаций и являются крупнейшим донором (табл. 1), они также могут иметь определяющий голос в решении о предоставлении финансирования. В этом и кроется ответ на вопрос, почему в настоящее время США могут позволить себе выход из некоторых «бесполезных» международных организаций.

Институт ОПР США один из самых развитых в мире, его элементы присутствуют в более чем десяти национальных департаментах, крупнейшим из которых является Агентство по международному развитию США. На 2019 г. США занимают первое место в мире по объему предоставляемой ОПР. Из 34 млрд долл. США, предоставленных в 2019 г., 89 % было предоставлено на двусторонней основе и 21 % – через многосторонние организации. Такие пропорции объясняются тем, что предоставление двусторонней помощи открывает возможности установления более выгодных с точки зрения нацио-

нального интереса условий. Трудно найти какую-либо страну, которой США не предоставляли когда-либо официальной помощи: по данным портала USAID, получателями явились 205 стран. Существует также небольшая группа стран, получающих официальную зарубежную помощь на протяжении многих лет и в больших количествах, по которой можно судить об основных внешнеполитических приоритетах США. Это Афганистан, Иордания, Йемен, Судан, Эфиопия, Сирия – страны, в которых происходят военные действия. На НРС приходится более 31 % двусторонней ОПР, предоставляемой США.

Таблица 1

**Объемы официальной системы финансирования США
по видам инструментов за 2019 г.**

[Table 1. Volumes of the US official financing system by type of instrument in 2019]

Инструменты финансирования [Financing instrument]	Объем финансирования, млрд долл. [Volume of financing, USD billion]
Официальная помощь развитию [Official development aid]	34
Экспортные кредиты Эксим банка [Export' credits by Exim bank]	5
Двусторонняя гуманитарная помощь [Bilateral humanitarian aid]	8
Официальные кредиты ФРС США иностранным государствам [Official credits by FRS of U.S. to foreign countries]	1,5

Источник: составлено автором по: In Development Co-operation Profiles: United States / OECD. 2020; Официальный сайт EXIM Bank. URL: <https://www.exim.gov/news/reports/annual-reports> (дата обращения: 25.05.2020); Официальный сайт ФРС США. URL: <https://www.federalreserve.gov/data/assetliab/current.htm> (дата обращения: 16.06.2020).

Теоретически в случае эффективности официальной помощи и достижения ее целей, она должна была бы прекратиться. Но страны, получающие деньги от США на протяжении многих лет, уже практически зависимы от помощи и живут иждивенческими настроениями.

Влияние ОПР на реализацию национальных интересов США в сфере экономики в целом положительное. Значительная часть помощи предоставляется в форме связанных грантов на закупку американских товаров и услуг. Это обеспечивает производителям США гарантии сбыта их продукции, поддерживает баланс на американском рынке продовольствия и препятствует дестабилизации цен. Большая часть поставок американских товаров осуществляется логистическими компаниями США, финансовые интересы которых защищены, в том числе на законодательном уровне (Шакиров, 2011).

То же касается и гуманитарной помощи. По классификации ОЭСР, гуманитарная помощь является составной частью ОПР, на 2019 г. ее доля составляет 26 % от двусторонней ОПР США и равна 8 млрд долл. США. К данной цифре нужно относиться с осторожностью, так как она не всегда означает, что на данную сумму были закуплены товары и розданы нуждающимся. Существует несколько схем предоставления гуманитарной помощи⁴, и зачастую использу-

⁴ Официальный сайт официальной помощи развитию в США USAID. URL: <https://www.usaid.gov/food-assistance/what-we-do/emergency-activities/types-emergency> (дата обращения: 25.05.2020).

ется именно та, при которой деньги остаются внутри США. Например, не менее 15 % не экстренной гуманитарной помощи США должны осуществляться посредством схемы in-kind food aid, когда правительство США закупает американские товары и передает их неправительственным организациям, не менее 50 % товаров должны быть отправлены американскими судами в нуждающиеся страны, где продают их по демпинговым ценам. На практике в 2009 г. до 60 % всей не экстренной помощи было оказано именно по этой схеме. Данная схема подверглась критике мировой общественности и в большинстве европейских странах была запрещена, тогда как в США – узаконена и продолжает действовать, но в меньших масштабах (Schnerf, 2016). Среди недавних примеров можно привести гуманитарную помощь в Йемене в 2017 г., где была использована вышеописанная схема. Такие программы не только дают возможность выиграть преференции для американских компаний на территории страны-реципиента, но и обеспечивают сбыт американских товаров, создают рабочие места в США и устраняют конкуренцию на рынке страны-реципиента, ведь национальные фермеры зачастую не в силах конкурировать с американскими товарами.

Еще один инструмент официальной системы финансирования, также обеспечивающий сбыт национальной продукции, это прямые кредиты на закупку экспортных товаров, произведенных в США, которые выдает странам американский Эксим банк. Например, в 2019 г. было выдано 5 млрд долл. США Мозамбику и Сербии.

Нетарифное регулирование. Еще одним механизмом защиты является нетарифное регулирование, роль которого возросла в 1970-х гг. по мере снижения эффективности тарифного регулирования.

В настоящее время индекс покрытия импорта США (стоимостная доля импорта, покрытая нетарифными ограничениями) составляет 77 %. Этот показатель незначительно выше общемирового уровня; для сравнения: аналогичный показатель в ЕС составляет более 90 %⁵.

Одной из последних тенденций является использование скрытых нетарифных барьеров, неподдающихся количественной оценке, которые направлены не столько на ограничение импорта, сколько на стимулирование экспорта (Schnerf, 2016)⁶. По данным организации Global Trade Alert, целью которой является мониторинг мировой политики в области международной торговли товарами, в мире за период 2008–2020 гг. более половины введенных дискриминационных мер касаются субсидирования и мер по стимулированию экспорта, а больше всего их приходится на Китай и США.

Что касается данных по США, самое большое количество введенных дискриминационных мер приходится на 2018 г. и составляет 264 ед., а пик либерализационных мер приходится на 2016 г. и составляет 48 ед. (табл. 2).

⁵ WITS US non-tariff measure summary. URL: <https://wits.worldbank.org/tariff/non-tariff-measures/en/country/USA> (accessed: 25.05.2020).

⁶ В мировой торговле усилились протекционистские настроения / Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/495415> (дата обращения: 25.05.2020); Официальный сайт официальной помощи развитию в США USAID. URL: <https://www.usaid.gov/food-assistance/what-we-do/emergency-activities/types-emergency> (дата обращения: 25.05.2020); WITS US non-tariff measure summary. URL: <https://wits.worldbank.org/tariff/non-tariff-measures/en/country/USA> (accessed: 25.05.2020).

Большинство дискриминационных мер приходится на продукты из железа, стали и других металлов, а упрощающих торговлю – на текстильный сектор.

Таблица 2

Количество мер, касающихся торговой политики, введенных в США за период 2008–2020 гг.
 [Table 2. Number of trade policy measures introduced in the United States, 2008–2020]

Вид мер [Type of measure]	Количество мер, ед. [Number of measure]
Меры по либерализации торговли [Trade facilitation measures]	191
Дискриминационные меры [Restriction measures]	1292

Источник: Официальный сайт Global Trade Alert. URL: https://www.globaltradealert.org/country/222/period-from_19970101/period-to_20200720/flow_import/area_goods (дата обращения: 16.06.2020).

Среди наиболее частых в практике введения США мер дискриминационного характера: 1) меры в рамках правил государственных закупок «Покупай американское», которые благоприятствуют американским поставщикам для государственных закупок с помощью грантов и субсидий и усложняют требования к маркировке; 2) антидемпинговые меры, из которых число действующих в США на июнь 2020 г. составляет 494 ед. – самое большое количество среди стран мира, а также компенсационные в количестве 127 ед.⁷, что составляет более половины действующих компенсационных мер в мире; 3) реклассификация товаров, приводящая к повышению таможенной пошлины за счет изменения кода товара.

В настоящее время разработка нетарифных мер более не является исключительной компетенцией органов государственной власти. Транснациональные корпорации (ТНК) и другие крупные компании стремятся создавать и устанавливать свои собственные стандарты, которые используются в качестве одного из основных инструментов экономической конкуренции. В частности, стандарты включают в себя четко определенные требования к продукту, которые должны быть выполнены и соблюдены. А производители, не соблюдающие требования, исключаются из конкурса. Необходимо отметить, что стандарты компаний могут быть преобразованы в нетарифные меры на национальном, региональном или даже международном уровне. И именно США принадлежит наибольшее количество ТНК в мире в настоящее время (Юпова, 2016).

Участие в интеграционных блоках. Коллективное использование тарифного и нетарифного регулирования для повышения его эффективности – экономическая интеграция – следующий механизм торговой политики, активное развитие которого пришлось на 1990-е гг. На современном этапе развития мирового хозяйства интеграцию можно расценивать с двух позиций – коллективного протекционизма, с одной стороны, и упрощения международной торговли, с другой.

В настоящее время США являются участником 14 региональных торговых соглашений:

⁷ Официальный сайт I-Tip WTO. URL: <http://i-tip.wto.org/goods/Forms/MemberView.aspx?mode=modify&action=search> (дата обращения: 25.05.2020).

– ЦАФТА-ДР (Центральноамериканская зона свободной торговли, 2006) – ЗСТ между Доминиканской Республикой, США и странами – членами ЦАОР (Коста-Рика, Эль-Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа);
 – НАФТА (USMCA, 1994) – ЗСТ между Канадой, Мексикой и США;
 – двусторонние ЗСТ между США и Республикой Корея (2012), Австралией (2005), Бахрейном (2006), Чили (2004), Колумбией (2012), Израилем (1985), Иорданией (2001), Марокко (2006), Оманом (2009), Панамой (2012), Перу (2009), Сингапуром (2004).

Можно разделить интеграционные процессы в США на два периода. Первый – 1994–2004 гг., когда заключались однотипные соглашения по образцу и подобию НАФТА. Характерными чертами в выборе партнеров по состоянию на время ведения переговоров можно назвать следующие: относительная значимость в торговле с этими странами для США не велика; в большинстве случаев у США активное сальдо торгового баланса с этими странами либо торговля сбалансирована – это означает, что США отдает предпочтение в интеграции своим рынкам сбыта; в случае стран Латинской Америки роль играет географическое соседство; не маловажный фактор и в политическом влиянии и военном сотрудничестве. Таким образом, в этот период США накапливали опыт в интеграции на «слабых» партнерах, чтобы затем приступить на втором этапе (2004–2012 гг.) к развитым, таким как Австралия, Сингапур, Бахрейн, Корея (Шеров-Игнатъев, 2004).

Также можно разделить интеграционные интересы США по региональному аспекту. Несмотря на интересы США в АТР до сих пор подписано соглашение лишь с двумя странами – Сингапуром и Республикой Кореей. В 2000-х гг. велись переговоры о подписании ССТ с Таиландом и Филиппинами, но нужно учитывать, что интеграция со странами-сельхозпроизводителями означала бы ослабление аграрного протекционизма. В этом отношении ЗСТ с Сингапуром стала успешной, так как на момент интеграции эта страна была одним из ключевых партнеров США в АТР со значительными потоками инвестиций, превалированием американского экспорта над импортом и отсутствием аграрного лобби. Второе направление – ближневосточное – имеет скорее политические причины интеграции, нежели экономические. Однозначно страны выигрывают от заключенных ЗСТ с США, их экспорт возрос, но особых экономических выгод для США не наблюдалось. Нестабильность в регионе, следование принципу «мир через торговлю», а возможно, и предотвращение интеграции нефтеносных стран посредством установления своего влияния – вот основные причины интереса США к Ближнему Востоку (Ашвад, 2008).

Также велись переговоры о подписании Транстихоокеанского партнерства между США и Европой, однако с приходом президента Трампа они были отменены.

Посредством создания межконтинентальных торговых партнерств США пытались сохранить свой политический и экономический вес в мире и не допустить глобального распространения институтов и систем ценностей, исходящих от конкурирующих торгово-экономических блоков. Но по словам Трампа, Транстихоокеанское партнерство представляет собой потенциальную катастрофу для США. В своей политике он придерживается заключения дву-

сторонних торговых соглашений, которые должны прийти на смену ТТП и позволят вернуть промышленность и рабочие места в Америку (Философова, 2017). То есть основой интеграции США становится упор на двусторонние соглашения, когда с каждым торговым партнером можно договориться именно о тех условиях, которые соответствуют интересам США в этой стране.

Торговые войны. Когда экономики пострадавших во Второй мировой войне стран восстановились и у американских товаров появилась конкуренция на рынке, приобрел актуальность следующий вид торговой политики – торговая война, которая по сути является применением тарифного и нетарифного регулирования в дискриминационных целях против конкретных товаров из определенных стран и с целью получения экономической выгоды. Первую в мире серьезную торговую войну начали США против Японии в 1981 г. касательно японских автомобилей и полупроводников. С тех пор США вели шесть явных торговых войн и некоторое количество скрытых (не упомянутых в официальных источниках), в том числе и со своими ключевыми торговыми партнерами, такими как Европейский союз и Канада. В последствии была создана ВТО в качестве арбитра по торговым спорам. С тех пор США обращались с торговым спором в качестве истца по отношению к 31 стране (одно из самых больших значений среди членов ВТО), а больше всего к ЕС (20 споров) и Китаю (23). Против США были предъявлены споры от 28 стран, среди которых больше всего от ЕС (35), Канады и Китая⁸.

При этом США не перестают напоминать общественности о своей исключительной значимости для функционирования ВТО, заявляя о том, что в случае несоответствия национальным интересам выдвинутых решений по торговым спорам Америка готова нарушать правила организации, инициатором по созданию которой она некогда стала и до сих пор остается ведущей страной по ее финансированию. Торговый спор в рамках ВТО – процесс длительный, порой растягивающийся на десятилетия, так что в эффективности организации в этой сфере можно усомниться. Например, торговый спор, где в роли обвинителя выступили США против китайского алюминия, был направлен в ВТО еще 12 января 2017 г. и с тех пор находится на стадии консультаций. А тем временем страны развязали торговую войну: вводят ответные ограничительные меры и обмениваются торговыми спорами (за период 2018–2020 гг. от Китая поступило шесть обвинений против США, а от США против Китая – два). Годы бездействия, проведенные в ожидании решений ВТО, определенно не соответствуют национальным интересам как США, так и Китая.

В настоящее время целями ведения торговых войн США можно определить экономические (сокращение нежелательного импорта, поддержка национального производителя) и политические мотивы (укрепление электоральных позиций, демонстрация пренебрежения к ВТО), которые вполне взаимосвязаны. Например, укрепление электоральных позиций в случае торговой войны США и Китая 2019 г. должно происходить за счет сокращения импорта промышленных товаров из Китая и развития обрабатывающей промыш-

⁸ Официальный сайт Всемирной торговой организации. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_by_country_e.htm (дата обращения: 25.05.2020).

ленности США, а следовательно, создания рабочих мест. Именно сокращение рабочих мест в обрабатывающем секторе стало одним из негативных последствий деиндустриализации в США. Со временем уровень конкурентоспособности китайских фирм, оплата труда и стандарты начали повышаться, как и цена импорта, за счет которой уже невозможно компенсировать вышеупомянутые негативные последствия (Луцкая, 2018). Кроме того, торговая война против Китая преследует и такую глобальную цель, как сохранение технологического лидерства.

К новому инструменту ведения торговых войн можно отнести экономические санкции.

Экономические санкции. История санкций берет свое начало несколько столетий назад, однако санкции, как альтернатива военным действиям, появились в XX веке и имели самостоятельный политический характер. В США такие меры были узаконены еще в 1917 г. в рамках закона о торговле с враждебными государствами. Современные экономические (торговые и финансовые) санкции все более приобретают свойство инструмента ведения торговых войн, имеющего политический аспект, с целью максимизации экономической выгоды, а странами-инициаторами, как правило, являются лидеры мировой экономики и политики⁹. Такие санкции обладают следующими свойствами: вводятся во время торговой войны в отношении страны, с которой ведется торговая война (такие страны чаще всего являются торговыми партнерами, иначе не было бы предмета спора), и преследуют цель выигрыша в торговой войне посредством влияния на торговую политику государства, в отношении которого (как граждан и компаний, так и страны в целом) были введены санкции.

Среди санкций США, прямо касающихся внешней торговли, согласно данным РСМД, можно выделить запреты и ограничения на торговлю товарами и услугами, запреты на проведение сделок, осуществление инвестиций, экспорт технологий. Важно отметить, что санкции в виде запретов и ограничений на торговлю преследуют геополитические цели, в отличие от аналогичных мер в рамках нетарифного регулирования, которые имеют внутренние цели поддержки национальных отраслей и защиты здоровья граждан. Среди стран, на которые распространяются один или несколько перечисленных видов экономических санкций США: Ливия, Мьянма, Судан, Иран, Ирак, Сирия, Куба. Однако данные санкции скорее носят политический характер, ведь США не ведут торговых войн с этими странами, в том числе они не носят характер торговых партнеров. Что касается санкций США против российского Северного потока, то это яркий пример недобросовестной конкуренции и скрытой торговой войны между российским и дорогостоящим американским сжиженным газом за европейский рынок.

Другим явным примером использования санкций как инструмента торговой войны является антикитайские санкции США против ключевой высоко-

⁹ Тимофеев И. Экономические санкции как политическое понятие // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskie-sanktsii-kak-politicheskoe-ponyatie/> (дата обращения: 25.05.2020).

технологической компании Китая Huawei в 2019 г., ведь, как упоминалось ранее, одной из целей нынешней торговой войны США с Китаем является технологическое лидерство.

Заключение

Современный этап развития мирового хозяйства характеризуется переходом от однополярного к многополярному мировому устройству. Смена парадигмы развития, появление у главной мировой экономической державы конкурентов коренным образом меняют внешнеэкономическую политику США, в том числе и внешнеторговую. Либерализация торговли, которая не одно десятилетие была главной целью ведущей мировой державы и продвигалась ею через ВТО, уступила место так называемому неопротекционизму.

Неопротекционизм во внешнеторговой политике США характеризуется постепенным снижением тарифных барьеров на товары и появлением новых методов нетарифного регулирования. В этой сфере США является генератором новых инициатив и механизмов защиты национальных интересов. Анализ механизмов внешнеторговой политики выявил взаимосвязи, представленные на рисунке.

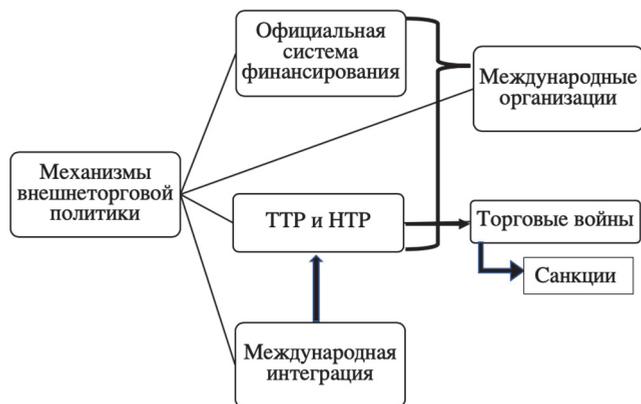

Рис. Система механизмов внешнеторговой политики
[Figure. System of mechanisms of foreign trade policy]

Источник: составлено авторами.

Так, центральными в этой системе являются традиционные механизмы торговой политики – таможенно-тарифное и пришедшее ему на смену по актуальности и эффективности нетарифное регулирование. Такой смене формата торгового регулирования поспособствовало создание и деятельность международных организаций – следующего механизма торговой политики, имеющего множество видов и соответствующих функций, как по регулированию торговли, так и по международному финансированию. Так появляется следующий механизм защиты национальных интересов – официальная система финансирования, которая имеет свою сложную структуру и инструменты, прямо влияющие на международную торговлю товарами. Со временем появляется новый механизм в виде международной интеграции, имеющий сво-

ей основой коллективное регулирование торговли, используя преимущества ТТР и НТР на основе конкурентных преимуществ и совместных национальных экономических интересов. Все четыре механизма имеют своей целью получение экономической выгоды, совпадают и функционируют в рамках концепции национального интереса. Относительно новой тенденцией стало ведение торговых войн и в их рамках введение санкций. Это скорее инструменты нечестной конкуренции, зачастую имеющие политический аспект, но в их основе также лежит старейший и центральный механизм – ТТР и НТР.

Список литературы

- Андропова И.В.* Международный валютный фонд: вчера, сегодня, завтра // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2007. Т. 2. № 6. С. 34–53.
- Ашвад А.* Ближний Восток в стратегии США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2008. № 1. С. 74–82.
- Бабурина О.Н.* Национальные интересы США в организации мирового экономического порядка // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 5. С. 56–64.
- Болонина И.А.* Международный кредит // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2007. Т. 2. № 28. С. 494–525.
- Кукушкина Ю.М.* Новый регионализм в современной мировой торговле: значение феномена «ВТО плюс» для Российской внешнеэкономической политики // Вестник университета. 2014. № 9. С. 121–129.
- Кухто А.А., Зайченко И.М.* Мировая торговая война и ее макроэкономические последствия // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 2. С. 29–33.
- Лукьянович Н.В., Прокофьев И.В.* Национальные интересы России в условиях глобальной политической и экономической нестабильности // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 5 (32). С. 45–68.
- Луцкая Е.Е.* Современная глобальная экономика: риск торговых войн // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. 2018. № 4. С. 35–40.
- Минкова К.В.* Роль США в формировании международного торгового порядка и создании международной торговой организации (1943–1950 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2006. № 4. С. 139–146.
- Мытарева Е.А.* «Торговая война» как средство нетарифного регулирования международной торговли // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1. С. 74–77.
- Оболенский В.П.* Либерализация и протекционизм в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 3. С. 3–18.
- Пак Санг-Чул.* Протекционизм США и нарушение торгового баланса между США и странами Северо-Восточной Азии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. № 2. С. 86–114. doi: 10.17323/1996-7845-2018-02-05.
- Сидоров А.А.* Закон о торговых соглашениях на основе взаимности и изменение курса торговой политики США в 1930-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2017. № 4. С. 75–96.
- Спартак А.Н.* Развитие и международно-правовое регулирование процессов региональной экономической интеграции: новые тенденции и явления в начале XXI века // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 6. С. 52–56.
- Трошкина Т.Н.* Практика нетарифного регулирования в США: развитие организационно-правовых основ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 3. С. 89–100.

- Федякина Л.Н. Международные экономические отношения: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 461 с.
- Философова Т.Г. Транстихоокеанское партнерство: экономика интеграционных процессов // Мир новой экономики. 2017. № 1. С. 46–54.
- Чувахина Л.Г. Международный валютный фонд как инструмент политики США // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 4–1. С. 281–289.
- Шакиров А.Р. Проблемы эффективности официальной зарубежной помощи США // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2011. № 4. С. 100–109.
- Шеров-Игнатъев В.Г. Новые соглашения о свободной торговле с участием США // Современное состояние и перспективы развития международной торговой системы: материалы Международной научно-практической конференции. 2004. С. 168–171.
- Ionova A. The Risks of Transformation of Companies' Standards to Non-Tariff Measures // Trade Policy. 2016. No. 4 (8). Pp. 94–109.
- Schnepf R. U.S. International Food Aid Programs: Background and Issues. 2016.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26 июля 2020 г.

Дата проверки: 15 августа 2020 г.

Дата принятия к печати: 20 августа 2020 г.

Для цитирования:

Федякина Л.Н., Тинькова А.А. Внешнеторговая политика США как инструмент защиты национальных интересов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 842–857. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-842-857>

Сведения об авторах:

Федякина Лора Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений экономического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: fedyakina-ln@rudn.ru

Тинькова Арина Александровна, магистрант кафедры международных экономических отношений экономического факультета Российского университета дружбы народов. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8822-1945>. E-mail: tinkova-aa@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-842-857

Research article

US foreign trade policy as a tool for protecting national interests

Lora N. Fedyakina, Arina A. Tinkova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. National economic interests are changing in terms of high competition in the world economy, and its global player's foreign trade policy direction is correlated with the protectionist sentiments of the United States. The purpose of the study is to identify and

analyze the evolution, correlation and new trends in the mechanisms of US trade policy. As a result of the analysis of four mechanisms (international organizations, the official financing system, international integration, tariff and non-tariff regulation, as well as their variations in the form of trade wars and sanctions within the framework of a trade war instrument), authors describe the theoretical, evolutionary and practical aspects of protecting national interests and their impact on the world economy. The author's opinion on the place and role of sanctions in the system of trade policy mechanisms is presented, the sanction's economic aspect in the framework of trade wars is highlighted.

Keywords: foreign trade policy, international organizations, economic integration, trade regulation, national interests

References

- Andronova, I.V. (2007). IMF: Tomorrow, today and yesterday. *International Organisations Research Journal*, 2(6), 34–53. (In Russ.)
- Ashvad, A. (2008). The Middle East in American strategy. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Sciences*, (1), 74–82. (In Russ.)
- Baburina, O.N. (2012). US national interests in organizing the world economic order. *National Interests: Priorities and Security*, (5), 56–64. (In Russ.)
- Bolonina, I.A. (2007). International loan. *Scientific Letters of Russian Customs Academy the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*, 2(28), 494–525. (In Russ.)
- Chuvahina, L.G. (2014). The international monetary fund as an instrument of the USA policy. *Izvestiya Tula State University*, (4–1), 281–289. (In Russ.)
- Fedyakina, L.N. (2015). *Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya [International economic relations]: Textbook i internship for academic baccalaureate*. Moscow, Yurajt Publ. (In Russ.)
- Filosofova, T.G. (2017). Trans-pacific partnership: Integration economics. *The world of new economy*, (1), 46–54. (In Russ.)
- Ionova, A. (2016). The Risks of Transformation of Companies' Standards to Non-Tariff Measures. *Trade Policy*, 4(8), 94–109.
- Kuhto, A.A., & Zajchenko, I.M. (2019). World trade war and its macroeconomic consequences. *Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*, (2), 29–33. (In Russ.)
- Kukushkina, Yu.M. (2014). New regionalism in modern international trade: Implication of "WTO plus" for Russian external economic policy. *University Bulletin*, (9), 121–129. (In Russ.)
- Luckaya, E.E. (2018). The modern global economy: The risk of trade wars. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 2: Economics. Abstract journal*, (4), 35–40. (In Russ.)
- Lukyanovich, N.V., & Prokofev, I.V. (2015). Russia's national interests amidst global political and economic instability. *Problems of National Strategy*, 5(32), 45–68. (In Russ.)
- Minkova, K.V. (2006). USA's role in forming the world trade order and creating international trade organization (1943–1950). *Vestnik SPbSU. Political Science. International Relations*, (4), 139–146. (In Russ.)
- Mytareva, E.A. (2010). "Trade war" as a means of non-tariff regulation of international trade. *Bulletin of Kemerovo State University*, (1), 74–77. (In Russ.)
- Obolenskij, V.P. (2013). Liberalization and protectionism in international trade. *Russian Foreign Economic Journal*, (3), 3–18. (In Russ.)
- Sang-Chul, Park. (2018). U.S. Protectionism and Trade Imbalance between the U.S. and Northeast Asian Countries. *International Organisations Research Journal*, 13(2), 86–114. (In Russ.) doi: 10.17323/1996-7845-2018-02-05.
- Schnepf, R. (2016). *U.S. International Food Aid Programs: Background and Issues*.
- Shakirov, A.R. (2011). The issues of efficiency of official foreign assistance in the USA. *ETAP: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*, (4), 100–109. (In Russ.)

- Sherov-Ignatev, V.G. (2004). New Free Trade Agreements with the United States. *Present condition and prospects of international trade system development: Materials of the International scientific and practical conference* (pp. 168–171). (In Russ.)
- Sidorov, A.A. (2017). Reciprocal trade agreements act and changing the course of US trade policy in the 1930s. *Bulletin of the Moscow State University. Series 8: History*, (4), 75–96. (In Russ.)
- Spartak, A.N. (2010). Razvitie i mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie processov regional'noj ekonomicheskoy integracii: novye tendencii i yavleniya v nachale XXI veka. *Russian Foreign Economic Journal*, (6), 52–56. (In Russ.)
- Troshkina, T.N. (2009). The practice of non-tariff barriers in the USA: The development of legal and organizational foundations. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, (3), 89–100. (In Russ.)

Article history:

Received: 26 July 2020

Revised: 15 August 2020

Accepted: 20 August 2020

For citation:

Fedyakina, L.N., & Tinkova, A.A. (2020). US foreign trade policy as a tool for protecting national interests. *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 842–857. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-842-857>

Bio notes:

Lora N. Fedyakina, Doctor of Science (in Economics), Professor of the International Economic Relations Department of the Faculty of Economics of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: fedyakina-ln@rudn.ru

Arina A. Tinkova, master of the International Economic Relations Department of the Faculty of Economics of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8822-1945>. E-mail: tinkova-aa@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-858-865

Book review

Review of the monograph:
Barai, M.K. (Ed.). (2020).
***Bangladesh's Economic and Social Progress:
From a Basket Case to a Development Model.***
London, Palgrave Macmillan (Springer Nature Singapore)

Badar Alam Iqbal

University of South Africa
Preller Street, Muckleneuk Ridge, Pretoria, Republic of South Africa
Monarch Business School
1 Flurstrasse, Zug, CH-6332, Swiss Confederation

Abstract. The monograph under review is devoted to a multilateral analysis of the Bangladesh economy and the prospects for its development in the modern world. The book provides an in-depth analysis of the financial and industrial sectors of the economy, industrial policy, the prospects for an innovative economy in Bangladesh.

Keywords: Bangladesh, sustainable development, economic growth, new technologies, development scenarios

Introduction

The book is a comprehensive yet crisp analysis of the trajectory the Bangladesh economy has navigated since its formation. The author has assigned the title “From a Basket Case to a Development Model” to the economic and social progress that the economy has made across the timeline and rightfully so. The book is organised into six parts. The first part introduces the reader to the economic and social accomplishments of Bangladesh in latest years. In doing so, the author makes quick reference of key statistics of the Bangladesh economy. For instance, the chapter begins with stating Bangladesh’s momentum in moving “16 notches up” in becoming the 26th largest economy in the world in the future from the present status of 42nd largest. This stride is an amalgamation of the progress Bangladesh has portrayed on various social and economic indicators. The strides made in literacy, health, poverty rates and economic growth has made an appearance right at the start of the chapter. The chapter tries to bring out the story of the development of Bangladesh economy since its independence in 1971. The turn about made in the economic and social parameters of Bangladesh is something that has puzzled pundits and analysts. From being termed a “poster child for Malthusia” to becoming the largest economy in the LDC category, Bangladesh has

© Iqbal B.A., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

come a long way in its economic and social story. In 1971 when Bangladesh got independence, it had all the classic characteristics of a developing country viz. illiteracy, high poverty rates, high birth and death rates, lack of good hygiene and sanitation problems, financial problems, etc. to name a few. The journey of Bangladesh economy from this lowest rung to the pedestal is what both amazes and surprises pundits and analysts.

Apart from statistical reflections right at the outset of the chapter, the first chapter serves to achieve multiple objectives. After a brief sketch of the progress in economic and social indicators of Bangladesh, the discussion moves on to a set of competitive theories of development from different time periods of the history. This gives a depth to the theoretical setting of the entire book. Also, the author attempts to give some prospective theories on which Bangladesh's development path could have been based. The discussion of various competing theories aids in placing Bangladesh's trajectory into one or another theoretical framework. It also helps in telling if Bangladesh has navigated a development path totally different from those suggested by pre-existing development theories. The book treads on various aspects of the Bangladesh economy. Within the six parts of the book is a coming together of various facets of life in the Bangladesh economy. The first part brings out the development model of the Bangladesh economy. The second part designs the moulds in which the Bangladesh economy thrives. For instance, the second part of the book visits the features of the Bangladesh economy which garners the country's development a unique look. The second part rejoices in the interspersed nature of economic and social development of Bangladesh economy. The third part of the book keeps the door ajar for the reader to have a look on the financial sector of the Bangladesh economy. This is done by substantial evidence in the chapters on the porous nature of finance in the Bangladesh economy. The seating of remittances in the overall development of Bangladesh economy makes the third part of the book particularly gripping. Other developing countries of the sub-continent could draw lessons from the Bangladesh economy on wheeling remittances in development works and programs. The fourth part of the book publishes detailed role of different economic sectors in the development trajectory of the Bangladesh economy. The garment industry of Bangladesh has drawn global fame over the years. Its role in establishing Bangladesh as a manufacturing hub of South-Asia is emphasised at length. The fourth part of the book gives substance on the rural economy as well apart from the vital role of garment manufacturing in the development boom of Bangladesh. A futuristic glance on the engineering sector becomes an engaging chapter of the fourth part of the book. The fifth part of the book manoeuvres the play of government and civil society especially NGOs in building the path of development Bangladesh now waltzes on. The important role of NGOs in development of Bangladesh has been portrayed since the country achieved liberation in 1971. Then onwards, the activities and operations of NGOs have largely diversified and have intensified from mere rehabilitation to those assisting in economic, social and political development as well. It is this transition in the NGOs activities which is discussed extensively in this part of the book. Beyond acknowledging NGOs part in the development of Bangladesh, there follows a deep look in the "form" the NGO sector adds to the development in Bangladesh. A special role of NGOs in the Rohingya crisis of 2017 builds the vocal chords of this part of the book. This part of the book provides answers to the puzzled and

perplexed pundits in the light of the government binding approaches. The sixth part of the book concludes the discussion along with the challenges to the present development trajectory. While Bangladesh relishes on a robust economic growth paralleled with a strong social sector, the delicate governance structure and infrastructural deficit of the Bangladesh economy could jeopardize the hope of a sustainable development path in Bangladesh. Also, the income divide and human capital deprivation also risks losing the strong gait the Bangladesh economy has witnessed over the decades. From the challenges, the way forward needs to be chalked out where both physical, geographical, and economic factors should be given proper mileage and attention.

Purpose

The purpose of the book is three-fold. The first purpose is to bring out the factors at the back of the stupendous development performance the economy of Bangladesh has portrayed over the decades. It is to show the onlookers as well as the commentators that this development is not taken place in a “void” in the words of the author. Both the internal and external factors at the heart of the development path treaded by Bangladesh are deciphered in detail organised into several chapters and told through a variety of voices. The second purpose of the book is to make the development case of Bangladesh an anchor for the rest of the world especially the other developing or less developed economies. Bangladesh, by its developmental progress, can now act as an anchor to the development strategy of other economies of the third world grappling with the same problems that Bangladesh was once severely clasped in. Though challenges remain for making this development tract a sustainable one, other less developed countries could still draw lessons from the overturn Bangladesh made in its despicable economic and social environs. The third purpose of this endeavour is to provide the academicians across the world a chance to grasp for themselves the successful venture of Bangladesh from a basket case to a development model. This book offers all the stories of Bangladesh’s success at one place through a macro lens. Earlier, to see the Bangladesh economic development, academics were required to scramble from crumbs or little pieces of evidence here and there. This book has done the task of connecting the dots to give a complete picture of development in Bangladesh. The book intends to broadcast the development strides Bangladesh has made to a larger audience which in turn could give development economics a new vibrancy. One of the catching purposes of the book is to make the development case of Bangladesh reach far and wide and serve as a beacon of hope for development economics elsewhere. Through its academic purposes, the book could sensitize the developmental problems in the way of less developed economies.

By intending to fulfil the multiple purposes from this endeavour, the book beckons new avenues of opportunities for the challenges on the face of the developing and less developed countries. The macro snapshot of the Bangladesh economy channels a new thought process for difficulties and bottlenecks in sustainable development.

Issues covered

The book offers an elaborate coverage of multifarious issues. From a macro vantage point, the book encapsulates wide ranging issues. The unfolding of the economic as well as social sector of the Bangladesh economy over the years is well

taken care of. All of the issues relevant in the present day stature of Bangladesh economy find space in the book. These issues are both related to both production and distribution. The social sector of the country stands apart from those witnessed in its counterpart economies. Thus, the social sector issues and peculiarities are discussed at length over the length and breadth of the book. The following listicle provides the issues that the book envisages to open on.

Poverty and inequality. The book addresses the issue of poverty and inequality for the Bangladesh economy. It is done so in the second chapter. The chapter gives a special reference to the evident scenario in the Bangladesh economy. While poverty incident rates have declined surprisingly well within the time range of 1991–2010, income inequality has climbed up. The rise in income inequality is apparent in the Gini coefficient rising markedly within the period 2010–2016. This predicament is seen to be in line with the ‘miracle’ witnessed by East Asian economies. Both poverty and income inequality patterns seem to replicate the exact gait it assumed in the case of East Asian economies. This pattern of poverty reduction yet revving income inequality and how it characterizes Bangladesh’s 7 percent growth trajectory is what is arduously considered.

Climate change resilient economic growth. Climate change is a common enemy when it comes to all the countries of the global economy. It spares none. It doesn’t tell the developed from the developing country. While Bangladesh has been able to be consistent in its 7 percent growth trajectory, the climatic risks are bringing risks to all the progress made so far. At the cusp of devastation from extreme climatic events is not only the lives of millions but also their livelihoods. The rampant climatic events like cyclones in the Bay of Bengal have far reaching consequences for agriculture and food security in the Bangladesh economy. The book brings out the ramifications of climate change in the third chapter. The devastating impact of climate change on water availability and access is something of a great concern for the South Asian countries. The access to clean drinking water stands to be hampered if extreme climatic events become more rampant and uncontrollable as projected by the IPCC. The issue of rising greenhouse gas emissions is also taken up. With global warming hitting a higher note, the outbreak of diseases like Malaria, Dengue, skin problems, etc. is likely to aggravate in Bangladesh. The wide-ranging consequences of climate change are dealt with precision and care. The need for a climate change insulated economic growth path is identified through these pressing issues the book covers. This path is identified to be of the sort of a green growth where “equity and justice” are ensured and a conscious effort is paid to minimising environmental degradation from all the economic and industrial activity amassing the economic growth.

Education and health sectors. The book delivers substantially on the progress made in social sector of Bangladesh of which education and health sectors are well noticeable. In pursuing the education sector, the book contradicts the understanding of development economists about the payback of education to the society. A considerable emphasis is given on the role of educational attainment in the progress and good performance of the health sector. The issue is taken up and explored extensively. The vitality of education is approached such that it is perceived that education induces a kind of human development that enables

the achievement of other “entitlement” such as health. Going past the conventional wisdom of development economists in relation to education and health sectors, the book situates the triumvirate of education, health and life expectancy into a model that best explains the trio’s role in creating the type of “social capital” that assures the development path to be sustainable.

Financial sector. The book covers the entire working and role of financial sector of Bangladesh which over the years has evolved immensely. Though the influential role that the financial sector plays in the growth trajectory of a country is a lot focused upon by earlier efforts, the book stands out in bringing the exemplary evidence specific to Bangladesh economy. The book speaks on the overall structure of the financial sector in the Bangladesh economy. A complete picture of financial sector in Bangladesh gives due recognition to both banking as well non-banking financial institutions. The story of evolution of the banking and non-banking sector of Bangladesh since its independence is precisely given. Also, the financial bond and equity markets are given due mileage in the take-off of Bangladesh’s financial sector. The structural and policy regulations that have re-organized the financial sector from its independence form is widely discussed. Finally, the book provides empirical guidance in the matter by estimating the role of financial sector in economic growth of Bangladesh from 1974 to 2017.

Financial inclusion. The book covers financial inclusion in the Bangladesh economy in the second part. The role of financial inclusion in providing a sustainable trajectory to the economic growth is undeniable. The Bangladesh’s contours of financial inclusion are clearly defined and explained and it is along these lines that empirical evidence is furnished. The book covers the empirical scrutiny for financial inclusion in Bangladesh and its impact on economic development for a time frame of 2004–2017. This effort gives the book quite an interesting angle as Bangladesh appears to be the only country in the entire South Asian region to be mooted the formalization of financial inclusion.

Foreign remittances. The book, in its third part makes an important contribution to the development related impacts of migration from the remittances it generates. The case of Bangladesh has been quite elemental in altering the global composition of migration. The increasing international migration of Bangladesh’s semi-skilled and unskilled workers since 2000s has generated herculean amounts of foreign remittances. Most of this international migration is to the Middle East and also within Asia. Certain economic events have created this spur in international migration which in turn has catapulted the structure of foreign remittances. The book covers the change in composition of remittances over the years as globalisation pounded the world economy. The developmental impacts of the surge in remittances is also covered in the book. Impact assessment methodology lends evidence into the critical role of remittances in the Bangladesh economy.

The primary and industrial sector. The book in its fourth part encompass a comprehensive account of the particular activities in the primary as well as the industrial sectors of Bangladesh economy that add extravagantly to the overall development path of the country. The role of agricultural sector in the developmental progress of Bangladesh is taken into account. Through data on male and

female employed in agriculture and also the land holdings, the book deciphers that although the population living on agricultural activities has declined, there still is a rise in production of livestock, food and crop. Empirical testing gives further impetus to the discussion on the rural economy and the transition to an industrial or service-based economy. Within the industrial sector, an important mention is of the ready-made garments industry and also light engineering goods industry. The book, in the fourth part gives weightage to these two industries in charting the growth trajectory of Bangladesh. While the growth and importance of the ready-made garments industry is well celebrated as a driver of growth in Bangladesh, the same emphasis is not given on the light engineering sector which is an important substituting industry. The prospects of the light engineering sector are promising and the book gives the details for the same.

The coverage of the book is not limited to a specific sector or issue and it steps up to encompass all the economic and social dimensions of the Bangladesh economy. By reflecting on sector specific needs and challenges, the book makes a huge contribution to the available literature on Bangladesh economy. The book can serve policy makers as well academicians all over the globe in taking cue from the development experience of Bangladesh.

Strengths

The book deliberates effort on various challenges and obstacles on the way ahead for Bangladesh economy. The book emerges quite diversified in the topics and issues it deals with. Apart from the theoretical understanding, each and every issue is dealt with facts and figures. The evidence on the issues is coupled with empirical findings. This lends an authenticity and accuracy to the issues the book speaks on. The availability of meaningful data on each issue that the book encompasses gives the reader an easy and quick grasp over the issues. The intricacies of the Bangladesh economy are presented in a very pleasant manner. Wherever necessary, a prompt comparison is drawn with the neighbouring South Asian economies like India which provides an anchor to readers motivated in having an insight on comparative analysis of development paths in both the countries. At certain point, there is a relative drawn with the neighbouring state of West Bengal too. The navigation between chapters is quite easy and follows a smooth tread. The introductory chapter sets an excellent precedent for the rest of the chapters to follow. The chapters run in the exact fashion things have turned up in the introductory chapter. The introduction of the book is both a quick snapshot as well as an elaborate description of the doings of Bangladesh economy in its economic, social and political sphere. The developmental context of the trajectory observed by Bangladesh is placed in respect with certain popularised development theories. By giving a brief overview of the earlier development theories, the introductory chapter gives the reader an effortless hold over the eminent theories and also gives the reader the freedom to think the development path of Bangladesh from different perspectives in the light of existing theories. By the end of the book, the organisation of the book hands the audience a firm grip over the functioning of the various sectors of Bangladesh economy and an explanation to the development miracle that so puzzles the analysts and commentators.

Weaknesses and limitations

The book cleverly digs up the issues that have fashioned the development path over the years from the year Bangladesh achieved independence. However, two issues that were largely overlooked in all of the discussion are that of disability and labour rights. There must be a proper mechanism to enforce labour rights in Bangladesh. For this purpose, academics should come forward and recommend policy interventions. The disable population in Bangladesh should also be taken into the ambit when issues like food security, hunger, malnutrition, health and education are considered. These issues need a mention in the overall picture of Bangladesh economy. Without this, the picture appears incomplete. While the achievement of economic growth that is resilient to climatic shocks is discussed with much labour, there must also be emphasis on reducing GHG emissions.

Conclusion: lesson to other countries

There are a variety of lessons that other developing and least developed countries could draw from Bangladesh's example. Despite overwhelming population and decrepit social conditions in the beginning of its journey, Bangladesh has reached a pedestal and this could invigorate interest in other countries of the similar order to take cue from the working of Government, NGOs, institutions and people for the betterment of the country. India could learn to expand its export competitiveness from Bangladesh. The strides in export have leveraged Bangladesh to increase its economic growth. India should improve on its manufacturing as well as export competitiveness from taking cue from Bangladesh. The female labour force participation rate is impressive in Bangladesh. This ensures gender equality in the country. This must act as a lesson for other countries to work up their labour force participation rates especially for women. The micro-finance institutions and self-help groups have steered the transition of Bangladesh to a success story. Other countries should propel these networks and increasing their reach to the deprived regions. Better finance and credit conditions would certainly provide an impetus to development levels of other South Asian economies as well.

References

Barai, M.K. (Ed.) (2020). *Bangladesh's Economic and Social Progress: From a Basket Case to a Development Model*. London, Palgrave Macmillan (Springer Nature Singapore).

Article history:

Received: 20 June 2020

Accepted: 31 August 2020

For citation:

Iqbal, B.A. (2020). Review of the monograph: Barai, M.K. (Ed.). (2020). *Bangladesh's Economic and Social Progress: From a Basket Case to a Development Model*. London, Palgrave Macmillan (Springer Nature Singapore). *RUDN Journal of Economics*, 28(4), 858–865. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-858-865>

Bio note:

Badar Alam Iqbal, Professor Extraordinaries of the College of Graduate Studies of the University of South Africa; Adjunct Professor of the Faculty of Economics and Finance of the Monarch Business School. E-mail: badar.iqbal@fulbrightmail.org; dr.iqbal@monarch-university.ch

DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-4-858-865

Рецензия

Рецензия на монографию:

**Bangladesh's economic and social progress:
from a basket case to a development model /
ed. by M.K. Barai. London: Palgrave Macmillan
(Springer Nature Singapore), 2020. 463 p.**

Б.А. Икбал

Университет Южной Африки

Южно-Африканская Республика, Претория, Muckleneuk Ridge, Preller Street

Бизнес-школа «Монарх»

Швейцарская Конфедерация, CH-6332, Цуг, Флуритрассе, 1

Аннотация. Рецензируемая монография посвящена многостороннему анализу экономики Бангладеш и перспективам ее развития в современном мире. В книге дается углубленный анализ финансового и промышленного секторов экономики, промышленной политики, перспектив инновационной экономики Бангладеш.

Ключевые слова: Бангладеш, устойчивое развитие, экономический рост, новые технологии, сценарии развития

История статьи:

Дата поступления: 20 июня 2020 г.

Дата принятия к печати: 31 августа 2020 г.

Для цитирования:

Iqbal B.A. Review of the monograph: Barai, M.K. (Ed.). (2020). Bangladesh's Economic and Social Progress: From a Basket Case to a Development Model. London, Palgrave Macmillan (Springer Nature Singapore) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 858–865. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-4-858-865>

Сведения об авторе:

Икбал Бадар Алам, доктор наук, профессор Колледжа аспирантуры Университета Южной Африки; профессор факультета экономики и финансов бизнес-школы «Монарх». E-mail: badar.iqbal@fulbrightmail.org; dr.iqbal@monarch-university.ch

К авторам журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика»

Общие сведения и тематика журнала

Редакция журнала «Вестник РУДН. Серия: Экономика» приглашает к сотрудничеству авторов – преподавателей, научных работников, аспирантов.

Журнал выходит 4 раза в год – в марте, июне, сентябре и декабре.

Портфель со статьями в очередной номер «Вестника» формируется постоянно, по мере их поступления. С момента поступления статьи в редакцию до выхода журнала из типографии проходит примерно 3–4 месяца. Плата за публикацию не взимается. Важнейшее условие публикации – качественная статья, оформленная в строгом соответствии с требованиями «Вестника».

Журнал публикует статьи в следующих рубриках:

- вопросы экономической теории;
- продвижение экономических реформ в России и странах СНГ;
- экономическая интеграция и глобализация;
- экономика развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- экономика отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры;
- аналитическая информация и статистика;
- рецензии и пр.

Общие требования, предъявляемые к статьям

При подготовке рукописи для направления в редакцию авторам следует руководствоваться следующими правилами, составленными с учетом требований российских и международных ассоциаций и организаций, в том числе принципов и правил COPE (Committee on Publication Ethics), CSE (Council of Science Editors), EASE (European Association of Science Editors), указаний АНРИ (Ассоциация научных редакторов и издателей) и требований ВАК (Высшая аттестационная комиссия).

1. РУКОПИСЬ

Направляется в редакцию в электронном варианте через online-форму (<http://journals.rudn.ru>). Загружаемый в систему файл со статьей должен быть

представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

1.1. Объем полного текста рукописи (оригинальные исследования, лекции, обзоры), в том числе таблицы и список литературы, не должен превышать 25 000 знаков (с учетом пробелов). Количество знаков в тексте можно узнать через меню Word («Файл» – «Просмотреть свойства документа» – «Статистика»). В случае, когда превышающий нормативы объем статьи, по мнению автора, оправдан и не может быть уменьшен, решение о публикации принимается на заседании редколлегии по рекомендации рецензента

1.2. Формат текста рукописи. Текст должен быть напечатан шрифтом Times New Roman, иметь размер 14 pt и междустрочный интервал 1,5 pt. Отступы с каждой стороны страницы 2 см. Выделения в тексте можно проводить ТОЛЬКО курсивом или полужирным начертанием букв, но НЕ подчеркиванием. Из текста необходимо удалить все повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк (в автоматическом режиме через сервис Microsoft Word «Найти и заменить»).

1.3. Файл с текстом статьи, загружаемый в форму для подачи рукописей, должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).

2. СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Структура текста должна соответствовать приведенному ниже шаблону (может меняться в зависимости от типа работы).

2.1. Русскоязычная аннотация

Название статьи. Название статьи должно содержать и полноценно отражать предмет и тему статьи, а также основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

Копирайт, год, автор(ы) (имя, фамилия)

Авторы. При написании авторов статьи фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Иванов, С.И. Петров, И.П. Сидоров).

Учреждения. Необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название учреждения (без сокращений). После названия учреждения через запятую необходимо написать название города, страны. Если в написании рукописи принимали участие авторы из разных учреждений, необходимо соотнести названия учреждений и ФИО авторов путем добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов.

Аннотация статьи должна быть (если работа оригинальная) структурированной: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, заключение; содержать основные положения, изложенные в работе; отражать взгляд автора на обсуждаемую в рукописи проблему с учетом проанализированного материала и полученных результатов; позволять читателю понять уникальность данной статьи (исследования или обзора) – чем эта статья отличается от аналогичных работ. Объем текста аннотации должен быть в пределах 200–300 слов.

Ключевые слова. Необходимо указать ключевые слова – от 3 до 10, способствующие индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языках.

2.2. Англоязычная аннотация

Article title. Англоязычное название должно быть грамотно с точки зрения английского языка, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

Author names. ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом или так же, как в ранее опубликованных в зарубежных журналах статьях. Авторам, публикующимся впервые и не имеющим заграничного паспорта, следует воспользоваться стандартом транслитерации BSI (см. ниже).

Affiliation. Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ eLibrary.ru

Abstract. Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре (Aim, Materials and Methods, Results, Conclusions) полностью соответствовать русскоязычной, быть грамотной с точки зрения английского языка и также включать 200–300 слов.

Keywords. Необходимо указать ключевые слова – от 3 до 10, способствующие индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языках.

2.3. Полный текст (на русском, английском, немецком, французском, испанском или последовательно на нескольких языках) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы:

- введение (обоснование);
- обзор литературы;
- методы и подходы;
- результаты;
- выводы/заключение.

2.4. Дополнительная информация (на русском, английском или обоих языках)

Информация о конфликте интересов. Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. Конфликтом интересов может считаться любая ситуация (финансовые отношения, служба или работа в учреждениях, имеющих финансовый или политический интерес к публикуемым материалам, должностные обязанности и др.), способная повлиять на автора рукописи и привести к сокрытию, искажению данных, изменению их трактовки.

Наличие конфликта интересов у одного или нескольких авторов НЕ является поводом для отказа в публикации статьи. Выявленное редакцией сокрытие потенциальных и явных конфликтов интересов со стороны авторов может стать причиной отказа в рассмотрении и публикации рукописи.

Информация о финансировании. Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.). Указывать размер финансирования не требуется.

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся ее авторами.

Информация о вкладе каждого автора (и лиц, указанных в разделе «Благодарности»). Пример: Участие авторов: Иванов И.И. – концепция и дизайн исследования; Петров П.П. – сбор и обработка материалов; Сидоров С.С. – анализ полученных данных, написание текста.

2.5. Библиографический список

Ссылки на источники в *пристатейном списке литературы* должны быть отсортированы по алфавиту и соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в круглых скобках в формате «(Автор, дата)».

В списке литературы приводятся только опубликованные материалы (ссылки на Интернет-ресурсы допускаются).

Следует избегать самоцитирования, за исключением случаев, когда оно представляется необходимым (например, если нет других источников информации или настоящая работа проведена на основе либо в продолжение цитируемых исследований). Самоцитирование желательно ограничить тремя ссылками.

Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008.

Подробные правила оформления библиографии можно найти в специальном разделе «Оформление библиографии».

2.6. References

Дополнительный список литературы в романском алфавите (References) необходимо приводить для соответствия публикуемых работ требованиям международных баз данных.

Список источников в References должен полностью соответствовать таковому в «Списке литературы». В отличие от «Списка литературы», русскоязычные источники в References следует привести в их латиноязычном эквиваленте – они должны быть написаны буквами романского алфавита:

– исходно русскоязычные источники (и их части), у которых существует официальный перевод на английский (или другой язык, использующий романский алфавит), должны быть приведены в переводе;

– источники (или части библиографического описания), для которых перевод не существует, должны быть приведены в транслитерации (см. ниже).

Все источники в References следует оформлять в стиле APA.

Статья на русском языке:

– авторы (транслитерация);

– заглавие статьи (транслитерация);

– [перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках];

- название источника (транслитерация, курсивом);
- [перевод названия источника на английский язык (для журналов можно не давать)];
- выходные данные только цифровые (без обозначения тома, номера и страниц – Vol., No., Pp. – на английском языке).

Пример:

Ivanov A. (2004). *Economicheskiy krizis [Economic crisis]. Ekonomika, 2(8), 17–36.*

Статья на английском, французском, немецком и других языках (латиница):

- авторы (англ., фр., нем. и др. яз.);
- заглавие статьи (англ., фр., нем. и др. яз.);
- название источника (англ., фр., нем. и др. яз., курсивом);
- выходные данные;
- если статья имеет DOI, обязательно (!) указать.

Примеры:

Author A.A., Author B.B., Author C.C. (2015). Title of article. *Title of Journal, 10(4), 53–57.* DOI: 10.3768/10832750.2013.88703

Author A.A., Author B.B., Author C.C. (2015). Title of article. *Title of Journal, 10(4).* DOI: 10.3768/10832750.2013.88703. Available at: название интернет-ресурса (accessed: 00.00.0000).

Подробные правила оформления библиографии можно найти на сайте журнала в специальном разделе «Оформление библиографии».

2.7. Контактная информация

Необходимо последовательно указать контактную информацию ВСЕХ АВТОРОВ. Раздел должен содержать следующие данные о каждом авторе:

- ФИО (полностью);
- ученая степень, ученое звание, должность, структурное подразделение и полное наименование организации (основного места работы);
- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (необходим для оперативной связи с автором, он не будет размещен в опубликованном варианте рукописи или передан третьим лицам);
- идентификаторы ORCID iD (см. подробнее – <http://orcid.org/>), eLIBRARY SPIN-код (см. подробнее – http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp), SCOPUS ID (см. подробнее – <https://www.scopus.com/freelookup/form/author.uri>).

3. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

При публикации статьи часть или вся информация должна быть дублирована на английский язык или транслитерирована (написана латинскими буквами). При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bsi>

4. ТАБЛИЦЫ

Следует помещать в текст статьи, они должны иметь нумерованный заголовок и четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нем информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды – в русскоязычном и англоязычном вариантах. Сначала следует привести русскоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы. Сразу за ними следует поместить англоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы, при этом номер заголовка и данные в таблице (но не текст!) должны совпадать. При создании англоязычного варианта таблицы и заголовка не следует использовать транслитерацию – необходимо давать полноценный перевод на английский.

Текст англоязычного варианта заголовка таблицы может не точно совпадать с текстом русскоязычного варианта, особенно в тех случаях, когда целесообразно в заголовке дать дополнительные пояснения к содержанию таблицы.

5. РИСУНКИ

Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью. Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

Нумерованную подрисуночную подпись следует дать дважды – на русском и английском языках. Обе подрисуночные подписи следует располагать непосредственно под изображением, англоязычную версию подрисуночной подписи следует ставить сразу после русскоязычной. Подрисуночная подпись на английском языке при необходимости может содержать более детальное пояснение иллюстрируемых данных, чем русскоязычная. Пример: Рис. 1. Динамика показателей изучаемых процессов [Figure 1. Dynamics of indicators of studied processes].

При наличии текста на изображении (например, в случае текстовых схем), кроме оригинального рисунка, в рукопись следует вставить его копию, содержащую англоязычный вариант всего русскоязычного текста. Если на изображении мало текстовых элементов (например, только единицы измерения и подписи осей графика), допустимо не делать его англоязычную копию, а дублировать текст на английском непосредственно на оригинальном изображении.

Иллюстрации (графики, диаграммы, схемы, чертежи), рисованные средствами MS Office, должны быть контрастными и четкими. Иллюстрации должны быть выполнены в отдельном файле и сохранены как изображение (в форматах *.jpeg, *.bmp, *.gif), а затем помещены в файл рукописи как цельный рисунок. Недопустимо нанесение средствами MS Word каких-либо элементов поверх вставленного в файл рукописи рисунка (стрелки, подписи) ввиду большого риска их потери на этапах редактирования и верстки.

Фотографии, скриншоты (отпечатки экранов мониторов) и другие нерисованные иллюстрации необходимо не только вставлять в текст рукописи, но и загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx – если на изображение нанесены дополнительные пометки). Разрешение изображения должно быть больше 300 dpi.

Файлу изображения необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте. В описании файла следует отдельно привести подписочную подпись, которая должна соответствовать названию фотографии, помещаемой в текст (пример: Рис. 1. Сеченов Иван Михайлович).

Если в рукописи приводятся рисунки, ранее опубликованные в других изданиях (даже если их элементы переведены с иностранного на русский язык), автор обязан предоставить в редакцию разрешение правообладателя на публикацию данного изображения в другом журнале (с правильным указанием соответствующего журнала), в противном случае это будет считаться плагиатом (см. подробно раздел «Этика научных публикаций»).

6. СОКРАЩЕНИЯ

Все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и рисункам с указанием использованных статистических критериев (методов) и параметров статистической вариабельности (стандартное отклонение, стандартная ошибка среднего и проч.). Статистическую достоверность/недостоверность различий данных, представленных в таблицах, рекомендуется обозначать надстрочными символами *, **, †, ††, ‡, ‡‡ и т.п.

7. СООТВЕТСТВИЕ НОРМАМ ЭТИКИ

Для публикации результатов экспериментальных исследований с участием людей необходимо указать, подписывали ли участники исследования информированное согласие, был ли протокол исследования одобрен этическим комитетом (с приведением названия соответствующей организации, ее расположения, номера протокола и даты заседания комитета). Подробно принципы публикационной этики, которыми при работе руководствуется редакция, изложены на сайте журнала в разделе «Этические принципы журнала».

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

При подаче рукописи в редакцию журнала необходимо дополнительно загрузить файлы, содержащие сканированные изображения заполненных и заверенных сопроводительных документов (в форматах *.pdf или *.jpg).

В число обязательных документов входит сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем, в совокупности содержащие подписи всех авторов рукописи).

В случае, когда авторы рукописи работают в разных учреждениях, городах, странах, можно представить несколько сопроводительных писем; при этом в редакции журнала должны оказаться подписи ВСЕХ АВТОРОВ рукописи.

Для статей студентов, магистрантов и аспирантов без ученой степени сопроводительное письмо должно быть оформлено на официальном бланке факультета/института и заверено у руководителя факультета/института и научного руководителя.

Подготовка статьи

При передаче рукописи в редакцию на рассмотрение авторам необходимо согласиться со всеми следующими пунктами. Рукопись может быть возвращена авторам, если она им не соответствует.

1. *Отсутствие плагиата в тексте.* Авторы гарантируют, что статья целиком или частично не была раньше опубликована, а также не находится на рассмотрении и в процессе публикации в другом издании. Если рукопись ранее была подана для рассмотрения в другие издания, но не была принята к публикации, обязательно укажите это в сопроводительном письме, в противном случае редакция может неверно истолковать результаты проверки текста на наличие неправомочных заимствований и отклонить рукопись.

2. *Правильный формат.* Отправляемый файл рукописи имеет формат Microsoft Word или RTF – *.doc, *.docx, *.rtf. При оформлении рукописи соблюдены все требования редакции по оформлению текста, рукопись отформатирована в соответствии с указаниями официального сайта журнала.

3. *Сопроводительные документы.* Авторы подготовили для передачи в редакцию сопроводительное письмо и обязуются загрузить его на сайт журнала на Шаге 4 в процессе отправки рукописи.

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТна газету
журнал

36431

(индекс издания)

Вестник РУДН.

Серия: Экономика

(наименование издания)

Количество
комплектов

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

ПВ	место	литер

ДОСТАВОЧНАЯ

36431

КАРТОЧКА

(индекс издания)

на газету
журнал

Вестник РУДН.

Серия: Экономика

(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	
	пере- адресовки	руб.	

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

город

село

почтовый индекс

область

район

код улицы

улица

дом

корпус

квартира

фамилия, инициалы

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТна газету
журнал

(индекс издания)

Вестник РУДН.

Серия: _____

(наименование издания)

Количество
комплектов

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому _____

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

ПВ	место	литер

ДОСТАВОЧНАЯ**КАРТОЧКА**

(индекс издания)

на газету
журнал

Вестник РУДН.

Серия: _____

(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов	<input type="text"/>
	каталожная	руб.		
	пере- адресовки	руб.		

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

город

село

почтовый индекс

область

район

код улицы

улица

дом

корпус

квартира

фамилия, инициалы

